

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ**

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА:
СОВРЕМЕННАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ**

СБОРНИК ОБЗОРОВ И РЕФЕРАТОВ

**МОСКВА
2 0 1 4**

ББК 63.3(0) 53
П 261

Серия
«Всеобщая история»

**Центр социальных научно-информационных
исследований**

Отдел истории

Ответственный редактор – д-р ист. наук *В.П. Любин*
Редактор-составитель – канд. ист. наук *М.М. Минц*

Первая мировая война: Современная историография:
П 261 Сб. обзоров и реф. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-
информ. исслед. Отд. истории; Отв. ред. Любин В.П.,
Минц М.М. – М., 2014. – 231с. – (Сер.: Всеобщая история).
ISBN 978-5-248-00749-3

Представлены работы по военной, политической, социальной и культурной истории Первой мировой войны. Рассматриваются проблемы, актуальные для мировой исторической науки, в том числе память о войне, пропаганда, формирование национальной идентичности. Особое внимание уделяется историографическим дебатам.

Для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

ББК 63.3(0) 53

ISBN 978-5-248-00749-3

© ИНИОН РАН, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
<i>В.П. Любин.</i> Западные историки о Первой мировой войне. (Реферативный обзор)	9
<i>М.М. Минц.</i> Германия в Первой мировой войне: Современная немецкая историография. (Реферативный обзор)	22
«Исходная катастрофа»: Юбилей Первой мировой войны как повод для переосмысления истории XX века. (Сводный реферат)	34
Исследование Ф. Фишера о Первой мировой войне и европей- ская историография. (Сводный реферат)	40
<i>Миронов В.В.</i> Австро-венгерская армия в Первой мировой войне: Разрушение оплота Габсбургской монархии. (Реферат)	52
1914–2014 гг.: Годовщина Великой войны в истории. Взгляд из Франции. (Сводный реферат)	59
<i>Кларк К.</i> Лунатики: Как Европа вступала в Первую мировую войну. (Реферат)	78
<i>Джонс Х.</i> К столетию Первой мировой войны: Новые подходы в историографии. (Реферат)	85
<i>М. Плувиано.</i> Современная итальянская историография и Пер- вая мировая война. (Аналитический обзор)	90
<i>Джентиле Э.</i> Два пистолетных выстрела, десять миллионов убитых, конец мира: Иллюстрированная история Великой войны. (Реферат)	111
<i>Кингсбери С.М.</i> Для дома и для страны: Пропаганда в тылу в годы Первой мировой войны. (Реферат)	124
Актуальные проблемы истории Первой мировой войны в интерпретации российских и зарубежных историков. (Сводный реферат)	131

Образы Первой мировой войны в сознании ее участников и наших современников. (Сводный реферат)	139
<i>С.В. Беспалов.</i> Социально-экономическое развитие имперской России в годы Первой мировой войны (по материалам научных конференций). (Реферативный обзор)	152
<i>Хейвуд А.</i> Искра революции? Дезорганизация железных дорог, перевозки грузов и царская Россия в войне, июль 1914 – март 1917. (Реферат)	169
<i>Хвальба А.</i> Самоубийство Европы: Великая война 1914–1918 гг. (Реферат)	172
<i>Пылькин В.А.</i> Военнопленные Австро-Венгрии, Германии и Османской империи на Рязанской земле в годы мировой войны и революции. (Реферат)	187
<i>Л.Н. Жванко.</i> Первая мировая война и беженцы на Восточном фронте: Новые исследования, (конец XX – начало XXI века). (Аналитический обзор)	193
<i>Жванко Л.Н.</i> Беженцы Первой мировой войны: Украинская реальность, (1914–1918 гг.). (Реферат)	215
<i>Энглунд П.</i> Восторг и боль сражения: Первая мировая в 211 эпизодах. (Реферат)	222
Сведения об авторах	229

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Горьким был отъезд наш на фронт,
И многие с него не вернулись».

*Из итальянской солдатской песни
времен Первой мировой войны*

Первая мировая война, с момента начала которой в августе 2014 г. исполняется 100 лет, стала роковым событием XX столетия и во многом определила его дальнейший ход. Небывалая кровавая бойня, какой до тех пор мир еще не знал, повлекла за собой более 10 млн жертв, в 3 раза больше оставшихся инвалидами, нанесла глубокую психологическую травму целым поколениям. В число жертв входили не только солдаты и офицеры армий воевавших стран, но и мирное население, оказавшееся в зоне боевых действий войны, впервые ставшей, по признанию историков, «тотальной».

В странах-участницах, вероятно, найдется мало семей, которых не затронула Первая мировая. Последующие поколения помнили, что на алтарь той войны были принесены невосполнимые жертвы. Отзвуки семейных историй об участии дедов и прадедов в этой войне, страданиях пленных и беженцев сохранялись и дошли до поколений, живущих в начале XXI в.

В этой новой «технологической войне» враждующие стороны впервые применили целый ряд новых видов вооружений, включая и первое в истории оружие массового уничтожения – отравляющие газы. Результаты их использования оказались настолько ужасающими, что в ходе Второй мировой войны ни одна из стран-участниц не решилась применить химическое оружие повторно (за исключением отдельных локальных эпизодов).

Разумеется, учитывая колоссальную значимость Первой мировой войны для европейской и мировой истории, все так или иначе связанные с ее изучением профессиональные историки раз-

ных стран, приверженцы разных научных школ и различных политических взглядов, особенно ученые из стран-участниц, посвятили 100-летию ряд новых интересных трудов. Составители предлагаемого сборника постарались показать в нем текущее состояние исследований. Значительную часть литературы, использованной при его подготовке, составили монографии и коллективные труды, выпущенные известными издательствами в 2013–2014 гг. Тем самым в сборнике нашел отражение историографический бум последнего времени, неимоверный рост числа публикаций по различным вопросам, связанным с Первой мировой войной, в преддверии ее 100-летней годовщины.

Материалы сборника выстроены в определенном порядке. Сначала идут обзоры и рефераты, в которых рассматриваются общие темы, а также участие в войне крупнейших мировых держав из обеих воюющих коалиций. Национальные историографии и все последние дискуссии по Первой мировой войне представлены трудами авторов из соответствующих стран, среди них – Австрия, Великобритания, Германия, Италия, Польша, Россия, Франция, США.

Открывает сборник обзор современной западной историографии Первой мировой войны, написанный В.П. Любиным на материале 12 работ на немецком, английском и итальянском языках, изданных в 2013–2014 гг., включая специальный выпуск журнала «Восточная Европа» (*Osteuropa*). Автор подготовил также сводный реферат по двум российским сборникам статей, посвященным Первой мировой войне.

В обзоре М.М. Минца рассматривается немецкая историография Первой мировой войны. Ее новейшие тенденции обсуждаются также в сводном реферате Т.А. Некрасовой (МГУ).

К перечисленным материалам примыкает и историографическая статья Х. Джонс «К столетию Первой мировой войны: Новые подходы в историографии», реферат на которую был подготовлен Ю.В. Дунаевой. Ей же принадлежит сводный реферат, посвященный острым дискуссиям, развернувшимся в ФРГ в 1960–1970-е годы вокруг книги Ф. Фишера «Рывок к мировому господству» о роли Германии в развязывании Первой мировой войны, и влиянию этих дискуссий на дальнейшее развитие исследований в различных странах Европы.

Детальный обзор современной итальянской историографии по нашей просьбе написал генуэзский историк М. Плувиано (публикуется в переводе И.Е. Эман). Представленный материал важен

и потому, что многие исследователи недооценивают роль Итальянского фронта в Первой мировой войне.

К числу фундаментальных трудов, изданных в самые последние годы, относятся монография английского историка австралийского происхождения К. Кларка «Лунатики: Как Европа вступала в Первую мировую войну» и книга итальянского ученого Э. Джентиле «Два pistolетных выстрела, десять миллионов убитых, конец мира», представляющая собой иллюстрированную обзорную работу, посвященную различным аспектам истории Первой мировой войны, ее последствиям, а также ее восприятию в нынешней Европе, и в первую очередь в Италии. Книга Кларка, впервые изданная в Великобритании в 2012 г., была переиздана в 2013 г. в США и в 2013–2014 гг. выдержала 13 изданий в Германии. Ее общий тираж, вероятно, уже превысил 400 тыс. экз. Рефераты на обе эти книги подготовлены В.П. Любиным.

В ряде не только западных, но и отечественных публикаций анализируются различные проблемы страновой тематики. В книге В.В. Миронова рассмотрена история участия австро-венгерской армии в Первой мировой войне (реферат И.Е. Эман). Книга американской исследовательницы С.М. Кингсбери посвящена пропаганде в тылу как одному из главных направлений развития пропаганды в США в годы войны (реферат И.К. Богомолова). Польский историк А. Хвальба в монографии «Самоубийство Европы», не ограничиваясь национальными польскими сюжетами, дает собственную интерпретацию истории войны в целом (реферат Л.С. Лыкошиной). Положение немецких, австрийских, турецких военнопленных в России на примере Рязанской губернии отражено в книге В.А. Пылькина (реферат В.М. Шевырина).

Социально-экономическое развитие Российской империи во время Первой мировой войны освещено в обзоре С.В. Беспалова по материалам научных конференций. К этой же теме примыкает работа историка из Великобритании А. Хейвуда «Искра революции?», посвященная состоянию железнодорожного транспорта России в 1914–1917 гг. (реферат Т.К. Сазоновой).

Во многих странах – Франции, Италии и др. – созданы специальные комитеты и комиссии по подготовке к юбилею Первой мировой войны, состоящие из известных исследователей-историков, литераторов, политиков. Мероприятия, запланированные во Франции в связи с этой датой, отражены в сводном реферате Т.М. Фадеевой. В другом ее материале, подготовленном на основе работ отечествен-

ных авторов, речь идет об образах Первой мировой войны в сознании ее участников и в позднейшей исторической памяти.

Подробный обзор историографии по тематике беженства в Восточной Европе представлен нашей украинской коллегой из Харькова Л.Н. Жванко. Этой же проблеме посвящена и ее монография «Беженцы Первой мировой войны: Украинская реальность (1914–1918 гг.)». В сборнике помещен реферат этой книги, подготовленный О.В. Бабенко.

Завершает сборник реферат И.Е. Эман на книгу П. Энглунда «Восторг и боль сражения: Первая мировая в 211 эпизодах». Атмосфера Первой мировой войны воссоздается по 211 фрагментам из дневников и воспоминаний 19 ее участников, сражавшихся в различных местах: от Западного и Восточного фронтов в Европе, от Альп и Балкан до Восточной Африки и Месопотамии.

Выражаем признательность всем авторам, принявшим участие в работе над сборником. Насколько удачным он получился – судить читателям.

В.П. Любин, М.М. Минц

В.П. Любин
ЗАПАДНЫЕ ИСТОРИКИ
О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ
(Реферативный обзор)

В последние годы и даже месяцы в западноевропейских книжных магазинах заметно увеличился приток новых трудов историков о Первой мировой войне. Так отмечается исследователями грядущий столетний юбилей.

В предлагаемом обзоре речь идет главным образом о новых книгах, сборниках документов и статей, тематических журнальных подборках, вышедших в 2013–2014 гг. в основном в Германии и Австрии. Нередко они переводные из других стран, например из США и Англии; немцы в таких случаях делают различие и пишут: перевод с американского, перевод с английского (4; 8). Представлены также исследования итальянского и австралийского авторов (6; 7).

В рассматриваемых работах трактуется самая разнообразная тематика, в том числе связанная с «темными пятнами» истории начала XX в. и конкретно – событий военных лет (1914–1918). Историография Первой мировой войны на самом деле огромна, и в последние годы в нее внесен новый весомый вклад.

Начнем с литературы, касающейся участия в войне Австро-Венгрии. В сборнике «1914. Немного другая книга для чтения о Первой мировой войне: Неизвестные документы австро-венгерской дипломатии» (1) воспроизводятся интереснейшие, еще не введенные в научный оборот документы. Составитель Р. Агстнер замечает, что ему удалось собрать материалы, относящиеся в основном к деятельности Министерства иностранных дел Австро-Венгрии, размещавшегося в Вене на Балль-платц. Они датированы периодом с января по декабрь 1914 г.

Один из них относится к началу войны. Это донесение К. фон Гискра, австро-венгерского посланника в Гааге, в свое Министерство иностранных дел в Вене, от 2 августа 1914 г.: «Мои шифр-телеграммы в Люксембург, очевидно, больше не доставляются. Немецкий посланник подтвердил мне, однако, газетную новость о том, что тамошний германский посланник дружески сообщил правительству Великого Герцогства, что Германия вынуждена занять территорию Люксембурга» (1, с. 113).

Далее идут объяснения, почему Германия вынуждена так поступить, сопровождаемые ремаркой, что люксембургский государственный министр протестовал против этого. В подборке имеются и другие интересные документы, освещающие малоизвестные страницы истории 1914 г. Книга снабжена отдельным списком публикуемых документов и подробным именным указателем.

В 2013 г. вышла в свет крупная работа ведущего австрийского военного историка, профессора Венского университета Манфрида Раухенштайнера «Первая мировая война и конец Габсбургской монархии» (12). В ней подробно рассматриваются внутриполитическая система Австро-Венгрии 1914 г. и ход боевых действий ее армии. На внутренних разворотах обложки представлены карты театра военных действий австрийской армии на русско-австрийском и итало-австрийском фронтах.

М. Раухенштайнер использует многочисленные опубликованные источники и литературу на немецком, английском, итальянском и французском языках. Насчитывающая 1222 страницы книга состоит из 32 глав, эпилога и заключения, снабжена именным и географическим указателями.

Как отмечается в аннотации на эту книгу, «история освобождения от пут Первой мировой войны, роль кайзера Франца Иосифа, поведение национальностей Габсбургской монархии, распад просуществовавшего более 600 лет рейха не утратили своего драматизма вплоть до сегодняшнего дня» (12, с. 1). Исследование Раухенштайнера может рассматриваться как своеобразная австрийская энциклопедия Первой мировой войны.

Автор начинает изложение с обстановки в Австро-Венгрии и Европе накануне войны и степени подготовки двухмиллионной армии к будущим сражениям, а затем переходит к непосредственному ходу событий 1914–1918 гг. Обращаясь к истории создания австро-венгерской армии, он напоминает, что после преобразований 1867 г. и разделения страны на австрийскую и венгерскую части в 1868 г. были созданы «общие» кайзеровско-королевские

вооруженные силы. Наряду с ними существовали королевско-венгерский гонвед и кайзеровско-королевский ландсвер.

М. Раухенштайнер предоставляет статистику, показывающую, из каких частей состояли войска Австро-Венгрии, насчитывавшие в мирное время 415 тыс. человек. Для сравнения он приводит данные о том, что бюрократический аппарат империи состоял из 550 тыс. человек (12, с. 57). Хотя в национальном составе империи на долю немцев приходилось 24%, в армии они составляли 76,1%, венгры при этом – 10,7 и 5,2% – другие национальности: чехи, хорваты, русины, словаки, поляки, румыны, словенцы, сербы и итальянцы. Среди офицеров резерва насчитывалось 56,8% немцев, 24,5 – венгров, 10,6% – чехов. Среди унтер-офицеров было всего 25% немцев. В армии служили 44 тыс. евреев, их в ней было больше, чем словенцев. В самом Военном министерстве служили 68% немцев, 14% чехов, военным министром с 1913 по 1917 г. был чех, барон Александр Кробатин (12, с. 57).

В заключительной части книги Раухенштайнер напоминает, в каких условиях велись переговоры и заключался мир на Парижской мирной конференции 1919 г. В отдельных группах экспертов готовились мирные договоры с Германией, Болгарией и Османской империей. Однако отсутствовала группа подготовки мирного договора с Австро-Венгерской монархией. Ее и не могло быть, так как Австро-Венгерская империя больше не существовала. Она осталась только в воспоминаниях. На ее место пришли так называемые государства-наследники (12, с. 1056).

Австрийский сборник «Первая мировая война. Глобальный конфликт – локальные последствия. Новые перспективы» (5) был представлен его авторами на международной научной конференции в РГГУ, проходившей 28 марта 2014 г. по теме: «Первая мировая война и последствия распада европейских империй». В статьях этой коллективной монографии, авторами которой являются историки Австрии, Швейцарии, России, Франции, США, Германии, Бельгии, Словении, рассматриваются вопросы военной, экономической, социальной истории Первой мировой войны. Анализируются такие проблемы, как ведение пропагандистской войны, сравниваются стратегические планы генеральных штабов, роль женщин в годы войны, положение военнопленных, имиджевые картины войны.

Сборник содержит статьи на немецком и английском языках. Во введении, написанном швейцарским исследователем Даниэлем Марком Зегессером и озаглавленном «Первая мировая война: То-

тальная война в глобальной перспективе», отмечается, что многие солдаты, офицеры и политики во всем мире в начале войны были охвачены эйфорией. Приведа отрывки из подобного пронизанного эйфорией письма молодого офицера австралийских войск Довкина, воспроизведенного в книге шведского исследователя П. Энглунда¹, отрывок из высказывания австралийского премьер-министра Джозефа Кука летом 1914 г. о всемерной поддержке Австралией Британской империи в случае начала войны, заявление австрийского генерала Виктора Данкля о том, что наконец-то пришло время великой войны, которая станет мировой, автор подмечает, что они были не одиноки. Но хотя такие известные люди, как Гельмут фон Мольтке-старший, Фридрих Энгельс или Ян Готлиб Блох еще за много лет до этого нарисовали мрачные сценарии будущей войны, никто в июле – начале августа 1914 г. не предполагал, что начнется военный конфликт, который изменит жизнь миллионов людей во всем мире (5, с. 25).

Сборник подразделяется далее на несколько частей: «Политика и военное дело», «На всех фронтах», «Военная и снабженческая экономика», «Отношение к “другим”», «За Отечество», «Внутренний фронт в Австрии и социальное измерение войны», «Картины войны», «Легитимация и идентичность».

Авторы обращаются к самым разнообразным сюжетам. Профессор университета в Гёттингене Труде Маурер, например, исследует поведение русских студентов и преподавателей во время войны. Статья озаглавлена «Далеко от фронта и далеко от “народа”: “Защита родины” студентами и профессорами Российской империи» (5, с. 247–270). Маурер приходит к выводу, что «привилегированность образованных людей Российской империи была следствием полностью раздельного карьерного пути в военном деле и в науке», а также примата гражданских компонентов после реформ 1860-х годов и последующих десятилетий (5, с. 270).

Американский журналист и историк Адам Хохшильд в своей книге «Великая война. Закат старой Европы в Первой мировой войне 1914–1918 гг.» (8) обращается к теме памяти о погибших. Книга начинается с описания кладбищ английских солдат, погибших в первый день их наступления на Сомме в затяжной битве, начатой 1 июля 1916 г. Конкретно речь идет о подкреплении, прибывшем из Девоншира и в большинстве своем погибшем от плотного пулеметного огня, примененного на том участке противни-

¹ См. реферат этой работы на с. 222 настоящего сборника.

ком. Девонширцев было убито в первый же день наступления больше, чем в любом другом бою, который приходилось вести английской армии. Это был самый кровавый день в британской военной истории (8, с. 8). На кладбищах близ Соммы лежит 21 тыс. британских солдат, убитых в этом первом бою или получивших смертельные раны. В тот же первый день наступления союзников число раненых британцев достигло 36 тыс. (8, с. 10). Из закончивших в 1913 г. Оксфордский университет пал 31% его выпускников (8, с. 11).

Потери мужского населения в Германии составили, если брать возраст от 20 до 22 лет, 35%, многие из молодых людей, призванных воевать на фронте, оказались к тому же тяжело ранеными. Четыре года спустя после войны Гитлер заявлял, что ставшие жертвами войны 2 млн немцев пали не напрасно и это требует возмездия (8, с. 12).

Еще хуже обстояли дела у французов. Половина французских мужчин, которым было тогда от 19 до 32 лет, не дожили до конца войны, напоминает американский автор (8, с. 10). Он вспоминает о том, что и в его семье были участники той войны, в том числе один русский, муж его тети, прошедший не только Первую мировую, но и вдобавок Гражданскую войну в России, где он воевал на стороне белой армии, и в итоге оказавшийся в Америке (8, с. 9). «Это не война, — цитирует автор письмо одного британского солдата, — а конец света» (8, с. 10).

Франция и Англия вместе потеряли убитыми 2 млн человек. Даже победители стали побежденными: экономики стран-победительниц Англии и Франции были разрушены, накопились огромные долги (8, с. 12).

Попытки сопротивления антивоенных сил внутри воюющих стран жестко пресекались. Даже парламентские депутаты, протестовавшие против официальной линии правительств, подвергались остракизму и отправлялись в тюрьму. В связи с этим автор приводит примеры германских социал-демократов Розы Люксембург и Карла Либкнехта, лидера американских социалистов Юджина Дебса (8, с. 13). В Англии в 1916 г. были вынесены даже смертные приговоры противникам войны, которые, однако, не были приведены в исполнение.

Говоря о том, какие критерии он положил в основу своей книги, Хохшильд отмечает, что обычно в книгах о войне описывается дуэль двух сторон. Он же стремится вместо этого показать борьбу, проходившую внутри государства, в данном случае Вели-

кобритании, между двумя группировками: с одной стороны, – теми, кто принял войну и был убежден, что она необходима, с другой – теми, кто считал, что войны нельзя допустить ни в коем случае (8, с. 15). У всех них были разные «мечты»: сторонники войны грезил об укреплении империи и национальном подъеме, которые принесет победоносная война, противники войны думали, что рабочие Европы никогда не станут воевать друг с другом, а произошедшая в России революция с ее антивоенными лозунгами станет вдохновляющим примером для других (8, с. 16).

Австралийский историк Питер Хэм в книге «Год, закончивший мир» дает свою интерпретацию кризиса лета 1914 г. и исследует участие солдат из Австралии в Первой мировой войне (7).

Другой австралиец, живущий в Великобритании историк Кристофер Кларк, издал в 2012 г. в Англии, затем в 2013 г. в США и Германии книгу «Лунатики. Как Европа вступала в Первую мировую войну» (в англоязычных вариантах – «Лунатики. Как пришли к войне в 1914 г.»), ставшую бестселлером с огромным для научного труда тиражом¹. Она написана главным образом на материалах ведущих архивов великих держав – участниц войны с использованием широкого круга накопленной за сто лет историографической литературы. Повествование начинается с начала XX в. и доводится до июльского кризиса и начала войны в августе 1914 г., когда европейские страны одна за другой вовлекались в конфликт (4).

Попытавшийся дать в своей новой монографии (6) ответ на книгу Кларка итальянский историк Эмилио Джентиле, начинающий повествование тоже с событий на Балканах начала века – с убийства в 1903 г. в Сербии короля из династии Обреновичей и прихода к власти династии Карагеоргиевичей, поддержки со стороны сербских националистов покушения и убийства 28 июня 1914 г. наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда, – сосредоточил внимание на общем ходе войны не только в Европе, но и в мире².

Что касается участия одной из великих держав – Италии – в войне, то история итальянского нейтралитета 1914–1915 гг. и ход военных действий на итало-австрийском фронте 1915–1918 гг. рассмотрены в подборке, напечатанной по материалам совместной итало-немецкой конференции историков в 2007 г. Им удалось собрать воедино и дать оценку различным прежним интерпретаци-

¹ См. реферат этой работы на с. 78 настоящего сборника. – *Прим. авт.*

² См. реферат этой работы на с. 111 настоящего сборника. – *Прим. авт.*

ям этих тем. Один из издателей сборника «Вступление Италии в войну в 1915 г.» (9), известный итальянский историк Джан Энрико Рускони, подводит итоги изучения данного периода итальянской истории. Первая мировая война, пишет он, является определяющим моментом итальянской, а также и немецкой и австрийской истории. Ею закончился «долгий XIX век» и началась новая эпоха, воздействие которой простирается до наших дней.

Конечно, вступление Италии в войну по-разному воспринимается с разных сторон Альп. Немецкая и австрийская картины этой истории все еще определяются негативным «топосом» «итальянского предательства» своих давних партнеров по Тройственному союзу в 1914–1915 гг. В Италии, напротив, сохраняется сильная традиция представлять вступление страны в войну 23 мая 1915 г. как позитивное событие, начало «справедливой войны» против реакционных, милитаристских центральных держав, за «освобождение» от господства Австрии ирредентистских земель, т.е. территорий, где проживали итальянцы. Неудачное определение «священный эгоизм», примененное тогда итальянским премьер-министром Саландрой, основано на макиавеллистских принципах, считает Рускони.

Ужасно высокая цена, заплаченная Италией в виде материальных и людских потерь (погибли по крайней мере полмиллиона солдат, большие жертвы были и среди мирного населения), оставила незаживающие раны. Неудачи наподобие отступления при Капоретто в октябре 1917 г. усилили травматические последствия войны. 3 ноября 1918 г. Италия одержала победу над Австро-Венгрией и войска достигли вожделенных целей – Тренто и Триеста. «Но 23 мая 1915 г. привело не только к 3 ноября 1918 г., но и опосредованно к 28 октября 1922 г., когда прошел марш на Рим Муссолини и его сподвижников. Война заметно обострила политический, социальный и экономический кризисы либеральной Италии. Общественная атмосфера была намного сильнее, чем раньше, определена недовольством и готовностью к насилию. Этим и воспользовались фашисты» (9, с. 7–8).

Дж.Э. Рускони в связи с этим замечает, что «радужный май» 1915 г., названный так демонстрантами, тысячами вышедшими в мае на улицы и площади итальянских городов, поддерживая вступление в войну на стороне Антанты, лучше, вероятно, было бы назвать «черным маем». Вступление Италии в Первую мировую войну, как показывают помещенные в сборнике материалы, все еще остается спорным и дискуссионным моментом в историо-

графии (9, с. 10). Эти споры на страницах подборки представляяют читателю итальянские, немецкие и австрийские историки Дж.Э. Рускони, Хольгер Аффлербах, Никола Лабанка, Винченцо Кали, Оскар Юберэггер (9, с. 13–137).

Немецкие историки не остаются в стороне от историографического бума, разразившегося в последние годы в странах Европы и Северной Америки. Так, Герд Крумайх, давно специализирующийся на тематике истории Первой мировой войны, выпустил в 2014 г. монографию «Июль 1914. Итог» (11).

Она подразделяется на следующие части: введение, главы «Перед Великой войной», «От убийства королевской семьи до ультиматума», «“Локализация”: Обострение конфликта со стороны Германии», «Ультиматум и его последствия», «Решения, приведшие к войне», эпилог «100 лет дискуссии по поводу вины за войну, с 1914 до 2013 г.», приложение, состоящее из характеристик важнейших лиц, принимавших решения, и списка источников и литературы. Дан также именной указатель.

В приложении к работе, названном «Путь к войне», публикуются 50, по мнению Крумайха, главных документов, связанных с началом войны 1914–1918 гг. (11, с. 204–338). Автор исследует шаг за шагом события июльского кризиса 1914 г. и широко цитирует старые и новые научные труды об этих событиях. Его заслугой является попытка подведения итогов историографических дебатов о Первой мировой войне, хотя сам автор скромно отказывается от такой претензии. Книга снабжена обширным списком источников и литературы (11, с. 344–357).

«Через сто лет после начала Великой войны наступило время подвести итог тому, что мы точно знаем об этом катастрофическом моменте нашей истории, — пишет Крумайх. — Была ли эта война, полностью изменившая мир, развязана сознательно и если да, кем и с какой целью? Или все нации попросту попали в неприятное положение?» (11, с. 7). Так гласит формула британского политика Ллойд Джорджа, с которой согласились после длительных споров о виновниках войны в 1930-е годы. Приводится отрывок из мемуаров Ллойд Джорджа, где утверждается, что народы без малейшего страха соскользнули в кипящий котел войны.

Эта компромиссная формула сохранялась 30 лет, пока в 1960-е годы вопрос о вине за развязывание войны не вышел на большую арену немецкой и международной историографии. Вызвал ли это гамбургский историк Фриц Фишер своим тезисом о том, что война произошла по вине Германии, прозвучавшим в его

книге «Рывок к мировому господству»? В течение последующих 20 лет по этому вопросу сражались историки, публицисты и политики. Затем об этой теме забыли. Начиная с 1990-х годов исследователи обратились к теме культурной войны, изучали военный опыт и менталитет солдат и гражданских лиц. И лишь изредка в их трудах заходила речь о политиках, процессах принятия решений и, наконец, о драме июля 1914 г.

Многие немецкие участники полемики вокруг идей, предложенных Фишером, уже ушли из жизни. Г. Крумайх придерживается в этой полемике одной линии с Вольфгангом Моммзеном, другом и коллегой которого по их общей кафедре Дюссельдорфского университета он себя считает. Единства в немецкой историографии по поводу виновников войны так и не существует. Сам Крумайх полагает, что те, кто развязал войну, при всех их мрачных прогнозах, не имели представления о том, что случится на самом деле. Он напоминает, что многие считали, что война закончится через три месяца. Уже в октябре 1914 г. в Германии не осталось необходимой амуниции. В 1911 г. Шлиффен исходил из потребности мобилизации максимально 2 млн мужчин. В июле 1914 г. это почти в точности соответствовало действительности. Если бы Шлиффену сказали, что в 1918 г. на немецкой стороне будут сражаться 7 млн человек и что война потребует от Германии потерь в 2 млн убитых, он бы наверняка отправил такого предсказателя в сумасшедший дом (11, с. 8).

Методологически в изображении развязывания Первой мировой войны речь идет о том, чтобы избежать анахронизма, который Марк Блок называл «смертельным грехом историка». Исторiku должно удался то, что является этосом историографии, а именно понять людей в их времени 1914 г. и постараться не рассматривать их с высоты наших знаний о тотальной войне. Сегодня нам, считает Крумайх, предоставляется для этого лучший шанс, чем во времена контрверзы Фишера 1960-х годов, когда еще были живы современники Первой мировой войны с их сохранившейся памятью о «великом времени», о готовности к самопожертвованию и об энтузиазме августа 1914 г.

Особым вызовом для историка является то, что представление об июльском кризисе основывается на том же источниковом базисе, который существовал в то время, когда создавались первые исследования. В сравнении с другими историческими событиями это представляет собой явное исключение. Хотя во всех главных странах – участницах войны были изданы «цветные» книги, а по-

том и солидные многотомные подборки документов, все предыдущие историографические усилия, по мнению Крумайха, были суммированы в вышедшем на английском в 1952 г. трехтомнике итальянского журналиста Луиджи Альбертини, который вполне пригоден для исследователей. Новых документов, которые могли бы совершить переворот, не появлялось с 1930-х годов. А сама историография июльского кризиса имеет явные национально-политические масштабы, заключает Крумайх (11, с. 10–11).

В эпилоге автор замечает, что этот его историографический очерк не претендует ни на подведение полного итога современных исследований, ни на недвусмысленные ответы на вопросы: кто виноват в том, что началась Первая мировая война, или не было виновников, и все державы так или иначе скатились к войне, как гласит примирительная формула 1920-х годов? Или политики действительно были «лунатиками», как считает К. Кларк, или лучше в отношении них применить термин «фантазеры», которые не понимали, извержению какого вулкана они способствовали своими действиями? Более подробно по этому поводу Крумайх высказывается в готовящемся в Кембридже к печати сборнике, на который он дает ссылку в примечании. Там же упоминается еще одна работа по историографии, написанная и опубликованная во Франции Арндтом Вайнрихом¹.

Г. Крумайх по сути осуждает действия принимавших решения политиков Австро-Венгрии и Германии, испуганных растущей «русской угрозой», и неодобрительно пишет о «фаталистском мышлении» деятелей наподобие германского канцлера Бетман-Гольвега с его мыслью о «прыжке в темноту» во время июльского кризиса в надежде достичь спасительного берега. Тем самым «движущими силами в принятии решений в ходе июльского кризиса были не амбиции мировой державы или расчеты империалистического господства, а выраженный страх перед будущим», – заключает Крумайх (11, с. 184).

Из исследований, вышедших в последнее время в Германии, можно выделить интересные историографические труды, опубликованные в виде статей в специальных тематических журнальных подборках (3; 10).

¹ The Cambridge centennial history of the Great War / Ed. by J. Winter. – Cambridge, 2014 (в печати); Weinrich A. «Großer Krieg», große Ursachen? Aktuelle Forschungen zu den Ursachen des Ersten Weltkrieges // Francia. – Paris, 2013. – N 40. – P. 233–252.

Так, немецкие историки, в том числе специалисты по истории России и Восточной Европы Й. Баберовски, Д. Байрау и др., представили свои подготовленные к столетнему юбилею начала войны статьи в специальном выпуске немецкого журнала «Восточная Европа», озаглавленном «Пляска смерти: Первая мировая война на востоке Европы» (3).

В предисловии «Вчерашняя война и сегодняшние кризисы» редакция журнала (Манфред Саппер и Фолькер Вайхсель) дает представление о том, насколько широко столетний юбилей начала войны 1914–1918 гг. отмечается в Германии и мире. «Сейчас Первая мировая война представлена повсюду. С момента ее выхода (на немецком языке. – *В. Л.*) в сентябре 2013 г. продано почти 200 тыс. экз. книги Кристофера Кларка “Лунатики” о пути Европы к Первой мировой войне. Представленная в труде Герфрида Мюнклера “Великая война” широкая мировая панорама способствовала тому, что распродано 40 тыс. экз. этой книги. Это огромные цифры, по крайней мере, для 900-страничных томов» (3, с. 5).

«Горькой иронией судьбы является то, что как раз на столетний юбилей Первой мировой войны пришелся острый кризис во взаимоотношениях России и Украины, который заставляет мир затаить дыхание. На Украине время взорвалось... Ясно одно: как быстро конфликт может выйти за рамки, как мало нужно, чтобы разрушить мир, и как хрупка стабильность международной системы. Пугающий призрак Первой мировой войны является предостережением, какие страшные последствия могут нас ожидать, если политики не смогут оказаться на высоте. И исследование историками путей, приведших к войне, приобретает в нынешних условиях особую актуальность» (3, с. 6).

«Память о Первой мировой войне расколота», – продолжают авторы редакционного предисловия. «Войну на Западе удалось поместить в пространство транснациональной памяти, которое делят французы, бельгийцы, британцы и *cum grano salis* также и немцы. В этой западной памяти до сегодняшнего дня практически нет места для войны на Восточном фронте. На востоке Европы подобного транснационального пространства не возникло» (3, с. 6). В заключение авторы напоминают, что «Октябрьской революции не было бы без Первой мировой войны. С этой революцией и вступлением в войну США в 1917 г. начался идеологический, общественный и политический конфликт власти, которому предстояло определить короткий XX век. И в этом отношении война на

востоке отнюдь не была второстепенным театром военных действий в большой европейской войне» (3, с. 6).

Далее на страницах этого специального выпуска журнала, посвященного тематике истории Первой мировой войны, высказанные в предисловии мысли развивают в своих статьях такие историки, как Йорг Баберовски, Дитрих Байрау, Мари-Жанин Каллик, Андреас Коссерт, Эгберт Ян, Владимир Бороздей и Мацией Горны, Герффрид Мюнклер, Гуидо Хаусман, Йохен Бёлер, Олег Будницкий, Питер Гатрелл, Томас Балкеллис, Штефан Леншtedт, Марин Шульце Вессель, Альфонс Брюниг, Томас Бремер, Лидия Глуховска, Ада Раев, Александр Зумпф, Йост Дюффлер, Борис Колоницкий, Александр Голубев. Д. Байрау отмечает, что «Восточный фронт Первой мировой войны до сих пор находится в тени Западного фронта» (3, с. 405).

Ряд историков, чья деятельность связана с Германскими историческими институтами (ГИИ), работающими за рубежом страны, высказали свои взгляды о войне и новой историографии на страницах журнала, издаваемого Фондом Макса Вебера (10). Авторы – Торстен Вебер, научный сотрудник ГИИ в Токио, уже упоминавшийся здесь нами Герд Крумайх, а также Арндт Вайнрих, сотрудник ГИИ в Париже, и Жозеф Зиме – директор французской миссии по празднованию 100-летнего юбилея Первой мировой войны¹ – сосредоточивают внимание на задачах профессиональных историков в раскрытии белых пятен истории того периода, а также на достижениях современной историографии, рассказывают о том, как будет отмечаться столетний юбилей войны в Германии, во Франции, в Японии и других странах.

В немецком сборнике, выпущенном в формате альбома «Внимание, внимание! Здесь говорит война» (2), собраны материалы, демонстрирующие отношение общества к войне. Он снабжен текстами писателей и поэтов, иллюстрациями художников и фотографиями, сделанными на фронте и в тылу. Авторами-составителями являются Инго Лангнер, режиссер и публицист, и Райнер Ротер, историк и куратор выставок. Вошедшие в подборку материалы сгруппированы в несколько частей: «Начало», «Фронт», «За линией фронта», «Конец», «Писательницы и писатели». В последней части представлены биографии писателей и поэтов разных стран, в этом списке – Анна Ахматова, Гийом Аполлинер, Анри Барбюс, Алек-

¹ См. подробнее в обзоре Т.М. Фадеевой на с. 59 настоящего сборника. – *Прим. авт.*

сандр Блок, Бертольд Брехт, Владимир Маяковский, Марсель Пруст, Эрих Мария Ремарк, Йозеф Рот, Константин Федин, Стефан Цвейг и многие другие. Все они внесли весомый вклад в антивоенное движение, нараставшее в европейских странах и игравшее заметную роль и по окончании Первой мировой войны в 1920–1930-е годы (2, с. 326–381).

В завершение приводится хроника Первой мировой войны, в которой отмечены важнейшие события 1914–1918 гг. (2, с. 382–385). Даны также развернутые цветные карты с отметками на них мест сражений на европейском континенте (2, с. 386–387). Книга завершается списком литературы, в который включены произведения о Первой мировой войне тех писателей, которым посвящен предыдущий раздел этой книги-альбома (2, с. 388–393).

Список литературы

1. 1914. Das etwas andere Lesebuch zum Ersten Weltkrieg: Unbekannte Dokumente der österreichisch-ungarischen Diplomatie / Hrsg. von R. Agstner. – Münster: Lit, 2014. – 251 S.
2. Achtung! Achtung! Hier spricht der Krieg, 1914–1918 / Hrsg. von I. Langner. – Bonn: Bpb, 2014. – 396 S.
3. *Baberowski J., Beyrau D., Calic M.-J., Kossert A.* u.a. Totentanz: Der Ersten Weltkrieg im Osten Europas // Osteuropa. – B., 2014. – Jg. 64, Heft 2–4. – 424 S., 62 Abb.
4. *Clark Ch.* The Sleepwalkers: How Europe went to war in 1914. – N.Y.: HarperCollins Publishers, 2013. – XXXI, 697 p.: ill. (американское издание; первое английское издание: L.: Allen Lane, 2012. – XXIX, 696 p.: ill.).
5. Erster Weltkrieg: Globaler Konflikt – lokale Folgen: Neue Perspektiven / Hrsg. von S. Karner, Ph. Lesiak. – Innsbruck; Wien; Bozen: StudienVerlag, 2014. – 488 S.
6. *Gentile E.* Due colpi di pistola, dieci milioni di morti, la fine di un mondo: Storia illustrata della Grande Guerra. – Roma-Bari: Gius. Laterza & Figli Spa, 2014. – 227 p.
7. *Ham P.* 1914. The Year the World Ended. – North Sydney (N.S. W.): Random House Australia, 2013. – 704 p.
8. *Hochschild A.* Der Große Krieg: Der Untergang des alten Europa im Ersten Weltkrieg 1914–1918. – Bonn: Bpb, 2014. – 525 S.
9. Kriegseintritt Italiens im Mai 1915 / Hrsg. von J. Hürter, G.E. Rusconi. – München: R. Oldenbourg, 2007. – 143 S.
10. *Krumeich G., Weber T., Weinrich A., Zimet J.* 100 Jahre Erster Weltkrieg // Weltweit vor Ort: Das Magazin der Max Weber Stiftung. – Bonn, 2013. – N 2. – S. 5–17.
11. *Krumeich G.* Juli 1914. Eine Bilanz: Mit einem Anhang: 50 Schlüsseldokumente zum Kriegausbruch. – Paderborn u.a.: Ferdinand Schöning, 2014. – 362 S.
12. *Rauchensteiner M.* Der erste Weltkrieg und das Ende der Habsburgermonarchie. – Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2013. – 1222 S.

М.М. Минц

**ГЕРМАНИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ:
СОВРЕМЕННАЯ НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
(Реферативный обзор)**

В Германии история Первой мировой войны долгое время вызывала в целом меньший интерес, нежели в странах англоязычного мира (ср. 6, с. 12, 174). Тем не менее за последние несколько лет на немецком языке вышло довольно много книг по истории Первой мировой войны, безусловно заслуживающих внимания. Многие из них носят обзорный характер и отличаются обширным хронологическим и тематическим охватом. Встречаются и узкоспециальные исследования; так, Сандро Фер в книге «“Азотный вопрос” в немецкой военной экономике во время Первой мировой войны и роль нейтральной Швейцарии» (2) рассматривает попытки Германии преодолеть дефицит азотсодержащего сырья, вызванный прекращением поставок чилийской селитры из Южной Америки после того, как страны Антанты начали экономическую блокаду Центральных держав.

Большинство работ характеризует комплексный анализ изучаемой проблемы, собственно военная история рассматривается во взаимосвязи с социально-политическими и экономическими реалиями, обращаются авторы и к истории повседневности (см., например: 6; 8; 9). Отдельные работы специально посвящены социальной (5) либо интеллектуальной и культурной (3; 4) истории.

Авторы целого ряда работ стараются исследовать феномен Первой мировой войны в более широком историческом и географическом контексте. Многие, в частности, разделяют ту точку зрения, что весь период 1914–1945 гг. следует рассматривать как единую эпоху глубокого кризиса мировой, прежде всего западной, цивилизации. Так, покойный ныне Михаэль Залевски в книге

«Первая мировая война» пришел к выводу, что между обеими мировыми войнами существует тесная взаимосвязь, поскольку война 1914–1918 гг. не только заложила основу для новых конфликтов, но и привела к росту авторитарных тенденций, ксенофобии и культа насилия, что стало одной из причин Второй мировой войны и оказало влияние на ее характер. Исследователь, изучающий историю Первой мировой войны, должен, по словам Залевски, учитывать данные обстоятельства (8, с. 360 сл).

Эту задачу попытались решить, в частности, авторы сборника «Первая мировая война, Вторая мировая война: Сравнение: Война и опыт войны в Германии» (1), изданного Военно-историческим исследовательским управлением Бундесвера (Militärgeschichtliches Forschungsamt, MGFA, в 2012 г. вошло в состав вновь созданного Центра военной истории и общественных наук Бундесвера) под редакцией Бруно Тосса и Ханса-Эриха Фолькмана. Рассматриваемая в нем проблематика довольно обширна: мировые войны как войны нового типа, военное искусство и технологическое развитие Германии в мировых войнах, солдаты на войне, война и общество, оккупированные территории, послевоенные годы (воспоминания, памятники, процессы над военными преступниками), мировые войны как методологический «полигон» для междисциплинарных исследований по военной, социальной истории и истории повседневности. Сборник построен по тематическому принципу, каждая из статей посвящена какой-то определенной проблеме; при этом практически во всех статьях речь идет как о Первой, так и о Второй мировых войнах.

В ряде публикаций проводится сравнительный анализ немецкого и английского общества в годы Первой мировой войны (4; 5), предпринимаются также попытки исследовать ее историю в глобальной перспективе, преодолев узкий европоцентристский подход, до сих пор распространенный в историографии (9).

Рассмотрим эти и некоторые другие работы более подробно.

История Первой мировой войны в целом

Истории Первой мировой войны в целом посвящена, в частности, обзорная монография-размышление М. Залевски «Первая мировая война» (8), написанная на основе курса лекций, который автор читал в Университете им. Христиана Альбрехта (Киль) в 2000–2001 гг. В книге рассматриваются причины войны (Залевски

анализирует не только международные отношения, но и внутреннюю политику Германии в предвоенный период), ход боевых действий, немецкое общество в годы войны, поражение Германии, революция 1918–1919 гг.

Автор среди прочего описывает попытки немецких военных скрыть истинное положение на фронтах летом-осенью 1918 г. не только от широкой общественности, но и от политической элиты, включая депутатов Рейхстага. Следствием этого было полное отсутствие какой-либо заранее продуманной стратегии на случай поражения Германии в войне, а также совершенно необоснованная уверенность в том, что радикальные политические реформы еще способны переломить ход событий в ее пользу, позволить ей высвободить не использованные еще резервы. Неприкращенная информация о сложившейся обстановке стала шоком как для политиков, которым пришлось импровизировать, приспосабливаясь к обстоятельствам, так и для обывателей; это породило представление об «ударе в спину» и спровоцировало поиски виноватых, в числе которых оказались социалисты, евреи, дезертиры и многие другие. В действительности, подчеркивает Залевски, якобы «непобежденную на поле боя» германскую армию от прорыва англо-франко-американских войск к Рейну в начале ноября 1918 г. отделяли лишь считанные дни (8, с. 351).

Потери Германии в Первой мировой войне составили, по оценке автора, погибшими – 1 808 546 военнослужащих и около 760 000 мирных жителей (главным образом вследствие блокады), ранеными – 4 247 143 человека, всего – 6 815 689 человек, что составляет почти 10% населения Германии; погибшие или раненые были в каждой второй немецкой семье. Австро-Венгрия потеряла 922 500 солдат и офицеров убитыми и 3 620 000 ранеными, 300 000 человек погибли в тылу (8, с. 352–353).

Война поистине изменила облик мира. Европа была разорена, лидерство в мировой экономике окончательно и бесповоротно перешло к США. В массовом сознании прочно укоренились авторитарные тенденции. Были свергнуты монархические режимы в Германии, Австрии и России; все три бывшие империи вынуждены были вырабатывать новые формы государственного устройства. Распался «европейский концерт» в международных отношениях: Европа вышла из войны расколотой не только политически, но и идеологически, без общих ценностей, без какого-либо объединяющего начала. Ситуацию усугубило возникновение многочис-

ленных новых государств в Восточной и Юго-Восточной Европе, враждебно настроенных по отношению друг к другу.

Влияние Первой мировой войны на европейскую модернизацию автор оценивает как противоречивое: с одной стороны, она стимулировала дальнейшее развитие технологий и способствовала ряду прогрессивных изменений в общественной жизни (например, расширению избирательных прав женщин), с другой – привела к росту таких явлений, как шовинизм и антисемитизм. «Нужно вспомнить религиозные войны XVI и XVII веков, – подчеркивает Залевски, – чтобы оценить, насколько далеко назад откатилась Европа в Первую мировую войну» (8, с. 359).

Зёнке Найтцель (Майнцский университет Иоганна Гутенберга) в книге «Мировая война и революция, 1914–1918/19» (6) также попытался дать общий обзор истории участия Германии в Первой мировой войне. Поскольку социальные и культурные процессы, протекавшие в стране в этот период, изучены и описаны уже достаточно подробно, в книге рассматриваются главным образом события на фронте, а также их внутри- и внешнеполитический контекст (развязывание Первой мировой войны, действия германских войск в 1914–1918 гг., внешняя и внутренняя политика Германии в период войны, экономика, общественные настроения). Особое внимание автор уделяет процессу технизации военного дела как одной из важнейших отличительных черт Первой мировой войны (6, с. 9–10), а также революции 1918–1919 гг. в Германии и возникновению Веймарской республики.

Первой мировой войне посвящена первая часть монографии Генриха Августа Винклера (Берлинский университет им. Гумбольдта) «История Запада: Время мировых войн, 1914–1945» (10), которая, в свою очередь, представляет собой второй том фундаментального труда по истории западной цивилизации (в первом томе, изданном в 2009 г., описываются события до Первой мировой войны). Автор рассматривает эпоху мировых войн (1914–1945) как единый период ее глубокого кризиса, сравнивая его с Тридцатилетней войной 1618–1648 гг. Он последовательно описывает ход боевых действий в 1914–1916 гг., цели воюющих держав, идеологические интерпретации событий различными политическими силами, события переломного 1917 года – революцию в России и вступление в войну США, крушение Германской империи и Австро-Венгрии, возрождение независимой Польши, анализирует итоги войны.

Еще одна обзорная работа принадлежит перу Даниэля Марка Зегессера (Бернский университет). В книге «Первая мировая война в глобальной перспективе» (9) он уделяет особое внимание глобальному характеру Первой мировой войны, поскольку неевропейские государства принимали в ней самое активное участие и оказали существенное влияние на ее ход и результаты. Широкомасштабные войны, подчеркивает автор, имели место и в XVIII–XIX вв., но это были по существу войны между европейскими державами, принимавшие глобальный характер из-за того, что боевые действия велись также в колониях.

Работа выстроена в основном по хронологическому принципу; в ее первых главах последовательно рассматриваются предпосылки Первой мировой войны, планы сторон, июльский кризис 1914 г., проблема вины и, наконец, боевые действия на различных театрах, включая не только Европу, но и Ближний Восток, Африку, Восточную Азию и Тихий океан и т.д. Пятая глава посвящена взаимосвязи между фронтом и тылом, включая повседневность солдат и мирных жителей, экономическую мобилизацию, развитие вооружения и технологий и др. Далее описываются события поворотного 1917 года (революция в России и вступление в войну США), усталость от войны на ее поздних этапах, поражение Германии, Версальская мирная конференция и ее последствия. В заключительной главе рассматривается память о войне на протяжении XX – первой половины XXI в. (мемуаристика, историография и др.).

Война интеллектуалов

Курт Флаш в книге «Духовная мобилизация: Немецкие интеллектуалы и Первая мировая война» (3) описывает попытки немецких интеллектуалов (прежде всего философов, а также богословов, ученых, писателей, публицистов) осмыслить начавшуюся Первую мировую войну и помочь своим читателям сориентироваться в ситуации. Автор пользуется тем обстоятельством, что «август 1914 года, в отличие от сентября 1939-го, вызвал настоящую волну красноречия» (3, с. 7), благодаря чему теоретические изыскания того времени довольно подробно отражены в сохранившихся текстах. Опыт немецких интеллектуалов в 1914–1918 гг. во многом повлиял и на отношения между политической и интеллектуальной элитой в последующие десятилетия. Чтобы точнее передать дух и «вкус» эпохи, Флаш приводит большое количество

цитат из источников, главным образом из малоизвестных произведений. Он анализирует также особенности самосознания немцев в изучаемый период, их представления о себе как о военном народе.

Особенно подробно в книге рассматриваются следующие проблемы:

- реакция на начало войны (в основном на материале произведений писателя и философа Р.К. Эйкена, философа и богослова Э. Трёльча и историка Ф. Майнеке, а также публичных лекций, читавшихся в Берлинском университете осенью 1914 г.);

- творчество Э. Трёльча, философа М. Шелера, поэтов Р. Борхардта и Х. Балля в годы Первой мировой войны;

- основные особенности немецких литературных произведений времен Первой мировой войны (философских, публицистических, художественных): авторы, темы, тенденции, перемены в оценках на рубеже 1916–1917 гг.

Отдельная глава посвящена представлениям женщин, евреев, католиков.

Еще более широкая проблематика представлена в монографии Петера Хёреса (Вестфальский университет им. Вильгельма, Мюнстер) «Война философов: Германская и британская философия в Первой мировой войне» (4). Автор на обширной источниковой базе анализирует интеллектуальное противостояние между английской и немецкой философией в годы Первой мировой войны, сравнивает основные концепции и подходы. Война мыслителей через выработанные ими образы врага, теории государства, философию войны, проекты условий мира оказывала прямое влияние на политическую культуру, что нашло свое отражение в языке политиков. Автор рассматривает не только различия, но и общие черты английской и немецкой философской мысли того времени: в начале XX в. английская философия находилась под особенно сильным влиянием немецкого идеализма, тогда как в Германии в годы войны все большую популярность приобретали идеи либералов, в том числе ориентирующихся на западные образцы; с противоположной стороны, в свою очередь, активизировались правые радикалы антизападного толка.

Обосновывая во введении выбранную тему исследования, автор отмечает, что история философии в период Первой мировой войны почти не рассматривается специально в историографии. Даже в последние годы с распространением культурной истории эта тема затрагивается в литературе лишь фрагментарно, несмотря на то что философские идеи оказывают немаловажное влияние на

мировосприятие образованных слоев населения, а значит, и на политику. В своей работе Хёрес стремится заполнить этот пробел.

В методологическом отношении книга находится на стыке исследований политической культуры (автор рассматривает ее как связующее звено между академической философией и практической политикой), дискурсивного анализа, социологии культуры и интеллектуальной истории. Особую задачу исследования составляет изучение взаимного влияния английской и немецкой философии и его механизмов.

Источниковая база работы включает публикации (книги, статьи) английских и немецких философов, тексты публичных выступлений, переписку, мемуары. Хёрес подчеркивает, что творчество каждого автора необходимо изучать в комплексе, не ограничиваясь лишь отдельными наиболее известными произведениями; в противном случае исследователь рискует сделать ошибочные выводы (4, с. 29–30, сн. 79). Он критикует, в частности, уже упоминавшегося К. Флаша за бессистемный выбор источников и игнорирование их философского и исторического контекстов, а также за то, что Флаш в своей работе сосредоточивается исключительно на немецкой философии и даже не пытается сравнить ее состояние с теми процессами, которые протекали в то же самое время в английской философской мысли (4, с. 21–22, 29–30).

Тематически работа Хёреса охватывает такие проблемы, как основные течения в английской и немецкой философии перед Первой мировой войной, Германия в британской политической культуре и Великобритания – в германской, пропаганда и цензура в Германии и в Соединенном Королевстве, образы врага, теории государства, философия войны, концепции будущего мира в обеих странах, философия и политика. Книга построена по проблемно-тематическому принципу. Это позволяет проследить, как отражались определенные темы в творчестве разных авторов.

В воззрениях английских и немецких философов в годы Первой мировой войны было немало общего. Наибольший интерес в обеих странах вызывали одни и те же вопросы: социальная интеграция, определение и легитимация функций государства, легитимация войны, будущий послевоенный миропорядок, отношение к идеализму и др. Различия касались, в частности, определения целей войны. Английские философы считали таковыми прежде всего освобождение Германии и мира в целом от милитаризма, а также от классического немецкого трансцендентализма и более новых направлений, таких как ницшеанство. Большое распространение

получила теория «двух Германий». Немецким философам главной военной целью Второго рейха представлялась защита немецкого политического и культурного своеобразия, а также кантианского миропорядка, основанного на самостоятельности и равноправии народов; главным врагом они считали как раз Великобританию. Составной частью «войны философов» стала критика философских направлений, специфических для философской мысли во вражеских странах не только в начале XX в., но и в прошлом. Так, немецкие философы резко критиковали английский позитивизм. Нападкам с их стороны подверглась и французская философия, например А. Бергсон.

Как отмечает Хёрес, философия в годы Первой мировой войны в известной степени стала инструментом ее оправдания, пыталась придать какой-то смысл разразившемуся конфликту. Отсюда, в частности, происходит характерный для публикации того времени полемичный, агрессивный настрой, который с высоты сегодняшнего дня кажется чем-то чуждым для подлинной философии, нацеленной прежде всего на рефлексию, анализ, понимание и осмысление. Тем не менее многие проблемы, обозначившиеся в то время, например полемика между идеалистическим коммунитаризмом и либеральным индивидуализмом, как и сам феномен философской легитимации проводимого правительством политического курса, сохраняют актуальность и поныне.

Война и национализм

Феномен национализма в годы Первой мировой войны рассматривает Свен Оливер Мюллер в монографии «Нация как оружие и как фантазия: Национализм в Германии и Великобритании в Первой мировой войне» (5). Книга посвящена использованию понятия нации в этот период в Англии и Германии в качестве инструмента для политической легитимации конкурирующих интересов противоборствующих держав. В эпоху модерна, когда традиционные способы обоснования легитимности правящих режимов утратили свое значение и отчетливо обозначился запрос широких слоев населения на равенство в правах и участие в управлении государством, политические элиты вынуждены были искать новые источники легитимности, апеллируя, в частности, к «общественному благу», выразителями которого они старались выглядеть. Национализм в этих условиях (автор предпочитает

говорить о большом числе различных национализмов) оказался особенно удобной основой для государственной идеологии, поскольку очень легко позволял представить государство выразителем интересов соответствующей нации, в число которых можно было при желании вписать самые разные задачи и цели. В условиях Первой мировой войны с ее тяжелыми лишениями, катастрофическими потерями и нарастающим вмешательством государства в самые разные сферы общественной жизни убедительное обоснование легитимности этого государства – как спасителя нации от врага – приобрело особенно важное значение. В то же время национализм по определению основан на разграничении «своего» и «чужого» и в силу этого способен не только сплачивать нацию в период конфликта, но и провоцировать новые конфликты.

Автор опирается на концепцию нации как воображаемого сообщества, разработанную Б. Андерсоном. Наибольшее внимание он уделяет представлениям, образам и символам, распространенным в немецком и английском обществах в изучаемый период, самовосприятию и взаимовосприятию немцев и британцев, а также политическому языку того времени. В качестве источников в работе используются периодические издания изучаемой эпохи (прежде всего 16 английских и немецких ежедневных газет), материалы парламентских дебатов о послевоенном устройстве мира, решения органов исполнительной власти (позволяют проследить, как теоретические размышления националистов отражались на практике). Наибольшее внимание автор уделяет таким проблемам, как патриотический подъем в воюющих странах в августе 1914 г.; национальное самосознание немцев и англичан и образ врага, внешнего и внутреннего, представления о целях войны; сопротивление общественности усилению государственного вмешательства в жизнь граждан – на примере рабочего движения в обеих странах и дебатов о введении всеобщей воинской повинности в Англии, использование националистической идеологии для противодействия расширению полномочий государства; борьба за расширение участия населения в политической жизни на примере дебатов об избирательном праве.

По наблюдениям Мюллера, влияние национализма как в Германии, так и в Англии во время Первой мировой войны проявлялось практически повсеместно: «В условиях войны любая новизна политики должна была формулироваться в категориях национального; это позволяло представить любую политическую проблему как вопрос выживания, реальный или мнимый» (5,

с. 353). В обеих странах в этот период сложилась во многом сходная ситуация. Националистическая пропаганда прежде всего использовалась правящей элитой, чтобы восполнить недостаток собственной легитимности. Однако националистическую риторику довольно быстро подхватили самые разные политические силы (консерваторы, либералы, даже рабочее движение), причем каждый политический лагерь предлагал собственную концепцию нации, что позволяло использовать национализм в различных его формах для защиты интересов самых разных общественных групп. Парадоксальным образом национализм тем самым был не только объединяющим, но и разобщающим фактором; его широкое распространение привело к углублению уже имеющихся и появлению новых конфликтов, как межнациональных, так и социально-политических внутри одной и той же нации. Среди прочих националистических лозунги активно использовали различные общественные движения, боровшиеся за расширение политических прав отдельных групп населения, принадлежавших к «титульной» нации, – прежде всего рабочее движение и женское движение.

Английский национализм, в отличие от немецкого, был менее жестким и менее склонным к ксенофобии; этому способствовало и существование в Великобритании развитой парламентской системы с сильной традицией мирного урегулирования конфликтов. Радикализации немецкого национализма во время войны способствовало завоевание обширных территорий в Восточной Европе с «отсталым» населением, принадлежавших ранее России. После войны чувство национального унижения провоцировало поиск виноватых и как результат – дальнейший рост расистских и шовинистских настроений; частым явлением стали также попытки политических деятелей самого разного толка объявить своих оппонентов врагами нации. Наивысшей точкой в развитии всех этих тенденций стал нацизм.

Историография Первой мировой войны

Маркус Пёльман (научно-популярный журнал по истории «*Damals*») в книге «Военная история и историческая политика: Первая мировая война: Официальная немецкая военная историография, 1914–1956» (7) исследует «официальную германскую историографию Первой мировой войны на материале работ, подготовленных в 1914–1956 гг. в Генеральном штабе, Имперском

архиве в Потсдаме и учреждениях, ставших их преемниками» (7, с. 20). На протяжении девяти глав своего труда он последовательно рассматривает военно-исторические исследования в кайзеровской Германии, отношения между армейскими структурами и академической наукой, деятельность военных историков во время Первой мировой войны и в первые послевоенные месяцы, влияние на нее поражения в войне и роспуска Генерального штаба, историографию Первой мировой войны в межвоенный период и во время Второй мировой войны, ее особенности (основные концепции, методологические подходы, выбор источников, историческая наука и публицистика), незавершенные проекты и нереализованные возможности и, наконец, продолжение военно-исторических исследований во вновь образованной ФРГ. В книге используются не только военно-исторические публикации и военная периодика изучаемого периода, но и архивные документы, отложившиеся в работе интересующих автора ведомств, в том числе материалы из московского «особого архива» и бывших восточногерманских архивов, ставшие доступными после объединения Германии.

Смена методологических подходов в немецкой военной историографии отразилась даже на названии самой дисциплины. Вплоть до окончания Второй мировой войны использовался термин «история войн» (Kriegsgeschichte). В этот период военная история развивалась по преимуществу как раздел военной науки, сфера ее интересов в основном ограничивалась анализом боевого опыта, историей отдельных операций и сражений, биографиями полководцев. В рамках исторической науки военная история стала активно изучаться лишь после 1945 г. Это не только позволило привнести в ее изучение профессиональные приемы источниковедческого анализа и исторического построения, но и повлияло на выбор исследуемой проблематики (война как социальный и культурный феномен, человек на войне, повседневность войны и т.д.). Тогда же вошел в употребление термин «военная история» (Militärgeschichte) (7, с. 15–18).

В 1920–1930-е годы официальная историография Первой мировой войны писалась в основном бывшими военными, и это во многом предопределило ее характер. Ее консерватизм, по мнению Пёльмана, не следует преувеличивать, в межвоенный период уже началась ее трансформация из военной дисциплины в историческую, появились первые гражданские специалисты, началось освоение методологических подходов и исследовательских приемов, принятых в исторической науке. Тем не менее сложная и многоас-

пектная история Первой мировой войны на этом этапе сводилась главным образом к истории боевых действий, к тому же отягощенной многочисленными предубеждениями и мифами; по-настоящему глубокое понимание причин, механизмов и движущих сил конфликта 1914–1918 гг. оставалось делом будущего. После Второй мировой войны официальная военная история в ее прежнем виде фактически прекратила свое существование.

Список литературы

1. Erster Weltkrieg, Zweiter Weltkrieg: Ein Vergleich: Krieg, Kriegserlebnis, Kriegserfahrung in Deutschland / Im Auftrag des Militärgeschichtlichen Forschungsamtes; Hrsg. von B. Thoss, H.-E. Volkmann. – Paderborn u.a.: Ferdinand Schöningh, 2002. – VIII, 882 S.: Ill.
2. *Fehr S.* Die «Stickstofffrage» in der deutschen Kriegswirtschaft des Ersten Weltkriegs und die Rolle der neutralen Schweiz. – Nordhausen: Verlag Traugott Bautz, 2009. – 182 S.: Ill.
3. *Flasch K.* Die geistige Mobilmachung: Die deutschen Intellektuellen und der Erste Weltkrieg: Ein Versuch. – B.: Alexander Fest Verlag, 2000. – 447 S.: Ill.
4. *Hoeres P.* Krieg der Philosophen: Die deutsche und die britische Philosophie im Ersten Weltkrieg. – Paderborn u.a.: Ferdinand Schöningh, 2004. – 646 S.
5. *Müller S.O.* Die Nation als Waffe und Vorstellung: Nationalismus in Deutschland und Großbritannien im Ersten Weltkrieg. – Göttingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 2002. – 427 S.
6. *Neitzel S.* Weltkrieg und Revolution, 1914–1918/19. – B.: Be.bra-Verl., 2008. – 204 S.: Ill.
7. *Pöhlmann M.* Kriegsgeschichte und Geschichtspolitik: Der Erste Weltkrieg: Die amtliche deutsche Militärgeschichtsschreibung, 1914–1956. – Paderborn u.a.: Ferdinand Schöningh, 2002. – 421 S.
8. *Salewski M.* Der Erste Weltkrieg. – Paderborn u.a.: Ferdinand Schöningh, 2003. – X, 415 S.: Ill.
9. *Segesser D.M.* Der Erste Weltkrieg in globaler Perspektive. – Wiesbaden: Marixverlag, 2010. – 249 S.
10. *Winkler H.A.* Geschichte des Westens: Die Zeit der Weltkriege, 1914–1945. – München: C.H. Beck, 2011. – 1350 S.

**«ИСХОДНАЯ КАТАСТРОФА»:
ЮБИЛЕЙ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ КАК ПОВОД
ДЛЯ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ИСТОРИИ XX ВЕКА
(Сводный реферат)**

1. Мэрц П. После исходной катастрофы: Германия, Европа и Первая мировая война.

März P. Nach der Urkatastrophe: Deutschland, Europa und der Erste Weltkrieg. – Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag, 2014. – 288 S.

2. Первая мировая война: История катастрофы.

Der Erste Weltkrieg: Die Geschichte einer Katastrophe / Hrsg. von A. Grossbongardt, U. Klussmann, J. Mohr. – München: Deutsche Verlags-Anstalt; Hamburg: Spiegel-Verlag, 2014. – 304 S.

3. Гроссбонгардт А., Клуссман У., Моор Й. Предисловие.

Grossbongardt A., Klussmann U., Mohr J. Vorwort // Der Erste Weltkrieg: Die Geschichte einer Katastrophe / Hrsg. von A. Grossbongardt, U. Klussmann, J. Mohr. – München: Deutsche Verlags-Anstalt; Hamburg: Spiegel-Verlag, 2014. – S. 11–15.

4. Гроссбонгардт А., Клуссман У. «Виновников было много»: Военный историк Зёнке Найтцель о тотальном характере мировой войны и о промахах политических элит.

Grossbongardt A., Klussmann U. «Es gab keinen Alleinschuldigen»: Der Militärhistoriker Sönke Neitzel über die Totalität des Weltkriegs und das Versagen der politischen Eliten // Ibid. – S. 19–31.

5. Ляйк Р. «Чёрт бы вас побрал!»

Leick R. «Zur Hölle mit euch!» // Ibid. – S. 79–93.

6. Мюнклер Х. Распад империй

Münkler H. Zerfall der Imperien // Ibid. – S. 274–281.

Юбилей начала Первой мировой войны стал для историков России и Европы поводом переосмыслить всю историю XX «века катастроф» – теперь со стороны, считая себя уже не частью, но

последними его свидетелями и наследниками. Историческая мысль Германии не осталась в стороне от общих процессов, а ввиду особой роли Германии в мировых войнах отнеслась к этому поводу с особым вниманием. Уже в начале 2014 г. вышли два издания с показательными названиями, возвещающими о беспрецедентности события. Начало короткого XX в. катастрофой мирового масштаба как будто бы задало ход конфликтности последующих десятилетий, всплеску неконтролируемого насилия и эскалации противоречий.

Подобное восприятие, сделав Первую мировую войну частым объектом спекулятивных намерений, привело к демонизации события, и шлейф фантазмагорических метафор до сих пор плетется за ней, всплывая тут и там в самых взвешенных исторических трудах. В сборнике «Первая мировая война: История одной катастрофы» (2) война не единожды обозначается как *Inferno* – ад, но не аналогичный простому немецкому *Hölle*, а отсылающий к мифологическому и интернациональному обозначению адского пламени. Эта метафора призвана подчеркнуть глубину трагедии, но одновременно выводит событие за рамки человеческих деяний, в сферу экстраординарного. Здесь уместно вспомнить Ханну Арендт с ее тезисом о «банальности зла», который хотя и касался совсем других вопросов, но имел конкретную цель – перевести рассуждения в плоскость человеческой мотивации и практического объяснения.

Баварский политик и историк Петер Мэрц говорит о расхожем восприятии Первой мировой войны как увертюры к чему-то худшему, еще более «злому» – господству идеологии и тоталитаризмов, геноцида и подчинения. Однако с его точки зрения «Первая мировая война – это гораздо больше и совсем не “только” предыстория» (1, с. 11). Книга П. Мэрца «После “исходной катастрофы”: Германия, Европа и Первая мировая война» (1) ставит в центр исследования политику великих держав, а вокруг этого центра располагается масса обстоятельств, раскрывающих «тотальность» конфликта для европейского общества. Сравнивая Первую мировую с другими войнами в истории Европы и находя определенные параллели с Тридцатилетней войной или экспансией Наполеона, Мэрц говорит о ее причинах и последствиях, социально-экономическом и ментальном расширении.

В сборнике «История одной катастрофы...», подготовленном на базе издательства «Шпигель», в коротких статьях, интервью и отрывках из источников авторы журнала разных времен

иллюстрируют отдельные моменты из истории конфликта (2). Несмотря на разный формат изданий, выводы, сделанные в них, на редкость созвучны. Обе книги обозначают точки разрыва и преемственности, отложившиеся в исторической памяти и определившие место Первой мировой войны в сознании европейских стран. Столь тщательный контекстуальный анализ, вероятно, на долгий срок погасит после юбилейных лет (2014–2018) пристальный интерес к этой теме.

Очевидно, пришло время для осмысления роли Первой мировой войны, которое возможно только с учетом многоплановых работ историков-практиков. Это подтверждают оба исследования: «“Исходная катастрофа” и ее последствия заслуживают дифференцированной, многосторонней и понимающей время и людей памяти» (1, с. 267); «новое поколение историков осмеливается... бросить общеевропейский взгляд на “исходную катастрофу”» (3, с. 11). Единичная ответственность уже никем не возлагается на Германию, не говоря о том, что причины войны из политической сферы выводятся в сферу общественных процессов, а еще чаще приписываются фактору сознания: «Люди разных наций и слоев, необразованные и интеллигенты, впали с началом войны в пьянящее состояние обманчивой уверенности в победе» (3, с. 13).

Военный историк Зёнке Найтцель в интервью с характерным названием «Единственного виновника войны не было» говорит об общеевропейском кризисе, который никто не захотел предотвратить: «Немцы несут свою меру ответственности, но и австрийцы могли не вести войну против сербов. Русские и французы не обязаны были ввязываться в конфликт из-за Сербии. Но на тот момент... другого консенсуса в отношении способа разрешить кризис не существовало... Все великие державы рассматривали войну как средство политики, никто не стремился обеспечить мир» (цит. по: 4, с. 20).

П. Мэрц переносит упор с франко-германского противостояния на опасения Великобритании в отношении России – акцент, призванный окончательно оправдать Германию как главного агрессора. Остальные державы имели свои причины участвовать в военном столкновении, и причины эти крылись в наличии массы иллюзий и неверных оценок (1, с. 43). Главной неожиданностью оказалось новое качество войны, которое, разумеется, никто не мог предвидеть. Ошибочная оценка будущих военных действий выражалась для Германии, в частности, в масштабных отчислениях на развитие флота, соревнование которого с британским в нача-

ле XX в. широко известно как пролог Первой мировой войны. Согласно П. Мэрцу, эти вложения не оправдались, и в конечном итоге нехватка инвестированных средств сказалась на сухопутных войсках (1, с. 46).

Столь же неизведанным оказался и выход из войны, поскольку стороны не знали, чем может закончиться конфликт нового типа. Старые схемы не работали, старые задачи уже не стояли на повестке дня: «Нигде не было стратегически убедительного плана, такого, который показывал бы, как этой войной можно достичь стабильного переустройства Европы. Повсюду просто продолжали начатое – поставляли больше артиллерии, больше солдат» (4, с. 24). Кроме того, общественное мнение отказывалось принимать мысль о возможности мира в таких условиях, поскольку с увеличением количества жертв росло и стремление добиться победы любой ценой, – слишком многое было вложено, чтобы признать войну бессмысленным кровопролитием.

Обе книги относят решения о войне и мире к сфере влияния политических элит. Значение их позиции П. Мэрц иллюстрирует примером Австрии, которая после 1945 г. отказалась от политического альянса с Германией в пользу европейской интеграции и политики нейтралитета. Преодоление тяги к экономическому и культурному сближению с ФРГ диктуется только твердым намерением Австрии «быть чем-то особенным, даже если это особенное в мире XXI века не имеет под собой никакой основы» (1, с. 189). Напротив, к концу Первой мировой войны Австро-Венгрия была главным проводником идеи великогерманского объединения. Альтернативное и, возможно, более разумное решение германского вопроса сорвалось в ходе парижских переговоров из-за жесткой позиции союзников по Антанте.

Версальский мир был шансом на создание стабильного, мирного послевоенного порядка, который не был использован (3, с. 14). П. Мэрц сравнивает ситуацию после Первой мировой войны с завершением Пунических войн (1, с. 111) – Версальскому миру были предшественники в мировой истории, и каждый из них свидетельствовал о необходимости взвешенного подхода. Благоприятное решение зависело от того, насколько политические элиты смогут отвлечься от прежних установок и оценить последствия с точки зрения нового порядка. Тщетность подобных расчетов хорошо иллюстрирует пример Жоржа Клемансо. В ходе войны премьер-министр Франции лелеял смелые надежды на то, что Франция как единственная среди европейских великих держав республика побе-

дит не только в военном отношении, но и в распространении демократического порядка. Однако когда пришел час триумфа, он не выказал Германии никакого снисхождения (5, с. 93).

Этот и другие примеры доказывают, что избавиться от прежнего восприятия мира европейским политикам не удалось. В особенности это касается Франции, которая, по мнению П. Мэрца, поддерживала свой великодержавный статус даже после 1945 г. (1, с. 137). Преемственность французского внешнеполитического курса связана среди прочего с тем, что в исторической памяти Франции Вторая мировая война не затмила предшествующие, как это было в других странах. Первая мировая так и осталась для французов «Великой войной» – вместе с ее ужасами, опасениями и выводами.

В Германии трансформация сознания произошла только после падения Третьего рейха – и это при условии, что пример Версаля уже нельзя было не учитывать. Весь опыт Веймарской республики демонстрирует эту неспособность усвоить иное восприятие, которое организовало бы ценности нового государства и притянуло к нему сторонников. Известно, что Версальский мир стал тем дамкловым мечом, который в итоге поразил первую германскую демократию. Прежняя черно-белая картина мира, делившая общества на победителей и побежденных, не менялась так быстро, как того требовал бег времени, и привела к повторению сценария теми же самыми игроками.

Политолог Герфрид Мюнклер (6) говорит о значении войны для среднего класса, который призван стать основой демократии. Немецкие бюргеры включились в войну с особым воодушевлением, они жертвовали для нее сыновьями и достатком для того, чтобы доказать государству свою надежность и тем самым выйти из тени аристократии. Поэтому поражение в войне было в первую очередь их поражением: «Они дрейфовали между долгами и чувством вины и в результате не справлялись со своей общественной и политической задачей – создать ядро, которое объединяло и сплачивало бы общество» (6, с. 281). П. Мэрц также называет маргинализацию одной из причин падения республики, однако призывает помнить и позитивное наследие Веймара. Речь идет о преемственности между первой и второй демократиями в Германии, которая прослеживается, в первую очередь, на уровне людей (1, с. 266–267). Те самые элиты, которые постепенно переосмысливали опыт Первой мировой войны и открывали для себя потребность в новом взгляде на государство и его задачи, повели ФРГ к успеху.

П. Мэрц видит и континуитет между ФРГ и кайзеровской империей – в том, что касается убежденности общества в своем жизненном сценарии, в основах своего социального и гражданского существования (1, с. 213). После 1945 г. Германия нашла твердую почву под ногами в европейской идее, которая обеспечивает одновременно новый способ разрешения межгосударственных конфликтов и экономическое процветание многочисленного среднего класса. Правда, З. Найтцель считает, что германский вопрос все еще не разрешен: «Германия была и остается достаточно крупной, чтобы вселять конкурентные опасения, но слишком мелкой, чтобы доминировать на континенте. Сегодня мы снова столкнулись с проблемой, когда Германия хотя не с военной, но с экономической точки зрения настолько сильна, что некоторые европейцы опасаются германской гегемонии» (цит. по: 4, с. 31).

П. Мэрц и вовсе не убежден в перспективах европейского проекта, завершая книгу неожиданным для немецкого историка вопросом: в условиях ядерной многополярности не лучше ли каждому игроку сохранять независимое влияние на глобальном уровне (1, с. 263)? Ответ на этот вопрос остается открытым, однако сама его постановка говорит о том, что интеграция не стала универсальным решением всех проблем европейского дома. Проблемы остаются, и пути их преодоления еще не гарантированы. История мировых войн уходит все дальше в прошлое, их горький опыт становится более абстрактным. С одной стороны, это открывает путь к взвешенным научным оценкам, свободным от эмоций. С другой стороны, демонизация катастрофы, привязанная к правильным флажкам истории, играет свою роль поддержания события в активной исторической памяти. В тот момент, когда событие осмысливается и устанавливается на пьедестал исторической однозначности, оно перестает быть частью социальных практик и переносится в раздел мертвой истории¹. А это уже совсем другая история.

Т.А. Некрасова

¹ Нора П. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., де Пюинмеж Ж. Франция-память. – М.; СПб., 1999. – С. 17–50.

**ИССЛЕДОВАНИЕ Ф. ФИШЕРА
О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ
И ЕВРОПЕЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
(Сводный реферат)**

1. Момбауэр А. Вступление: Пятидесятилетие полемики о версии Ф. Фишера.

Mombauer A. Introduction: The Fischer controversy 50 years on // J. of contemporary history. – L., 2013. – N 48, Vol. 2. – P. 231–240. – DOI: 10.1177/0022009412472712.

2. Погге фон Штрандман Х. Политическое и историческое значение дебатов о Ф. Фишере.

Pogge von Strandmann H. The political and historical significance of the Fischer controversy // Ibid. – P. 251–270. – DOI: 10.1177/0022009412472714.

3. Петцольд С. Социальное становление историка: Отдаление Ф. Фишера от буржуазно-консервативной историографии 1930–1960-х годов.

Petzold S. The social making of a historian: Fritz Fischer's distancing from bourgeois-conservative historiography, 1930–60 // Ibid. – P. 271–289. – DOI: 10.1177/0022009412472701.

4. Стиб М. Реакция другой Германии: Споры о Ф. Фишере в ГДР.

Stibbe M. Reactions from the other Germany: The Fischer controversy in the German Democratic Republic // Ibid. – P. 315–332. – DOI: 10.1177/0022009412472717.

5. Кроненбиттер Г. Сохраняем сдержанную позицию – австрийская историография и дебаты о Ф. Фишере.

Kronenbitter G. Keeping a low profile – Austrian historiography and the Fischer controversy // Ibid. – P. 333–349. – DOI: 10.1177/0022009412472720.

6. Кейгер Дж.Ф.В. Споры о Ф. Фишере, дискуссия о причинах Первой мировой войны и Франция: Не история.

Keiger J.F.V. The Fischer controversy, the war origins debate and France: A non-history // Ibid. – P. 363–375. – DOI: 10.1177/0022009412472715.

7. Отт Т. «Изгнанный из истории»: Споры о Ф. Фишере и британская историография.

Otte T.G. «Outcast from history»: The Fischer controversy and British historiography // Ibid. – P. 376–396. – DOI: 10.1177/0022009412472719.

В 1961 г. немецкий историк Фриц Фишер издал 800-страничную книгу «Рывок к мировому господству» (*Griff nach der Weltmacht*), в которой на основе многочисленных недавно открытых документальных источников показал, что Германия преследовала наступательные цели в Первой мировой войне. Автор пересмотрел также и критически оценил политику, проводимую канцлером Теобальдом фон Бетман-Гольвегом и его окружением. Вдобавок историк провел мысль о некоторой политической преемственности кайзеровской, фашистской и послевоенной Германии. Выводы, сделанные ученым, вызвали бурную реакцию в ФРГ, как со стороны профессиональных историков, так и со стороны публики. Дело в том, что обоснованное авторское мнение шло вразрез с устоявшимися и общепринятыми в немецкой историографии интерпретациями. Распространению идей Ф. Фишера, его известности (в том числе и международной) помогли в первую очередь СМИ. Исследование немецкого историка вызвало интерес европейских коллег; несмотря на неоднозначные оценки, эта работа стала классикой европейской историографии.

Ниже рассматриваются статьи из номера «Journal of contemporary history», на страницах которого авторы обсуждают место и роль этой книги в изучении феномена Первой мировой войны. Во вступлении А. Момбауэр (старший преподаватель истории, Открытый университет, Великобритания) отмечает, что сегодня и концепция историка, и разразившаяся вокруг нее дискуссия по-прежнему вызывают интерес (1). Это прекрасный пример того, как исторические исследования взаимосвязаны с политической и научной обстановкой. Понять эту ситуацию можно только с учетом политического и культурного фона, в котором работал Ф. Фишер, а также его соратники и оппоненты. Следует учитывать и положение дел в исторической науке того времени. По мнению

А. Момбауэр, полемика о Ф. Фишере – хороший пример, показывающий возможности и ограничения исторического анализа, а также требований, предъявляемых к истории.

С. Петцольд (университет Лидса, Великобритания) рассматривает становление идеологических и исторических взглядов Ф. Фишера (3). Фриц Фишер родился в 1908 г. в маленьком городке на юге Германии, его отец был государственным служащим среднего звена. В университете Фишер изучал протестантскую теологию, а также историю; в этот же период он вступил в христианскую студенческую корпорацию.

С. Петцольд пишет, что Ф. Фишер разделял «нацистскую идеологию потому, что это была возможность дистанцироваться от буржуазно-национально-консервативных историков, доминировавших в университетской среде в начале и середине 1930-х годов» (3, с. 273). На формирование мировоззрения историка повлияло и его происхождение, продолжает автор. Выходец из нижнего слоя нового среднего класса, он был далек от образованных представителей элиты и от национально-консервативных историков. В университетах того времени еще сильны были позиции так называемых мандаринов – интеллектуальных аристократов, прославлявших кайзеровскую Германию. Студенту Ф. Фишеру были ближе национально-революционные, социал-демократические или национал-социалистические идеи, считает автор.

В 1933 г. Ф. Фишер вступает в отряд штурмовиков, впоследствии работает политическим инструктором в местном подразделении партии. К 1935 г., полагает С. Петцольд, его взгляды определились. Один из его учителей, профессор Берлинского университета Г. Онкен, был уволен после вмешательства историка-фашиста В. Франка. Ф. Фишер хоть и испытывал чувство лояльности к своему учителю, но не пожалел о его увольнении и выступил с критикой устаревших либерально-консервативных взглядов профессора, следуя линии критики, проводимой В. Франком. В январе 1938 г. Ф. Фишер становится членом НСДАП. В эти годы меняются его научные интересы, изучение теологии становится все более сложным из-за политической ситуации и общей атмосферы в университете, и он переходит на философский факультет. Лекции нацистского историка К. Плейера, которые Ф. Фишер посещал, стимулировали его интерес к истории. В это же время нацисты проводили реформу исторической науки. Из университетов увольнялись старые профессора, их места занимали члены партии или сочувствующие. Историческая государственная комиссия, возглавляемая

Г. Онкеном, была расформирована, вместо нее учрежден имперский Институт истории новой Германии, которым руководил В. Франк.

В 1942 г. Ф. Фишер получил пост профессора современной истории в университете Гамбурга. К этому времени, замечает С. Петцольд, он уже был сформировавшимся историком-нацистом, эти убеждения сохранял до конца Второй мировой войны. С 1945 по апрель 1947 г., когда Ф. Фишер был военнопленным американских вооруженных сил, его политические и идеологические взгляды коренным образом изменились. Он пересмотрел и отношение к нацизму, и представления об историческом прошлом Германии.

В 1950-е годы Ф. Фишер был на задворках исторической профессии. С. Петцольд объясняет это тем, что в университетах стала восстанавливаться буржуазная национально-консервативная идеология. Ф. Фишер примкнул к меньшинству западногерманских интеллектуалов и историков, возмущавшихся реставрационными настроениями. В эти годы он знакомится с британской исторической наукой, начинает общаться с британскими и американскими коллегами. Вовлеченность в международный научный диалог, изучение иностранного научного и педагогического опыта подкрепляют его переосмысление немецкой истории.

В статье Х. Погге фон Штрاندмана (профессор истории, Оксфорд, Великобритания) говорится о том резонансе, который вызвала книга Ф. Фишера в ФРГ (2). Профессиональные национально-консервативные историки разных поколений (Г. Риттер, З. Цехлин, Г. Манн и др.) крайне негативно оценили концепцию Ф. Фишера. Как стало ясно спустя годы, пишет автор, кампания критики была скоординирована. Но антифишеровский фронт не был единым, его участники выражали разные точки зрения и отбирали разные положения для критических замечаний. Тем не менее некоторые молодые историки (Х. Гребинг, Х. Ладемахер и др.) благосклонно оценили работу коллеги.

Погге фон Штрандман указывает, что концепция Ф. Фишера пошатнула два важнейших пункта немецкой историографии Первой мировой войны. Во-первых, Ф. Фишер оспорил устоявшееся мнение, что Германия преследовала оборонительные цели. Немцы верили в это в 1914 г. и продолжали верить в середине 1960-х годов, пишет автор. Во-вторых, было опротестовано утверждение английского премьер-министра Д. Ллойд-Джорджа о том, что все державы несут одинаковую ответственность за развязывание войны. Критика Ф. Фишером действий германского канцлера Т. фон Бетман-Гольвега, указание на преемственность между Первой и Второй мировыми

войнами, свидетельства о нежелании немецкого правительства добиться мирного урегулирования во время июльского кризиса — «все это нервировало старшее поколение историков, которые считали себя “хранителями” национального самосознания и опасались за стабильность германской политической культуры. Тот факт, что аргументы Ф. Фишера основаны на огромном количестве документальных доказательств, преимущественно правительственных документов, добавлял поводов для беспокойства» (2, с. 253–254). Национально-консервативные историки, продолжает автор, обвиняли Ф. Фишера в предательстве немецкого патриотизма, нарушении «национального табу» (признание вины и ответственности Германии за развязывание войны), его обвиняли в измене, а книгу называли «национальной катастрофой».

Иную позицию заняли журналисты, но, конечно, не все. Первые положительные отзывы появились в газете «Die Welt», хотя книгу в ней называли «провокационной». Примерно в том же духе выдержаны отзывы «Süddeutsche Zeitung». Но главные рецензии были опубликованы в авторитетном журнале «Der Spiegel» под общим заголовком «Вильгельм Завоеватель». Авторство этих рецензий до сих пор не известно; возможно, их написал редактор журнала Р. Огштайн, который самым активным образом поддерживал историка. Вскоре о Ф. Фишере заговорили на радио и телевидении, одна из радиостанций организовала чтение его книги в эфире.

Большинство журналистов, в отличие от историков, приняли его интерпретацию целей Германии в Первой мировой войне и переоценку личности и политики Т. фон Бетман-Гольвега; они подхватили идею автора о преемственности между Первой и Второй мировыми войнами и развили ее, напомнив об экспансионистской политике Третьего рейха. Журналисты поняли, пишет Погге фон Штрاندман, что книга Ф. Фишера — не просто историческое исследование немецкой политики в Первой мировой войне. Он шагнул дальше и бросил вызов общепринятой исторической интерпретации истории Германии в XX в., указав на схожие моменты в двух мировых войнах.

Страсти накалились еще сильнее, когда в 1963 г. Ф. Фишера пригласили в США прочитать курс лекций. Официальные круги ФРГ запретили поездку, мотивируя это опасениями, что ученый будет распространять предвзятую точку зрения об истории Германии. Ведь Фишер, как утверждали критики, «неправильно рассматривал международную политику кайзеровской Германии, которая была прелюдией к политике Гитлера», к тому же в своей

критике историк превзошел «обвинения в развязывании войны, высказанные в Версальском мирном договоре» (2, с. 259–260). После долгих обсуждений и переговоров разных ведомств благодаря настойчивости американских историков Ф. Фишеру разрешили поехать в США.

В канун пятидесятилетия начала Первой мировой войны политический истеблишмент обозначил свое видение исторической роли Германии, тем самым дав понять, на чьей он стороне в деле Ф. Фишера. Федеральный канцлер ФРГ Л. Эрхард и глава Бундестага присоединились к критикам Ф. Фишера, публично заявив, что Германия не несет никакой ответственности за начало Первой мировой войны. Таким образом были озвучены традиционные для немцев взгляды.

В октябре 1964 г. в Берлине состоялся Конгресс историков-германистов. Одно из заседаний было посвящено исследованию Ф. Фишера, оно продолжалось пять часов, за его ходом следили около 2 тыс. участников. Вскоре стало ясно, что большинство присутствующих, среди которых было много студентов, поддерживают Ф. Фишера.

Со временем интерес к этой теме стал снижаться. Точка зрения Ф. Фишера постепенно утвердилась в историографии. В 1970–1980-е годы историк получил несколько почетных наград и научных степеней: Оксфорда, Университета Сассекса и Университета Восточной Англии (Великобритания), Университета Касселя (ФРГ); его избрали почетным членом Британской академии и Американского исторического общества.

Спор о книге Ф. Фишера может рассматриваться как решающий момент в историографии ФРГ, отмечает Х. Погге фон Штрэндман. По влиянию на немецкое общество с ним не сравнится ни одна другая историческая дискуссия 1980–1990-х годов.

Восточногерманские историки – специалисты по Первой мировой войне, по словам М. Стиба (профессор истории Университета Шеффилд Халлам, Великобритания), в равной степени старались поддерживать связь и в то же время идеологически дистанцироваться от «школы Ф. Фишера» (4). Книга Ф. Фишера вышла в свет, когда официальные отношения историков двух Германий были сложными. В 1958 г. на историческом конгрессе в Трире историки ГДР официально прекратили отношения с Немецкой исторической ассоциацией. В свою очередь, западногерманские ученые заявили о непризнании Общества немецких историков, созданного в марте 1958 г. в Лейпциге. По мнению М. Стиба, этот

раскол объясняет то, что восточногерманские историки больше интересовались полемикой, а не содержанием книги Ф. Фишера. Нападки на исследование вызваны страхом империалистов Запада перед разоблачениями военных амбиций их предшественников, писали в прессе ГДР (4, с. 316).

Но естественно, восточногерманскими историками предлагались и более взвешенные, содержательные оценки. Следует отметить, что имя Ф. Фишера уже было знакомо в ГДР. В начале 1960-х годов он и его ученики переписывались, встречались в архивах, обменивались книгами и статьями с руководителем Научной группы по изучению Первой мировой войны Р. Клейном. Вскоре Ф. Фишер познакомился и с другими ведущими историками ГДР (И. Петцольдом, В. Гутше). В рецензиях на его ранние статьи приветствовались «эмпирически богатые и честные усилия историка исправить ложные и опасные шовинистические германские, вернее, западногерманские позиции в современной историографии» (4, с. 323).

И. Петцольд, который в начале 1960-х годов опубликовал подборку документов по Первой мировой войне, положительно оценил исследование Ф. Фишера как подтверждающее некоторые положения гэдээровской историографии. Другой историк, Р. Клейн, писал, что это – одна из наиболее значимых и замечательных книг, созданных немецким историком в послевоенные годы. Для Р. Клейна, полагает М. Стиб, отношения с Ф. Фишером были особенно важны. Р. Клейн считал, что период до 1945 г. – это общее прошлое, поэтому его следует изучать сообща, объединив усилия историков обеих Германий. Вообще, Р. Клейн был сторонником открытого и широкого научного диалога с «прогрессивными» историками Запада, рассматривая его как способ преодоления разрывов «холодной войны» и одновременно как средство совершенствования марксистской науки.

По мнению М. Стиба, историки ГДР оценивали Ф. Фишера как «буржуазного реалиста», имея в виду, что он смог понять реальные корни германского империализма, но не смог пойти дальше, к признанию социализма. Это вполне благоприятная оценка, пишет автор, в отличие, например, от отношения к историкам Билефельдской школы, которых обвинили в «псевдомарксизме» и запретили въезд в ГДР. Значимость фигуры Ф. Фишера добавляла твердость его позиции – он отказывался пойти на компромисс. «В основном Ф. Фишер рассматривался как одинокий мученик в борьбе за выражение “прогрессивных взглядов”, что делало его

идеальным примером, демонстрирующим “реакционный” характер западногерманской историографии и косвенно подтверждающим прогрессивный характер восточногерманской исторической науки» (4, с. 326).

Исследование Ф. Фишера повлияло на периодизацию немецкой истории. До 1961 г. восточногерманские историки были вынуждены использовать советскую периодизацию, согласно которой Октябрьская революция 1917 г. положила начало новой исторической эпохе. Положительное отношение к интерпретации Ф. Фишера позволило Р. Клейну и его коллегам использовать национальную форму периодизации в трехтомном исследовании по Первой мировой войне. Тем самым авторы показали, что Первая мировая война и революция в Германии в ноябре 1918 г. – часть общего исторического прошлого, а не прелюдия к образованию отдельного государства ГДР и его историографии, пишет М. Стиб. Таким образом группа Р. Клейна дистанцировалась от советской интерпретации истории. В начале 1980-х годов Ф. Фишер выступал в ГДР на научных конференциях и получил почетную докторскую степень.

Позиция австрийских историков обсуждается в статье Г. Кроненбиттера (преподаватель истории в Университете Аугсбурга, ФРГ, приглашенный профессор университета Вены и Дипломатической академии, Австрия). Их реакция на пересмотр интерпретаций Первой мировой войны была довольно сдержанной (5). В 1965 г. в Вене проходил XII Международный исторический конгресс. Одно из заседаний было посвящено политическим проблемам Первой мировой войны, на нем был озвучен доклад немецкого историка Г. Риттера (он не смог выступить из-за болезни), главного оппонента Ф. Фишера. Фактически Г. Риттер еще раз подтвердил свое несогласие с его оценками политики Т. фон Бетман-Гольвега накануне и во время войны. Ф. Фишер дал подробный и аргументированный ответ. Таким образом, пишет Г. Кроненбиттер, дебаты немецких историков вышли на международный уровень. К тому же к 1965 г. это был уже не просто спор ученых о прошлом, а горячая полемика о национальной идентичности и роли историографии в послевоенной Западной Германии. Австрийские историки, по большей части, не вмешивались в дискуссию, только в конце заседания взял слово тогда молодой историк Ф. Фельнер (Зальцбургский университет) и поддержал позицию Ф. Фишера.

К тому времени Ф. Фельнер не был новичком в историографии Первой мировой войны, ранее он подготовил к публика-

ции дневники австрийского политика Й. Редлиха – прекрасный источник по истории австрийской монархии начала XX в., пишет Г. Кроненбиттер. Положительно о работе Ф. Фишера отозвался и Р. Нек (государственный архивариус).

Интерес к Первой мировой войне, конечно, стимулировало и пятидесятилетие ее начала. Но, как отмечает Г. Кроненбиттер, австрийцев больше интересовали подробности убийства австрийского эрцгерцога Франца Фердинанда, а не начало войны как таковое.

В ФРГ книга Ф. Фишера со временем стала классической, чему отчасти содействовал развернувшейся вокруг нее скандал. Особое негодование вызвали мысли автора о преемственности менталитета немецкой политической элиты кайзеровской Германии, Третьего рейха и, может быть, не столь явно, послевоенной Германии. «Кампания против Ф. Фишера с ее авторитарной тактикой и риторикой национальной чести доказала правоту Ф. Фишера и его школы – западногерманскому научному сообществу еще только предстояло отказаться от устаревшей позиции защитников отечества» (5, с. 348). Австрийских историков больше занимали другие исторические темы: распад империи, нестабильность Первой республики, Аншлюс, создание независимого государства после Второй мировой войны. Для них было важно проследить корни австрийской государственности.

Наиболее значимый вклад в развитие австрийской историографии Первой мировой войны, по мнению Г. Кроненбиттера, сделал в 1960–1970-е годы Ф. Фельнер. Он подготовил к печати мемуары А. Хойеша (начальник канцелярии МИД Австро-Венгрии), который во время миссии в Берлине активно препятствовал мирному урегулированию июльского кризиса. Ф. Фельнер дополнил мемуары своей статьей, освещающей роль Австро-Венгрии в развязывании войны. В своих размышлениях о миссии в Берлине и о роли А. Хойеша во внешней политике страны накануне и во время войны Ф. Фельнер отметил, что мировоззрение австрийских политиков не очень сильно отличалось от того, что описано в книге Ф. Фишера. Согласно Ф. Фельнеру, А. Хойеш и молодые дипломаты Габсбургской империи были воинственно настроены еще до июльского кризиса.

Статья Ф. Фельнера, продолжает Г. Кроненбиттер, могла рассматриваться как приглашение к дальнейшему изучению ментальности политической элиты в духе Ф. Фишера. Позже некоторые иностранные историки (Дж. Лесли, Р. Бридж) продолжили эту линию исследований. Но вообще, отмечает автор, ни публикации

Ф. Фельнера, ни доступные интереснейшие архивные материалы не подтолкнули австрийских специалистов к тому, чтобы начать пересмотр и обсуждение истории конца XIX – начала XX в.

Во Франции, как показывает Дж. Кейгер (профессор истории, Кембридж, Великобритания), ни книга Ф. Фишера, ни дискуссия о ней, развернувшаяся в ФРГ, большого резонанса не вызвали (6). По мнению автора, это объясняется как политической ситуацией в стране, так и положением дел в исторической науке. В начале 1960-х годов значительная часть архивов и личных коллекций периода Первой мировой войны оставались закрытыми, а в исследовании Ф. Фишера были использованы недавно обнародованные документы. Вопрос об ответственности за развязывание Первой мировой войны, как и история Второй мировой войны, все еще оставались во Франции болезненными темами. Кроме того, с начала 1950-х годов между французскими и западногерманскими историками были налажены тесные профессиональные связи вплоть до подготовки совместных рекомендаций по преподаванию истории в этих странах, в которых, в частности, говорилось, что «документы не позволяют установить намеренную волю к развязыванию европейской войны какого-либо правительства или какого-либо лица» (цит. по: 6, с. 364).

Реакция со стороны французских историков была незначительной еще и потому, что книга Ф. Фишера посвящена Германии, а о Франции и французской политике в ней было только несколько упоминаний. К тому же мэтр французской исторической науки П. Ренувен довольно критически оценил исследование немецкого коллеги. В своем отзыве он указал, что Ф. Фишер недостаточно знаком с французскими исследованиями по Первой мировой войне. Признавая значимость проделанных архивных изысканий и соглашаясь с оценкой, данной политике Т. фон Бетман-Гольвега, П. Ренувен пренебрежительно отозвался о главе, рассказывающей о причинах войны, указав на то, что в ней не приводится никаких новых документов. По его мнению, взгляды Ф. Фишера близки к тому, что уже было сказано французскими историками. При этом П. Ренувен признал, что исследование Ф. Фишера привносит новые подробности и важные аргументы. Дж. Кейгер, в свою очередь, отмечает, что П. Ренувен был среди тех, кто разрабатывал стандарты для франко-германского учебника истории и поддерживал профессиональные контакты с Г. Риттером, главным критиком Ф. Фишера в ФРГ.

Наряду с этим, продолжает Дж. Кейгер, следует отметить разницу профессиональных подходов. Ф. Фишер сконцентрировался на внутренних разногласиях, влиявших на внешнюю политику, тогда как французские исследователи больше интересуются переплетением политических, экономических и финансовых отношений между странами, включая Германскую империю. Особое внимание Фишера к проблеме ответственности кайзеровской Германии за развязывание войны было воспринято многими французскими историками как желание свести счеты с немецким обществом и отдельными историческими личностями. Не одобрили они и обильное цитирование документов, а также «слишком живую и тревожную» манеру изложения Фишера, так контрастирующую с академическим французским стилем.

Британские историки, как показывает в своей статье Т. Отт (профессор истории, Университет Восточной Англии), книгу Ф. Фишера оценили по-разному (7). Автор объясняет это особенностями исторической науки Великобритании. Проблемы, затронутые Ф. Фишером, не могли так взволновать английское общество, как это было в ФРГ, и вызвать такую же общественную и политическую реакцию. Британские мэтры, «одетые в твид и привыкшие к уединенным размышлениям», иронично пишет Т. Отт, отреагировали, как «ошеломленные прохожие» (7, с. 377). Ни один из вопросов, поднятых Ф. Фишером, не мог быть предметом спора в Великобритании, где с гораздо большим интересом изучались такие темы, как эпоха Тюдоров, Реформация, а также политика умиротворения 1930-х годов. Сказались и различия в подходах к написанию исторических сочинений: англичане придают большое значение литературному стилю и манере изложения и традиционно упрекают немецких коллег за излишнюю многословность и сухость их трудов. Даже такой известный историк, как Дж. Барраклоу, в 1961 г. предупреждал Ф. Фишера, что его книгу вряд ли переведут на английский язык, потому что она очень объемная. Кроме того, продолжает автор, в Британии нет устоявшейся традиции научных школ, дискуссии ведутся между отдельными учеными, поэтому полемика «школа Ф. Фишера против школы Г. Риттера» там просто немыслима. Английские исследователи гораздо менее политизированы по сравнению с немецкими. Таким образом, ситуация в исторической науке страны не способствовала возникновению споров о книге Ф. Фишера. Тем не менее британские историки отреагировали на нее, хотя и позже, чем их коллеги на континенте.

Первые отзывы появились в начале 1960-х годов, еще до перевода книги на английский, в «Times literary supplement», где она рассматривалась вместе с двухтомным изданием дипломатических документов Германии после 1918 г. Этой публикации поспособствовал Дж. Барраклоу, который переписывался с Ф. Фишером. Затем специалист по истории Пруссии Ф.Л. Карстен опубликовал две рецензии, в которых отметил тщательную работу с многочисленными архивными материалами. Но к тому, как Ф. Фишер оценил мотивы действий политиков, он отнесся более сдержанно.

Во второй половине 1960-х годов в среде британских историков, особенно молодых, появляется интерес к событиям недавнего прошлого, в том числе и к Первой мировой войне. В 1967 г. книгу Ф. Фишера переводят на английский язык. В специально написанном предисловии историк Дж. Джолл выделяет три важных момента этой работы.

1. Ф. Фишер проследил взаимосвязь между военными целями Германии и общим настроем политиков накануне войны.

2. Автор показывает то упорство, с которым немецкие политики преследовали экспансионистские цели.

3. Обновленные и уточненные сведения о личности и политике канцлера Т. фон Бетман-Гольвега пошатнули устойчивое мнение о нем как о трагической фигуре, умеренном либерале, не сумевшем противостоять ультранационалистам (7, с. 389).

Со временем в работах некоторых историков (Дж. Барраклоу, Г. Хинсли и др.) стали проявляться отголоски точки зрения Ф. Фишера. К концу 1960-х годов его позиция в британской историографии укрепилась. Немецкий историк сотрудничал с британскими коллегами, он был удостоен почетных званий нескольких университетов. Отчасти под влиянием его исследования британские специалисты по истории дипломатии обратились к архивным документам и материалам начала XX в.

Ю.В. Дунаева

Миронов В.В.
АВСТРО-ВЕНГЕРСКАЯ АРМИЯ
В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: РАЗРУШЕНИЕ ОПЛОТА
ГАБСБУРГСКОЙ МОНАРХИИ. – Тамбов:
Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. – 409 с.
(Реферат)

В монографии рассматриваются основные формы неповиновения и протеста военнослужащих австро-венгерской армии в 1914–1918 гг., комплекс законодательных, цензурных и медицинских мероприятий, осуществленных военно-политическим руководством Габсбургской монархии. Работа состоит из введения, четырех глав и заключения. Источниковую базу монографии составили документы из Венского военного архива (Австрия), а также ряд материалов трофейного происхождения, хранящихся в российских архивах.

В.В. Миронов отмечает, что в 1990-х годах в отечественной историографии сложилось самостоятельное научное направление, представители которого сосредоточили свое внимание на «человеческом измерении военных конфликтов» (с. 13). В монографии реализуется проект системного анализа основных форм солдатского протеста и вызванной ими реакции репрессивного государственного аппарата. И как признается сам автор, за колонками сухих цифр, полученных в результате обработки статистических данных, «мы стремились... увидеть “маленького человека” с его представлениями, ожиданиями, заботами и тревогами на фронте» (с. 11).

В первой главе исследуются офицерский корпус и рядовой состав австро-венгерской армии. В официальной пропаганде с первых дней войны начала складываться легенда о товарищеских отношениях между офицерами и солдатами как массовом явлении. В действительности жизнь солдат и офицеров протекала изолиро-

ванно друг от друга. Кадровые офицеры сводили к минимуму неслужебные контакты с рядовым составом. К такому поведению их обязывали жесткие корпоративные нормы, строго запрещавшие тесное общение с представителями низших социальных слоев под страхом проведения разбирательства в офицерском суде чести. Чувство армейской солидарности значительно подрывали непоставимые нормы продовольственного снабжения, а также повседневная практика телесных наказаний за малейшие провинности, выступавшая явным анахронизмом на фоне характерных для первого десятилетия XX в. демократических прав и свобод.

Первая мировая война кардинально изменила существовавшие в обществе ценностные ориентиры. В целом система ценностных представлений фронтовиков, сложившаяся в условиях мирного времени, не выдержала испытания войной, свидетельствует автор. Резкая девальвация ценности человеческой жизни, связанная с выработавшейся привычкой к насилию, привела в итоге к формированию модели поведения, в которой главное место занимала психология «фронтowej исключительности» по отношению к оставшемуся в тылу гражданскому населению (с. 46).

Нестабильное психологическое состояние военнослужащих усилило их внимание к народной религиозности. Распространение на фронте различных суеверий было связано с поиском иррационального объяснения происходившей на глазах военнослужащих массовой гибели сослуживцев. Война привнесла элементы нетерпимости и экстремизма в семейные отношения. Автор также отмечает, что постоянно висевшая над военнослужащими угроза собственной гибели способствовала незаметному притуплению инстинкта самосохранения, что неизбежно приводило к личной трагедии.

В первые месяцы войны австрийские военнослужащие полностью разделяли созданные официальной пропагандой стереотипы и оценки, отказывающие противнику в принадлежности к человеческой цивилизации. Переход боевых действий в стадию позиционного противостояния способствовал существенному ослаблению враждебности за счет отчетливо осознававшегося фронтовиками сходства своего положения с жизненными условиями военнослужащих противника. Принадлежность к христианской религии фронтовиков обеих сторон вела к постепенному размыванию образа врага, сформированного официальной пропагандой.

Во второй главе автор рассматривает режим чрезвычайного положения в Австро-Венгрии и на оккупированных территориях.

Чрезвычайное законодательство, вступившее в силу в Австро-Венгрии накануне Первой мировой войны, не имело аналогов в западноевропейской истории, констатирует В.В. Миронов. Отправление правосудия военными трибуналами постоянно находилось под жестким контролем командных инстанций, следивших не столько за соблюдением буквы закона, сколько за обеспечением широко понимавшихся армейских интересов. Практика внесудебных расправ в прифронтовых районах, санкционированная чрезвычайными органами, приобрела огромные размеры. Тщательно отслеживая общественные настроения, военно-политическое руководство придавало огромное значение своевременному выявлению случаев государственной измены и шпионажа. На первой план выходила четкая градация лояльности подданных Габсбургской империи, приобретающая выраженный национальный оттенок. Автор подробно рассматривает вступившие в силу с началом войны чрезвычайные декреты, направленные на расширение сферы полномочий военной юрисдикции.

Анализируя деятельность цензурного аппарата, предназначенного следить за соблюдением норм чрезвычайного законодательства, автор отмечает, что Первая мировая война внесла серьезные коррективы в информационную политику правящих кругов Австро-Венгрии, сосредоточивших в своих руках цензурный контроль. Постепенное ослабление военной цензурой своей «железной хватки» привело к мощному выбросу дискредитировавший политический режим Габсбургской монархии информации, которая беспрепятственно распространялась освободившейся из-под ее жесткой опеки национальной прессой (с. 96).

Особая роль в ряду цензурных мероприятий отводилась перлюстрации почтовой корреспонденции солдат и офицеров действующей армии. Ее главной целью было предотвратить разглашение военных сведений, попутно пресекая нередко содержавшуюся в частной переписке критику армейских и государственных порядков. Однако военным служащим, проявлявшим недюжинную изобретательность, порой удавалось успешно миновать цензурное «сито».

Во время Первой мировой войны австрийский оккупационный контроль был установлен (полностью или частично) на территории ряда государств Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. Оккупационная администрация принимала различные формы в зависимости от местной специфики. «В Черногории, Царстве Польском и в Северной Италии она была организована под непосредственным контролем военных, в то время как в Сербии

наравне с военными структурами управленческие функции осуществлялись австрийскими и венгерскими гражданскими органами» (с. 98–99).

В третьей главе рассмотрено дезертирство как социально-политический феномен. При анализе регионального происхождения и национальной принадлежности дезертиров автор отмечает, что 52% военнослужащих, оказавшихся под следствием, представляли венгерскую часть Габсбургской монархии (Транслейтанию), включая пользовавшуюся ограниченной автономией Хорватию – Славонию (с. 122).

Анализ социально-профессиональной принадлежности дезертиров показывает, что она отражала в основных чертах хозяйственную специфику регионов дуалистической монархии, находившихся на разных стадиях индустриального развития. Род занятий 64% дезертиров, проживавших до войны на территории империи, был связан с сельским хозяйством (с. 129). В своей основной массе правонарушители происходили из пролетарских слоев деревни, не владевших земельной собственностью. 11% дезертиров представляли рабочий класс, выходцы из которого были заняты до войны на промышленных предприятиях и объектах инфраструктуры (с. 132).

Образовательный уровень дезертиров был очень низким. Максимальное количество неграмотных приходится на дезертиров-румын, что в целом соответствует данным довоенной статистики, согласно которой за рамками системы школьного образования оставались до 72,2% представителей данного этноса (с. 133–134). Что касается семейного положения, то дезертирами являлись преимущественно молодые, не успевшие обзавестись собственными семьями люди.

Подавляющее число правонарушителей до совершения ими тяжчайшего воинского преступления были приписаны к различным пехотным частям. Самый многочисленный отряд правонарушителей составили поступившие на военную службу в 1915 г. Под мобилизацию указанного года попали призывники, которым едва исполнилось 18 лет. Причиной тому, указывает автор, служил быстро исчерпывающийся запас обученных военных кадров из-за тяжелых потерь в личном составе, понесенных австро-венгерской армией к концу 1914 г. (с. 140).

Феномен дезертирства обнаруживает многообразие форм мотивов и причин. Особого упоминания заслуживают массово совершавшиеся военными просрочки отпусков и уход из

расположения воинской части в тыл. Переход на сторону противника представлял собой крайне рискованное предприятие, на которое решались только самые отчаянные. Основными причинами просрочек отпусков, как правило, выступали тяжелое материальное положение родственников и необходимость проведения срочных полевых работ. В основе мотиваций перебежчиков могли лежать страх перед наказанием, голод и в меньшей степени проявление национального протеста по отношению к Габсбургской империи. При этом автор подчеркивает, что в силу официального характера информация о преступлениях военнослужащих «просеивалась через фильтр корпоративных интересов армии и свойственных ей стереотипов мышления» (с. 202). Другая сложность в определении мотивов и причин дезертирства состоит в интерпретации показаний обвиняемых и свидетелей. В силу этого перспективно искать в аргументации подследственных политически мотивированные действия. Попавшие под следствие военнослужащие стремились оправдать свои поступки «безобидными» в политическом плане мотивациями: семейными обстоятельствами, недостатками снабжения на фронте, желанием сменить воинскую часть, конфликтами с офицерами и сослуживцами.

Автор констатирует, что армейские верхи отчетливо осознавали, что жестокие репрессии способствовали значительному ослаблению боевой мощи армии, порождая сложно решаемую в условиях ограниченности людских ресурсов кадровую проблему. Данным обстоятельством во многом объясняется относительно несуровый характер наказаний, налагавшихся на дезертиров военным трибуналом. По-настоящему бескомпромиссным военное правосудие было по отношению к перебежчикам и совершившим государственную измену во вражеском плену.

В четвертой главе рассматриваются иные формы протеста и неповиновения военнослужащих, таивших в себе серьезную угрозу стабильному функционированию вооруженных сил Габсбургской монархии в условиях войны. К таковым относятся нарушение субординации и мятежи, уклонение резервистов от мобилизации и пр. На основе изученных данных статистики автор заключает, что в социальном облике правонарушителей прослеживается четкая дифференциация. Если среди военнослужащих, обвинявшихся в нарушении должностной субординации и в мятеже, были широко представлены рабочие и эпизодически служащие, то среди умышленно причинявших вред собственному здоровью фигурировали только лица, принадлежавшие к пролетарским слоям сельского общества,

преимущественно венгерское сельское население. В социальном облике «уклонистов» наблюдалось относительное преобладание профессий, связанных с ремесленно-промышленным трудом.

В своем большинстве правонарушители представляли молодое поколение, не владеющее каким-либо имуществом и имеющее за своими плечами начальное образование. Образовательный уровень «иных» девиантов был несопоставимо выше, нежели дезертиров. В первую очередь это относится к военнослужащим мадьярской и немецкой национальности (закончившим средние и среднеспециальные учебные заведения).

Средний правонарушитель, по свидетельству автора, принадлежал в подавляющем большинстве к рядовому составу пехотной части. Четко прослеживается зависимость между воинским чином и характером правонарушения. Показательно в этом отношении полное отсутствие офицеров и незначительное количество унтер-офицеров среди военнослужащих, которым инкриминировались неисполнение приказа о призыве и умышленное членовредительство, тогда как представители комсостава были широко представлены в группе обвинявшихся в нарушении должностной субординации и в мятеже.

Автор обращает внимание на то, что сдвиги в умонастроениях военнослужащих привели к «обвалу» патриотических ценностей. Для многонациональной Австро-Венгерской империи участие в Первой мировой войне обернулось государственной катастрофой.

Анализ солдатских выступлений свидетельствует, что в них следует разграничивать конструктивный и деструктивный компоненты. В первом случае вставшие на защиту полагававшихся им прав военнослужащие не помышляли о насильственном изменении государственной системы управления. Деструктивный компонент солдатских волнений был обусловлен в первую очередь политическими убеждениями военнослужащих, открыто протестовавших против габсбургской администрации. Приведенные автором данные показывают, что среди правонарушителей находились представители не только так называемых «угнетаемых наций», но и «титulyных» этносов – австрийских немцев и венгров.

Источниковый материал свидетельствует о том, что основанием для подозрений части военнослужащих в «политической неблагонадежности» служило порой их членство в различных политических партиях. Особое внимание обращалось военным командованием на недопустимость распространения социалисти-

ческой пропаганды и агитации среди подчиненных. Еще до войны социал-демократия устойчиво ассоциировалась в сознании военных верхов с враждебным династии политическим течением.

Автор отмечает, что в последние годы заметно возрос интерес к влиянию Октябрьской революции на внутривнутриполитическое развитие Центральной и Восточной Европы. Он останавливается на этом вопросе, отмечая, что набравшее оборот с осени 1917 г. взаимодействие иностранных военнопленных с советскими государственными органами было поставлено под угрозу новой конъюнктурой 1918 г. Брестский мир инициировал взаимную репатриацию военнопленных и интернированных, поставившую на повестку дня для военно-политического руководства Габсбургской монархии проблему выявления и нейтрализации возвращающихся из России австро-венгерских подданных, зараженных «бациллой большевизма» (с. 328). По официальным данным, до 18 октября 1918 г. в Австро-Венгрию из России прибыли 670 508 военнопленных, немалая часть которых вернулась самовольно, минуя созданные командованием транзитные лагеря (с. 329). «Вместе с ними в воинские части хлынула широкая революционная пропаганда, павшая на благодатную почву системного социально-экономического кризиса» (с. 333–334).

В заключение автор отмечает, что феномен «военного неповиновения» наглядно продемонстрировал наличие «болевых точек» в отношениях между государством и гражданским обществом, угрожавших самому существованию Габсбургской монархии (с. 376). Заметная аполитичность представителей сельского социума Венгрии, составивших подавляющее большинство девиантов, обусловила довольно низкий по сравнению с другими западноевропейскими армиями уровень их гражданско-правового сознания.

И.Е. Эман

1914–2014 гг.:
ГОДОВЩИНА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ В ИСТОРИИ.
ВЗГЛЯД ИЗ ФРАНЦИИ
(Сводный реферат)

1. Одуэн-Рузо С., Беккер Ж.-Ж. Введение.

Audoin-Rouzeau S., Becker J.-J. Introduction // Première Guerre mondiale: Encyclopédie. – P., 2004. – P. 11–16.

2. Хорн Дж. Великая война в истории.

Horne J. La Grande Guerre dans l'histoire // Ibid. – P. 1241–1252.

3. Прост А. Отмечать, не искажая: Война 1914–1918 гг. как великое событие.

Prost A. Commémorer sans travestir: La guerre de 1914–1918 comme grand événement // Débats. – P., 2013. – P. 137–144.

4. Зиме Ж. Великая война как рассказ об истоках.

Zimet J. La grande guerre reste un récit des origines // Débats. – P., 2013. – P. 123–136.

Создатели энциклопедии «Первая мировая война» (1; 2) опирались на достижения нескольких исследовательских центров, включая открытый в 1992 г. во Франции «Историал Великой войны» в Перонне на реке Сомме. Его Центр исследований создал уже целую международную сеть, объединившую университетских исследователей. За последние 15 лет он внес большой вклад в обновление историографии, ее интернационализацию, а также в то, чтобы связать, наконец, научную историю с историей Великой войны, обращенной к широкой публике. Настоящая энциклопедия во многом является результатом этого коллективного труда. Ее создатели ставили своей первостепенной целью предоставить в распоряжение исследователей, студентов и широкой публики определенный объем историографических достижений в доступной

форме. Статьи, помимо задач информативности, стремятся дать критический взгляд на само событие как на предмет изучения, «ставить вопросы» (1, с. 14).

Руководители проекта С. Одуэн-Рузо и Ж. Беккер во введении обращают внимание на весьма характерное обстоятельство: «Первая мировая отстоит от нас на целое столетие, множество важных событий заслонило ее, но тем не менее в количестве обращений к ней наблюдается обратный процесс. Во Франции события 1914–1918 гг. по-прежнему находятся в центре литературного и художественного творчества; не отстает и историография, причем не только на университетском уровне, но и в плане так называемой “публичной” истории. Смена поколений, вопреки ожиданиям, не только не отодвигает Великую войну на задний план, напротив, молодое поколение относит ее к величайшим событиям XX в. К тому же весь западный мир затронут этим феноменом памяти. Достаточно отправиться в Лондон 11 ноября, чтобы убедиться в силе эмоций, сопровождающих отмечание юбилея Великой войны в Англии. Или вспомнить, что Австралия в лице делегации своих 90-летних ветеранов в 1993 г. сочла необходимым эксгумировать на Сомме своего неизвестного солдата, затем отвезти его останки на родину в Канберру и предать их погребению в день 11 ноября. Или же отправиться на англосаксонские кладбища французского фронта, между Северным морем и Соммой, чтобы констатировать необычайную силу “паломничества к могилам”: сегодня уже внуки и правнуки отправляются почтить память предков, павших в боях. Нет, связь с событиями 1914–1918 гг. не только не прервана, она скорее укрепилась» (1, с. 11–12).

Сам предмет претерпел глубокое обновление за последние 30 лет, причем не только количественное. Выражаясь кратко, происходит «медленное перемещение от истории конфликта под военным и дипломатическим углом зрения к истории обществ в войне, не исключая индивидуального опыта мужчин, женщин, детей, равно как и “представлений” современников. Сверх того, процесс расширения вписывается также в хронологические рамки: в плане историографическом Великая война все менее завершается 1918 или даже 1919 годом. Долгий след войны, заметный сегодня в наших западных обществах, все более интегрируется в сюжет, как если бы четыре года конфликта неким образом размножились» (1, с. 14).

Немалое внимание уделено новым подходам, прежде всего культурной истории конфликта в самом широком смысле. Представления современников о войне – в центре этого историографи-

ческого проекта: место, уделенное культурным мобилизациям, художественному творчеству во всех его формах, но также трауру, страданиям, боли войны, дает возможность увидеть ее в новой перспективе.

Привлекая различные области истории, даже различные исторические школы, руководители проекта стремились к созданию интегрированной истории Великой войны, в которой классические взгляды и новые точки зрения взаимно питают друг друга. В особенности подчеркивается, что если Первая мировая война была войной европейской, то ее последствия были мировыми. Она может быть понята только в форме истории вполне международной, и в этой перспективе сопоставление национальных историй, сколь бы ни были они актуальны, — не может быть достаточным.

* * *

Подводя итоги изучения Первой мировой войны, Дж. Хорн замечает: «Великая война ускользает от понимания, прежде всего, в силу диспропорции между жертвами, принесенными тогдашними обществами, и реальными целями конфликта... Попытки вписать в историю, оправдать или просто объяснить смысл этих четырех с половиной лет кровавой борьбы с ее неслыханной жестокостью предпринимались со времени ее окончания. Большинство рассматривало ее как страшное предостережение против попытки повторения опыта, грозившего хаосом и варварством. Некоторые считали, что она уже обозначила конец цивилизации. Другие отказывались считать конфликт завершенным и предсказывали ее продолжение» (2, с. 1241).

Спустя 25 лет новая война принесла скорые победы тем, кто был побежден в предшествующем конфликте. Немецкие войска, проходя по полям прежних сражений, едва успели воздать почести павшим: новая война завершилась еще более страшным катаклизмом с человеческими и материальными жертвами, превзошедшими масштабы Великой войны. Она завершилась замораживанием ядерных потенциалов, что обеспечило Европе хотя бы относительный мир «холодной войны». Таким образом, «тотальная война», развиваясь согласно собственной логике, длилась более 30 лет, а ее последствия — еще полвека. Первая мировая явилась лишь первым актом. Ее уникальность была заслонена тенью следующей войны. В некоторых странах память о ней была стерта

почти полностью: так было в СССР, где ее рассматривали как «империалистический конфликт», как преддверие революции и, следовательно, как событие неважное в сравнении с Великой Отечественной войной 1941–1945 гг.

Падение коммунизма в конце 80-х означало окончательное решение идеологического конфликта, порожденного Великой войной, и тем самым выявило политическую географию Европы такой, какой ее признали лидеры мирной конференции 1919 г. Устранение расколов на континенте в конце XX в. воспроизвело картину его начала, в условиях которой и разразилась Великая война, — с объединенной Германией, распадающейся Российской империей и Балканами в огне. В целом Европа, претерпевшая глубокую трансформацию в ходе двух мировых войн, умиротворилась, вернувшись к корням векового конфликта, масштабы которого предстоит измерить.

Не только Европа, но и ее колониальные империи были вовлечены в конфликт. Причем война отнюдь не укрепила европейскую власть над миром, а, напротив, положила начало ее ослаблению. С одной стороны, обе мировые войны осознавались как включение колониальных народов в расширенную британскую или французскую семью, и памятники павшим на полях Европы о том свидетельствуют. С другой стороны, война укрепила чувство национальной независимости в этих странах, что сделало колониальную империю менее европоцентричной, положив начало процессу, который в полную силу развернется после Второй мировой войны. В рядах воюющих появилось первое поколение будущих национальных лидеров, размышлявших о переходе от традиционного общества к национальному государству. Что касается германского империализма, блокированного в его колониальных амбициях британским морским господством, то война переориентировала его к другому типу империи: к обширным просторам Восточной Европы, туда, где распадалась Российская империя. Оккупация германской армией русской Польши, балтийских стран и с марта 1918 г. Украины стала первым опытом более жестоких и идеологически заряженных войн спустя четверть века.

Наконец, США, вступившие в войну позднее других государств, скорее других в ней разочаровались. Это чувство разочарования сопровождалось частичным отходом от роли мировой державы, в особенности в ходе мирной конференции 1919 г. Тем не менее американская элита, как финансовая, так и политическая, продолжала соблюдать свои обязательства по европейскому вос-

становлению в 1920-е годы, как о том свидетельствует роль Уолл-стрит в стабилизации немецкой экономики в 1924–1929 гг. или гуманитарная помощь Европе. Но дух войны остался чужд «изоляционистской» политической культуре Америки, возобладавшей в 1930-е годы. Таким образом, Великая война заняла маргинальное место в американском сознании, ее заслонило подлинное вступление страны на мировую арену в ходе последующего конфликта.

Война как предмет исторического размышления включает труды не только историков, но и архивистов, библиотечарей, музейных работников, собравших фонды документов и коллекции предметов, без которых всякий историографический труд невозможен. Историка как профессионала занимает другой вопрос: каково место войны в индивидуальной и коллективной памяти, если отделить память о войне от самой войны? Для обществ, уже осознавших роль прошлого в основании наций или в прогрессе «цивилизации», как и в ее упадке, Великая война явилась радикальным опытом, вписавшимся в хронологию, одновременно поколебав ее. В обществах, наиболее ею затронутых, она ассимилировала историю с индивидуальным опытом, переставив классическую схему представления периодов. «Предвоенное время», «прекрасная эпоха», «потерянное поколение» – такие термины означают в то же время, что война была пережита как временной разрыв, который следовало восполнить. История и память представляют собой два измерения этого процесса. Семьи, потерявшие близких, или выжившие участники боев в большинстве случаев ощущали необходимость восстановить нить личной истории через историю войны. Волна памяти, записные книжки или письма, опубликованные после войны, – таковы письменные следы более общего размышления, отметившего устную и семейную культуру. На местном или национальном уровне незабвение сопровождалось более или менее официальным рассказом о конфликте. Создание военных музеев и архивов, редактирование национальных историй выполняли двойную задачу – рассказа и памятования – как подлинные хроники того времени. Истории обществ, вовлеченных в войну (полки, школы, предприятия, религиозные общины), или местностей (города, графства, регионы) следовали той же логике. Они возникали во всех воевавших странах, за исключением России; необходимо пересмотреть под этим углом зрения культуру эмиграции (2, с. 1244).

Однако история и память отличаются друг от друга. Внимание историков-профессионалов распределяется неравномерно.

Тяжелая машина официальной военной истории концентрируется на войне генералов – 14 томов в Германии, 106 томов во Франции. В то же время историки-фронтеры (нередко бывшие офицеры) резко критикуют неспособность их высшего командования решить загадку «войны на износ». Наиболее знаменит случай Б.Г. Лиддел Гарта с его провоцирующей книгой «Настоящая война, 1914–1918»¹ (2, с. 1244).

Но жизнь и смерть солдат – это другой вопрос. В течение долгого времени историки обходили стороной простого солдата, поскольку территория была занята памятью выживших. Мемориальная литература последних, и в особенности их статус свидетелей, делала труд историка крайне деликатным. Название большой книги Жана Нортон Крю о солдатах-писателях «Свидетели»² отнюдь не было произвольным. По мере исчезновения ветеранов возникала новая волна интереса к «памяти» о конфликте и, особенно, к судьбе участников боев, этот интерес подпитывался чувствами, которые молодое поколение проявляло к памяти своих дедов и прадедов, находя, таким образом, в конце века отпечаток его начала. В то же время историографический поворот 1970-х годов к социальной истории «снизу» и еще более 1980–1990-х годов к культурной истории пережитого – вернули наконец солдат Великой войны вниманию исторического исследования.

Автор отмечает, что тема экономического и социального воздействия войны была затронута ранее. Еще в межвоенный период Фонд Карнеги опубликовал несколько сотен монографий в рамках серий, посвященных финансам, военной промышленности и т.д. Напротив, изучение воздействия политической и культурной мобилизации обществ на войну представлялось более трудным по причине существования полемики, рожденной самой войной.

Прежде всего, дипломатическая история конфликта оставалась предметом спора в течение всего межвоенного периода. В частности, германская историография резко отвергала тезис о германской ответственности за войну и в этом находила поддержку у дипломатии страны. К этой кампании примыкали американские историки-ревизионисты, такие как Гарри Элмер Барнес или Сидней Фэй, выступавшие против участия их страны в конфликте. Все они защищали тезис, согласно которому войну следовало рассматривать как *всеобщую* катастрофу, что снимало вину с Германии.

¹ Liddell Hart B.H. The real war, 1914–1918. – L., 1930.

² Cru J.N. Temoins. – P., 1929.

Кроме того, вопрос общественного мнения в странах — участницах войны, в особенности если они входили в тот или иной союз, в силу этого приобрел известную относительность, далекую от объективности. Историки и писатели пацифистского направления объясняли участие населения в войне в терминах принуждения и пропаганды. Идеологическая ангажированность в конфликт ретроспективно трактовалась как обман или, хуже, как «измена клерков», согласно названию знаменитой книги, опубликованной в 1927 г. Жюльеном Бенда¹, также участником войны. Во Франции, Великобритании и США тенденция к «моральному разоружению» во второй половине 1920-х годов имела следствием отказ от языка и образности войны, отчуждая население от их собственного состояния духа в ходе войны. Вчерашние страсти стали непонятными для многих, и, тем самым, реконструкция их представляла трудность для историка.

Наконец, если немецкие националисты согласны с таким видением населения союзных стран как объекта манипуляции их собственных правительств, то целью этого была мобилизация немецкого общественного мнения против Версальского договора и на борьбу против «измены» памяти жертв военного времени. Таким образом, всякое серьезное исследование мобилизации населения в 1914–1918 гг. и его состояния духа в течение многих лет оставалось почти невозможным. Во французском случае пришлось ждать, пока выдающийся историк и ветеран войны Пьер Ренувэн переориентирует свою политико-дипломатическую историю к истории общественного мнения и с 1970-х годов начнется первая волна исследований, посвященных мобилизации различных течений национальной идентичности и их испытанию в горниле войны.

Все это в конечном счете неудивительно. Поддержка, оказанная войне современниками, жестокость битв, психологический травматизм, доходящий в некоторых случаях до революции, составляют самую суть войны. Для историка лишь отдаление событий во времени и новые подходы последней трети XX в. позволили нащупать глубинную суть эпохи, в которой еще немало неясного. Более того, идеологические шоры и маргинализация памяти о войне, характерные для советского коммунизма, не давали в течение долгого времени возможности для развития историографии войны в Восточной Европе. Даже и сегодня чрезмерная сосредоточенность на Западном фронте только еще начинает исправляться изучением

¹ Benda J. Trahison des clercs. — P., 1927.

войны на Восточном фронте, практически неизвестном. За последние полтора десятка лет можно назвать лишь несколько попыток изучения сравнительной или транснациональной истории.

Традиционный подход с его изучением причинно-следственных связей не утратил значимости. Историки по-прежнему заняты вопросами дипломатической ответственности за войну или последствия Версальского договора. Роль Германии в кризисе 1914 г. вновь стала предметом споров в ФРГ в 1960–1970-е годы вокруг тезисов Фрица Фишера. «Историк не только поддержал тему об ответственности Германии за войну, но и выдвинул тезис о “преемственности” экспансионизма Второго рейха и его гитлеровского преемника, тезис весьма неудобный для его коллег, как и для Германии, склонной считать нацистский эпизод исключением. Даже если некоторый консенсус и установился вокруг смягченной версии тезисов Фишера, он отнюдь не является всеобщим», – считает автор (2, с. 1246). Дебаты вокруг причин и последствий войны оживились в английской историографии вокруг концепции *контрафактной истории*¹. Ее автор Н. Фергюсон пытается, помимо прочего, вообразить Европу без войны, или, точнее, войны на износ; она заканчивается победой немцев в битве на Марне. «Эта игра ума с историческими фактами ни в коей мере не заменит оценку последствий войны, которая, подобно Троянской, действительно имела место, перевернула европейскую дипломатическую систему и в конечном счете привела ко Второй мировой войне» (2, с. 1247).

Тем не менее можно было бы попытаться измерить значение Великой войны, рассуждая не о причинах, а о способах оценить конфликт исходя из долговременного исторического процесса или в соотношении со следующим историческим катаклизмом. Так, Эрик Хобсбаум в книге «Эра крайностей»² выдвинул тезис, согласно которому XX век был веком коротким, отмеченным циклом проявлений крайнего насилия, начатым Великой войной и завершенным падением коммунизма. Не сводя войну к тому, что ей предшествует, этот тезис предлагает рассмотреть то, что произошло после, но было бы немислимо без нее: это делает Великую войну событием-матрицей столетия (2, с. 1247).

Действительно, определенная «брутализация» (термин Георга Мосса), бесспорно, порождается опытом войны и распространяется на политику и нравы. Следствия этой брутализации не одина-

¹ Ferguson N. The Pity of war. – L., 1998.

² Hobsbawm E. L'ère des extrêmes. – P., 1994.

ковы в разных странах, но война усилила их, возведя идеологический конфликт между демократическим либерализмом, коммунизмом и фашизмом на уровень активного насилия, в том числе в международных отношениях.

Можно было бы противопоставить «короткому» XX веку тезис «долгого», двухвекового цикла, продолжающегося от Французской революции и революции индустриальной до конца XX в., — цикла, поворотным моментом которого и явилась Великая война. В самом деле, в конце XVIII в. возникли различные логические системы, которые проявились в Первой мировой войне. Среди них находим превращение человека в гражданина, а гражданина в солдата — процесс, благодаря которому государство, наделенное народной легитимностью, обретает способность к военной мобилизации. Впервые продемонстрированное Французской революцией, а затем повторенное прусской мобилизацией против Наполеона, это стремление к милитаризации взрослого мужского населения становится базовым принципом военной организации европейских великих держав в течение XIX в., за исключением Великобритании. В то же самое время технические достижения постепенно внедрялись в практику войны, но не были своевременно поняты в Европе, невзирая на уроки Гражданской войны в Америке.

С этой точки зрения Великая война выглядит как смертоносная встреча разрушительной мощи индустриализованной битвы и мобилизационных мощностей национальных государств (сами британцы создали массовую армию из добровольцев, до того как объявили набор в 1916 г.). Однако индустриализованная война, обреченная длиться бесконечно, навязала свою собственную организационную логику в виде военного «массового подъема». Производство беспрецедентных средств разрушения потребовало разделения труда по образцу индустриального общества, что усилило военную мобилизацию мобилизацией социально-экономической, чреватой напряженностью и внутриобщественными разделением, включая классовые. В то же время включение всех национальных ресурсов в войну сводило каждого к роли борца, которому противостоял враг. Разумеется, логика войны не была реализована полностью. Но она существовала в воображении и осуществилась в последующих конфликтах.

Это ставит вопрос об исследовании Великой войны в сравнении с последующими войнами, в особенности со Второй мировой войной. Во многих отношениях изучение обеих мировых войн — это изучение контрастов. Прежде всего, различие в мас-

штабах: Вторая мировая принесла в 5 раз больше потерь (40–50 млн против 9 млн), а ее сражения развернулись во всем мире. Различие в условиях боев: в Первой мировой войне преобладала оборонительная стратегия, во Второй – наступательная. Различия в потерях: в ходе Первой мировой это были в основном военнослужащие, во Второй – гражданские лица: жертвы бомбардировок, плохого обращения, геноцида.

Однако эти бесспорные различия должны быть нюансированы. Так, во Второй мировой мало что может сравниться с уровнем смертности в ходе крупных наступлений Первой, особенно пехоты, бросающей волна за волной во фронтальное наступление против вражеских линий. Даже если русский фронт Второй мировой составляет исключение, одно только число смертей в Сталинграде сопоставимо с потерями Вердена или Соммы. Кроме того, что касается Европы, то вся тяжесть Второй мировой обрушилась на восток континента, ставший жертвой расовой войны со стороны Германии, а не на запад, захваченный в ходе молниеносной кампании 1940 г. Таким образом, военные (как и общие) потери Англии и Франции во Второй мировой войне были менее значительными, чем в Первой.

Наконец, значимость жертв среди гражданского населения в ходе Второй мировой не должна заслонить страданий гражданских лиц в течение Первой. В некоторых сопоставимых ситуациях население зон, оккупированных немцами в Бельгии и в Северной Франции, как и в Польше и странах Балтии, испытало в 1914–1918 гг. снижение уровня жизни, порой сопоставимое с тем, которое имело место в ходе Второй мировой, причем они подверглись первому испытанию депортацией и принудительными работами. Мобилизация правительства младотурок против армянского населения привела к насилию, которое далеко превзошло обычные убийства и позднее было названо геноцидом.

Указанные различия, при сохранении необходимых пропорций, остаются значимыми и придают различную идентичность каждой из двух войн. В счет идет, однако, «логика тотальной войны», свойственная обоим конфликтам при всех различиях. Например, обратное соотношение между наступлением и обороной отмечалось уже в Первой мировой (танки, самолеты, спецподразделения, руководствующиеся новыми тактическими доктринами), хотя и не заменило войну на износ. Эти инновации стали темой военных дебатов в межвоенный период, прежде чем были применены в ходе Второй мировой. Инновации были разными, но головокружительная уст-

ремленность к техническим разработкам в разрушительных целях была такой же. В обоих случаях это вовлекло в военную мобилизацию научное сообщество. С этой точки зрения Фриц Хабер, посвятивший свои научные знания производству удушающих газов в 1915 г., или ученые стран-союзников, сотрудничающие в разработках атомной бомбы тридцатью годами позднее, – два примера идентичного процесса.

Что касается применений насилия, то здесь мы находим другие связи между обеими войнами. Разделение труда, навязанное экономической мобилизацией с целью индустриализации войны, сделало гражданское население логической, но труднодостижимой мишенью в ходе Первой мировой войны по причинам географическим и техническим. Тем не менее начало использования ВВС как стратегического оружия (немецкие рейды на Лондон и Париж, строительство флота мощных британских двухмоторных самолетов, способных достичь Рура в конце войны) возвестило это будущее, которое в 1939–1945 гг. поставило гражданское население в первые ряды жертв под ударами массовых воздушных бомбардировок (2, с. 1250).

Весьма характерными для «культуры войны» в первом конфликте были «демонизация» внешнего врага и гонения на врага внутреннего (т.е. на меньшинство, способное играть роль козла отпущения). Подобная динамика наблюдалась в нацистской Германии. Эта динамика дошла до крайности в ходе вторжения в Польшу и Россию, где враг внешний и внутренний конвергировали в фигуру восточного еврейства, а затем и европейского, попавшего в мясорубку войны и нацистской идеологии. Разумеется, речь идет не о том, чтобы свести антисемитизм к наследию Великой войны и объяснять геноцид Второй мировой войны в терминах Первой. В конечном счете каждая мировая война знает эскалацию насилия. Словесное насилие, культ ненависти к врагу переходит в политическую культуру, скажем, в расистскую идеологию нацизма, и в контексте новой войны порождает динамику геноцида. Процесс радикализации насилия в особенности связывает обе мировые войны. Наконец, место Великой войны в истории может быть рассмотрено и в плане нормативов. Великая война расшатала «нормальную» жизнь, действующие нормы в самых различных областях. Это также объясняет известную нестабильность в ретроспективном восприятии Первой мировой войны.

Журнал «Дебаты» (Débats) дает слово организаторам предстоящих празднеств, посвященных столетию Первой мировой войны. Как показывает опыт, годовщина далеко не сводится к официальным торжествам, но представляет собой важный момент кристаллизации общественной памяти. Для подготовки и проведения столетней годовщины Первой мировой войны правительство создало Миссию во главе с Ж. Зиме, включающую научный совет. Он объединяет признанных историков, французских и иностранных, а также представителей мира культуры, музеев, архивов, средств массовой информации и т.д. Но это совещательная инстанция, которая ограничится функцией координации, с тем чтобы избежать упрощений, преувеличений, неверных интерпретаций. Глава Научного совета Миссии, историк, специалист в области Первой мировой войны А. Прост (3) свел возможные искажения к следующим позициям.

Мировая война. Первое искажение заключалось бы в попытке свести Великую войну к конфликту между Францией и Германией. Риск значителен, поскольку после войны 1870 г. обе страны считали себя непримиримыми врагами. Мы включаем войну 1914–1918 гг. в хронологический ряд, ведущий от 1870 к 1940 г., в котором она является основным эпизодом трижды повторенного одного и того же конфликта.

Парадоксально, что долгая история сближения между Францией и Федеральной Германией, от заявления Шумана 1950 г. до рукопожатия в Вердене в 1984 г. и договора де Голля – Аденауэра, способствовала представлению о Великой войне как о столкновении этих двух народов. Значение, придаваемое сегодня франко-германскому союзу, накладывает свой отпечаток на наше прочтение войны 1914 г.

Но это не единственная причина. Всякая история пишется здесь и сейчас, в данном контексте. Война развернулась на французской территории, перемирие и мир были подписаны во Франции. Французы воспринимают ее как свою войну, а себя как победителей, принесших огромные жертвы. Англичане, чья армия была сформирована до 1916 г. из добровольцев, оценивают ее иначе: они задаются вопросом о разумности своего участия в этой «абсурдной», по их словам, войне.

Проще говоря, каждая страна склонна выделять в своей памяти о войне эпизоды, которые касаются ее наиболее непосредствен-

но. Каждая страна видит войну как «свою». Так, британцы, отразившие немецкое наступление весной 1918 г., забывают упомянуть о маршале Фоше и французских резервах, а большинство французов забывают о британских потерях на Сомме и т.д. Эти национальные шоры должны быть отброшены, Великая война есть война мировая. Прежде всего, она развертывалась на разных фронтах, а не только во Франции. Русские наступления на Восточном фронте сыграли бесспорную роль в исходе первой битвы на Марне, как и в битве под Верденом. Высадка у скал Галлиполи, кампании в Палестине, Месопотамии, Македонии имели свое стратегическое значение. На западных полях сражений сталкивались люди со всего мира. Британский экспедиционный корпус свозил солдат из всех доминионов, которые там свидетельствовали свою национальную идентичность. Мобилизованные Францией 8,4 млн включали 6% «колониальных»: 260 тыс. из Северной Африки (из них 176 тыс. алжирцев) и 215 тыс. из других колоний (из них 136 тыс. сенегальцев). Иностраный легион насчитывал более 15 тыс. человек. Кроме того, чешская армия и две русские бригады в соединении с французской армией воевали в районе Реймса, где павшие погребены на общем военном кладбище. Цифры потерь подтверждают разнообразие сражавшихся. Разумеется, цифры наиболее значительны у главных сторон: Франция (1 400 000, из них 71 000 «колониальных»), Соединенное Королевство (761 000), Италия (600 000) и четыре империи: Россия (2 млн), Германия (чуть более 2 млн), Австро-Венгрия (1 457 000) и Османская империя (77 200, из них около 40 000 солдат умерли от истощения и болезней). Но и доминионы понесли немалые потери: 6000 австралийцев (все добровольцы), 16 000 новозеландцев, а также 61 000 канадцев, 54 000 индийцев и 7000 южноафриканцев на Западном фронте. Вступив в войну с запозданием, Америка потеряла на полях сражений 1918 г. 90 000 человек. Бельгия потеряла 38 700 солдат, Греция – 26 000. Закljučая этот мрачный подсчет, автор констатирует, что в целом из 10 млн павших на долю французов и немцев приходится только треть. Если к этому добавить вклад и других стран в войну, то это окончательно подтвердит ее мировой характер.

Итак, отмечание годовщины 1914 г. во Франции не может быть чисто французским мероприятием. Простые посетители и целые делегации прибывают с четырех сторон света на поля сражений и военные кладбища. Ежегодно тысячи британцев собираются в г. Тьепвале на Сомме, отмечая пением гимнов годовщину битвы, которую игнорируют официальные власти. Что же будет в

2014 г.? Австралийцы приходят тысячами в Фромель (Нор) и в Вилье-Бретонне (Сомма), индийцы – в Нев-Шапель (Па де Кале), канадцы и американцы также планируют манифестации. «Названия этих мест, которые ничего не говорят французам, стучат в сердцах этих людей, как знамена на ветру. Отмечать годовщину войны, ограничиваясь франко-германским столкновением, было бы исторической близорукостью» (4, с. 140).

Общества в войне. Вторым искажением было бы сосредоточение на военных операциях. Это значило бы ничего не понимать в Великой войне. На самом деле общества, полностью мобилизованные, были проигравшей или победившей стороной в этой войне, и поэтому она была такой долгой (3, с. 140). Уход в армию миллионов мужчин переложил на плечи женщин, детей, стариков всю тяжесть производства. С 1914 г. они собирали урожай, работали на фермах, и это в то время, когда множество лошадей было реквизировано и не было машин, облегчавших физический труд.

Очень скоро изменились и армии. С сентября 1914 г. французское правительство потребовало у промышленников поставлять 100 000 снарядов в день. С марта 1917 по март 1918 г. ежедневное производство снарядов достигало 261 200 штук во Франции, 229 000 в Англии и 42 000 в Италии. Все три страны производили ежедневно 10 000 ружей и 324 пулемета (3, с. 141). Эти впечатляющие результаты потребовали настоящей мобилизации общества в целом: женского и детского труда, увеличения рабочего дня, ночных смен. Необходимость снабжать в первую очередь армию привела к недостатку товаров широкого потребления, к очередям за продуктами, что вызывало протесты и возмущения. В России Февральская революция 1917 г. началась в Петрограде из-за перебоев с хлебом.

Великая война оказалась неслыханным испытанием для всего населения. Она убила 10 млн солдат в устрашающих условиях, погрузив многочисленные семьи в траур. Она причинила гражданским лицам беспрецедентные страдания и тем не менее длилась 52 месяца. Отсюда главный вопрос истории войны 1914–1918 гг.: как объяснить, что воюющие народы так долго терпели эту войну?

Апогей национального государства и сомнения в нем. Вопрос острый, он вынуждает пересмотреть общепринятые представления, не потому, что они неверны, а потому, что недостаточны. Современники, как и историки, подчеркивали национальное единодушие при вступлении в войну. Даже забастовки по обе стороны фронта на время прекратились. Патриотизм нации, подняв-

шейся против врага, не является достаточно удовлетворительным объяснением. Отчасти уместное для Германии, считавшей себя окруженной, и для Франции, земли которой были захвачены, оно не подходило для Великобритании, которая не находилась под непосредственной угрозой. Однако нигде поддержка войны не проявилась сильнее: вплоть до апреля 1916 г. британская армия состояла преимущественно из добровольцев. Более 2 млн, не будучи принуждаемы, шли под пули на равнины Фландрии или Пикардии. Австралия, дважды отказавшаяся от призыва, отправила 33 тыс. добровольцев для участия в битвах в 15 тыс. км и двух месяцах плавания от своих границ. Война 1914–1918 гг., во всей ее чудовищности и продолжительности, показывает, прежде всего, тотальную легитимность национального государства. В этом плане Первая мировая война завершает XIX век, отмеченный утверждением национальных государств.

По этой причине нелепо говорить о «европейской гражданской войне», считает французский историк. Понятие гражданской войны означает отрицание государств, поэтому война 1914–1918 гг. является по преимуществу войной национальных государств, тотально легитимных для своих граждан и тотально суверенных в защите их национальных интересов.

Война 1914 г. глубоко изменила мировой порядок. На первом, внешнем уровне она перетасовала карту Европы, создав новые государства: Польшу, Чехословакию, Югославию; она раскленила Османскую империю. Она породила СССР, который преобразил всю международную политику XX в. Центр экономической власти переместился из Лондона в Нью-Йорк, ставший кредитором всего мира: кризис 1929 г. это продемонстрировал.

Но на более глубоком уровне война поставила под вопрос абсолютный суверенитет государств. Государство частично связано с войной, поскольку оно – единственный судья, принимающий решения о национальном интересе и о средствах его соблюдения. Желание, чтобы война не повторилась, привело к необходимости ограничить этот суверенитет. Отсюда идея сообщества наций, межгосударственной инстанции для разрешения конфликтов. Автор отмечает ее успехи и неудачи, прежде всего то, что Вторая мировая война все же произошла. Она имела те же последствия, что и Первая, но на этот раз привела к возобновлению строительства международного порядка в лице ООН, однако с новой амбицией, порожденной ужасами геноцида. Отныне речь шла о том, чтобы ограничить суверенитет государств не только в их отноше-

ниях с другими государствами, но и в отношении собственных подданных (Всеобщая декларация прав человека 1948 г.). Создание объединенной Европы является реализацией на региональном уровне этого проекта умиротворения. На смену веку национальностей приходит век прав человека. Годовщина 1914 г. дает возможность еще раз поразмыслить над легитимностью государства и ее пределами, заключает автор, поскольку именно Великая война поставила под вопрос абсолютный суверенитет государств, ее породивших (3, с. 144).

* * *

Ж. Зиме в своей статье предлагает структурировать размышление о войне вокруг пяти больших тем: международная тема, где первое место принадлежит Франции; культурная тема, поскольку сегодня память о Великой войне стала памятью преимущественно культурного порядка; педагогическая тема, как проблема передачи этой памяти будущим поколениям; мемориальная тема, особо важная для французского общества, несущего в себе память 1914–1918 гг.; туристическая тема, важная для страны, куда хлынут миллионы посетителей для осмотра полей битвы и военных кладбищ. Что касается пространственно-временных рамок этого исключительного празднования, то Зиме предложил разделить его на три части: 2014 г. – начало, 2015–2017 гг. – децентрализованное развитие событий, 2018 г. – момент торжества.

«Франция имела печальную привилегию быть полем битвы мировой войны, – продолжает директор Миссии. – Это главная проблема для нашей страны, которая должна достойно принять представителей и туристов основных стран – участниц войны. В течение четырех лет Франция будет центром беспрецедентных мемориальных празднований, которые развернутся преимущественно на ее территории» (4, с. 11). Разумеется, не стоит недооценивать ни другие фронты войны – на Востоке, Балканах, в Альпах, на море, в Африке, – ни последствия войны для стран, не участвовавших в конфликте, тем более что историки подчеркивают чрезмерное внимание к Западному фронту. Франция намерена отмечать весь юбилейный период с 2014 до 2018 г. Инициативы исходят от большинства местных департаментов, которые уже создали организационные комитеты по отмечанию столетия начала Первой мировой войны.

Столетняя годовщина – событие международное, и автор останавливается на подготовке к нему в разных странах. Подготовка в Германии образно определяется в статье как пейзаж «на двух скоростях». Если на федеральном уровне власти не торопятся, то земли, более склонные к осознанию истории «долговременной протяженности» (*longue durée* по Броделю), вот уже два года как готовятся отмечать 2014 год. В процессе подготовки находятся не менее сотни культурных и научных проектов. Таким образом, впервые Великая война станет темой общественных дебатов в Германии, где ранее первенствовала Вторая мировая война. «Желая идти рука об руку с Германией в этом праздновании, Франция не должна ставить акцент на победе в войне 1918 г., но подчеркивать совместный опыт, экономический, социальный, промышленные и демографические последствия Великой войны. Чтобы достичь этого, не искажая истории, следует показывать, что сегодня уже нет ни победителя, ни побежденного в этой общей катастрофе» (4, с. 13). В целом, несмотря на имеющиеся различия в подходах, страны ЕС стремятся избежать раздражающего разделения на страны-победители (Франция, Великобритания) и страны, потерпевшие в Первой мировой войне поражение (Германия, Австрия, Венгрия).

Так, Австрия объективно заинтересована в том, чтобы как можно шире использовать в отмечании годовщины страны, входившие в состав Австро-Венгерской монархии, а также использовать юбилей для углубления евроинтеграционных процессов в Балканских странах. Поэтому австрийская сторона предлагает в конце июля 2014 г. в городе Сараево (Босния и Герцеговина) провести саммит стран Евросоюза. На этот период в боснийской столице планируется также грандиозный концерт Венской филармонии. О своих планах по освещению событий столетней давности уже объявил ведущий австрийский телеканал ORF. Планируется, что на его экраны выйдут художественные и документальные фильмы, концертные программы и дискуссии, посвященные юбилею.

Грандиозный культурный проект в июле 2014 г. под названием «Сараево – сердце Европы» предлагает Франция. Такая мера должна символизировать окончательное примирение народов стран ЕС. Так, в период между 21 и 28 июля 2014 г. в боснийской столице планируются многочисленные культурные действия и научные конференции. В программе проекта – кинофестиваль, джазовый фестиваль, арт- и музейные мероприятия, спортивные соревнования.

Великобритания, Бельгия и Россия придают особое значение годовщине. Британский премьер-министр Д. Кэмерон назвал празднование годовщины «событием историческим» для его страны. Он отметил, что кабинет министров стремится «развивать национальную память, достойную этого исторического столетнего юбилея».

В Бельгии ситуация сложнее в связи с федерализацией страны. Особенную активность проявляет ее автономная часть – Фландрия. Ее территория стала ареной трех крупных батальи в 1915 г. Здесь в ходе жестокой борьбы за г. Ипр впервые было применено химическое оружие: хлор в 1915 г. и горчичный газ, сегодня известный как иприт, в 1917 г. Как и Франция, Бельгия вписывает годовщину в международный контекст и готовится принять на своей земле в 2014–2018 гг. представителей многих стран – участниц войны.

Россия в праздновании годовщины ставит весьма ясную цель: вновь обрести 1914 год, освобожденный от давящего груза советской историографии. Для нее речь идет о подлинно ревизионистском проекте, который состоит в том, чтобы показать Россию в войне в новом свете. Этот проект не прост, поскольку Россия не располагает, помимо Калининграда, полями сражений, которые теперь все находятся за границей. Она будет стремиться показать свою верность франко-русскому союзу 1892 г. и почитать память своих бойцов в Шампани, где с 1916 г. воевал Экспедиционный корпус Российской императорской армии во Франции (4, с. 131).

Соединенным Штатам предстоит решить сложную задачу: как примирить их статус великой державы с тем фактом, что они вступили в войну лишь в 1917 г.? Если они намерены участвовать в отмечании начиная с 2014 г., то смогут опереться на память о своих гражданах, воевавших во Франции в эскадрилье «Лафайет». Они найдут также хороший прием в портах Атлантического фасада Франции.

Другая группа стран объединяет европейские нации, рожденные или созданные мирными договорами или статьями Вильсона и получившие доступ к национальному суверенитету после урегулирования конфликта. Отмечать годовщину готовятся чехи, словаки и сербы.

Далее автор останавливается на важном аспекте отмечания годовщины Великой войны. Она демонстрировала подъем национального патриотизма, в жертву которому принесены миллионы жизней, но который сегодня уже не вдохновляет граждан Евросоюза. «Оглядываясь на то время, отделенное от нас столетием, с

изумлением и ужасом, как на нечто немыслимое, мы видим в этом жестокий парадокс, до такой степени мы отдалены сегодня от такого отношения к нации. Трудно извлечь из этого какой-либо иной урок, кроме проявления уважения к павшим и поддержания некоего духа самообороны внутри французского общества. Тем не менее историческую преемственность трудно обосновать, так как сегодняшний гражданин больше не призывается защищать родину, которая к тому же не находится в опасности. Те, кто умирает за Францию в наши дни, – это профессионалы, воюющие далеко от наших границ» (4, с. 132–133).

В заключение директор Миссии высказывает убеждение, что траурные чувства, связанные с памятью о войне, не станут преобладающими. Это покажется «парадоксальным», замечает он, но им сопутствуют чувства «воодушевления и гордости». «Это было тяжкое испытание великого народа», «ностальгия по моменту национального единства» – не в этом ли сила и мощь 1914 года для коллективной памяти (4, с. 136)?

Т.М. Фадеева

Кларк К.
ЛУНАТИКИ: КАК ЕВРОПА ВСТУПАЛА
В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ
(Реферат)

Ref. ad op.: Clark Chr. Die Schlafwandler: Wie Europa in den Ersten Weltkrieg zog. – Bonn: Bpb, 2013. – 895 S.

Монография английского исследователя, австралийца по происхождению Кристофера Кларка, специалиста по истории Пруссии, профессора Колледжа св. Екатерины Кембриджского университета, едва появившись в Англии (2012), стала бестселлером в западной исторической литературе и выдержала много изданий в разных странах. Данный реферат выполнен по ее немецкому переводу.

Главный тезис Кларка состоит в том, что виноватыми в развязывании Первой мировой войны, по его мнению, были все «главные герои», от которых зависело, быть или не быть войне. К тому же в отличие от многих других он заостряет внимание на последних предвоенных годах и роли пылающего очага, в который в этот период превратились Балканы. Сербия для автора – «одно из темных пятен истории июльского кризиса» 1914 г. (с. 15).

Монография состоит из введения, 12 глав, сгруппированных в три части, заключения, списка источников и литературы, указателей.

О целях и задачах своего произведения сам автор во введении пишет так. В этой книге рассказывается, как в Европу пришла война. Повествование ведется в виде многослойного нарратива, охватывающего важнейшие центры принятия решений в Вене, Берлине, Санкт-Петербурге, Париже, Лондоне и Белграде, с краткими экскурсами в Рим, Константинополь и Софию.

Книга поделена на три части. Первая часть сконцентрирована на антагонистах – Сербии и Австро-Венгрии, из-за борьбы ко-

торых и был развязан мировой военный конфликт. В ней отображено взаимодействие двух стран в начале XX в. вплоть до убийства в Сараеве. Во второй части эта линия рассказа прерывается и ставятся четыре вопроса в четырех главах. Как, собственно, произошла поляризация Европы на два противостоящих блока? Какую внешнюю политику проводили правительства европейских стран? Как получилось, что Балканы – далекая от европейских центров власти и денег окраинная зона – стали главным местом происхождения событий? Как сложившееся в международной системе положение, когда, казалось, все вошло в фазу разрядки, привело ко всеобщей войне? Третья часть начинается с убийства в Сараеве, в ней отображены сам июльский кризис и его последствия. Для этого исследуются взаимоотношения ведущих центров принятия решений и освещаются расчеты, непонимание и принятые решения, которые приводили к переходу кризиса в следующие фазы (с. 18–19). В заключение автор предлагает читателям ряд собственных выводов и соображений.

Один из центральных тезисов книги, поддерживаемый Кларком, состоит в том, что кризис июля 1914 г. можно понять лишь тогда, когда выяснены пути, приводившие к главным решениям, воздействовавшим на развитие событий. Надо точно выяснить, почему именно так проявили себя те деятели, действия которых привели Европу к войне, и почему они именно так видели ситуацию. В одном из последних исследований об этой войне, пишет Кларк, звучит мысль, что вплоть до ее начала война представлялась «невероятной». Отсюда следует, что конфликт стал результатом не долгосрочного ухудшения отношений, а краткосрочного потрясения международной системы. Такое предположение вносит в развитие событий элемент случайности, и это, безусловно, соответствует тому, что некоторые события, которые исследуются в книге и которые показывают подоплеку кризиса июля 1914 г., могли помочь избежать войны.

Все это Кларк пытается показать в книге на заднем плане, «но так, чтобы было видно, как отдельные узлы пазла складывались в такие конфигурации, которые, доходя до места событий, делали возможным начало войны» (с. 19–20). При этом автор не стремится заранее предсказывать исход событий. «Я постарался, – пишет он, – постоянно держать в уме то, что представленные в этой книге люди, события и силы сами по себе содержали в зародыше те характерные особенности, которые, возможно, позволили бы избежать такого страшного будущего» (с. 20).

Монография базируется на широком круге источников из разных европейских стран, имевших прямое отношение к развязыванию войны в июле 1914 г. или к попыткам предотвратить ее. Кларк использует документы из архивов Парижа, Белграда, Москвы, Санкт-Петербурга, Лондона, Вены, Берлина, Штутгарта, Гааги, Гринвича (описание всех архивов помещено на с. 838–840).

Список литературы, использованной Кларком для исследования, весьма внушителен (с. 841–876). (Исследования российских авторов в этом списке представлены лишь трудами Б.В. Ананьича, В.И. Бовыкина, А.Л. Шемякина.) Обширна и используемая Кларком источниковая база, хотя автор порой не оставляет камня на камне от многочисленных официальных публикаций документов о предшествующем войне периоде и о времени самой войны, выходящих в главных странах-участницах: Германии, Франции, Австрии, Англии, России / СССР и др. Всем им, по его мнению, присущи тенденциозность, попытки обелить поведение и действия собственной страны и обвинить во всех смертных грехах своих противников в прошедшей войне. Столь же серьезной критике в монографии подвергаются и мемуары политических деятелей, причастных к разработке политического и дипломатического курса в своих странах: Р. Пуанкаре, С.Д. Сазонова и т.п.

В первой части книги, озаглавленной «Пути в Сараево», автор начинает повествование со зверских убийств 11 июня 1903 г. Александра – правителя Сербии из династии Обреновичей, его жены и адъютанта в их дворце и одновременно убийств в Белграде их родственников и сподвижников, совершенных заговорщиками, офицерами сербской армии. Этот путч стал началом нового этапа сербской истории, пишет Кларк. Спустя всего несколько часов после этих убийств заговорщики заявили о конце династии Обреновичей и о том, что трон займет Пётр, представитель династии Карагеоргиевичей, находившийся тогда в изгнании в Швейцарии. Кларк констатирует, что борьба этих двух родов во многом определяла историю Сербии в XIX–XX вв. (с. 25–44).

Во второй части книги «Разделенный континент» Кларк анализирует обстановку, сложившуюся в Европе в конце XIX – начале XX в. Главы названы: «Поляризация Европы, 1887–1907» (с. 169–227), «Многоголосие европейской внешней политики» (с. 228–317), «Последние шансы: разрядка и угроза, 1912–1914 гг.» (с. 319–407). В конце последней из этих глав автор обращает внимание на шаткость позиций французского президента Раймона Пуанкаре у себя на родине и его намерение взять на себя определение курса внеш-

ней политики Франции накануне войны (назначенный новым министром иностранных дел Рене Вивиани был хорошим депутатом, но совершенно неопытным новичком в международных делах). У французов, считает автор, несмотря на продемонстрированную Россией приверженность русско-французскому союзу, не было уверенности в том, что Россия их поддержит в случае войны (с. 406). «Пуанкаре, как и многие другие, принимавшие решения в ходе событий (июльского кризиса 1914 г. — *Реф.*), чувствовал, что время работает против него» (с. 407). Вместе с тем в ходе июльского кризиса многие политики, дипломаты и военные в европейских странах ставили вопрос ребром: «Теперь или никогда», — отмечает автор в одном из разделов главы «Последние шансы: разрядка и угроза, 1912–1914 гг.» (с. 423–434).

Новым в интерпретации Кларка является появление психологических моментов, на которые историки раньше мало обращали внимания. К ним автор прибегает в разделе, названном «Кризис мужественности?». Он показывает, что никто из действующих лиц июльского кризиса не хотел подвергнуться обвинению в недостатке мужественности. Следствием этого были, по его мнению, принимаемые ими решения, которые приводили к эскалации напряженности и в конечном итоге к началу войны в первые дни августа 1914 г. (с. 464–467).

Третий и последний раздел книги под названием «Кризис» (с. 475–718) посвящен собственно развитию июльского кризиса в Европе и сползанию континента, а потом и всего мира ко всеобщей войне двух противоборствующих группировок, о действиях которых идет речь в предыдущих двух разделах. Данный раздел состоит из глав «Убийство в Сараеве», «Кризис вовлекает в себя все большие силы», «Французы в Санкт-Петербурге», «Ультиматум», «Предупредительные выстрелы», «Последние дни». Описав в начале раздела подробности убийства Гаврилой Принципом эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги и дав в связи с этим характеристику причин противоборства австрийцев и сербов на Балканах, Кларк приходит к выводу, что у Австро-Венгрии были «отличные резоны отложить военную акцию против Сербии» (с. 518). Они заключались в том, что имелись такие препятствия, как неясность с временными планами мобилизации, отсутствие политического единства, успешное продвижение расследования преступления в Сараеве, неуверенность в гарантиях германской поддержки (с. 518). Далее автор прослеживает шаг за шагом ход

июльского кризиса, давая оценки действиям политиков и дипломатов противоборствующих сторон.

«Показать то, что кризис 1914 г. был чрезвычайно сложным явлением, составляло одно из главных намерений автора данного исследования», – констатирует Кларк (с. 709). Сравнивая то, что происходило тогда в Европе, с тем, что происходит в самые последние годы, когда он заканчивал эту книгу, он замечает вскользь, что в данном случае «акторы 1914 г.» могут считаться «нашими современниками» (там же).

Автор обращает внимание на то обстоятельство, что происходившее на Балканском полуострове неслучайно сыграло «центральную роль» в развязывании войны. Здесь важно, не упуская из виду «места убийства, которое вызвало тот кризис» (с. 713), непременно подчеркнуть следующие важные обстоятельства: 1) Балканские войны заставили «заново пересмотреть отношения между великими и малыми державами», и в глазах австрийского и российского руководства борьба за контроль над событиями на Балканах, особенно после кризиса зимы 1912–1913 гг., приобрела «новое и опасное измерение»; 2) последствием этого стала «балканизация франко-русского союза», а Франция и Россия создавали «геополитический бикфордов шнур вдоль австро-венгерской границы» (с. 713).

«Сценарий катализатора в виде Балкан не был политикой или планом заговора, которые вызревали со временем, не было никакого прямолинейного отношения между занятыми сторонами позициями в 1912–1913 гг. и позициями, связанными с началом войны год спустя. Нельзя сказать, что сценарий “катализатора Балкан” (точнее сказать, “катализатора Сербии”) вел Европу к войне, которая действительно разразилась в 1914 г., более того, этот сценарий создал после начала кризиса концептуальные рамки для ее интерпретации. Россия и Франция соединили в этом отношении в чрезвычайно асимметричном виде судьбы двух великих держав с неопределенными действиями одного беспокойного и склонного время от времени прибегать к насильственным методам государства» (с. 713–714).

Для Австро-Венгрии, региональные меры в обеспечении безопасности которой оказались сведены на нет балканскими войнами, убийство в Сараеве не было поводом для применения существовавшего к тому времени плана вторжения или начала войны. С точки зрения тех, кто живет в начале XXI в., легко было бы сказать, что Вена могла бы прояснить всплывшие в связи с убийством

вопросы путем спокойных двусторонних переговоров с Белградом, «но в кулисах 1914 г. это не стало бы заслуживающим доверия решением» (с. 714). Так же как и предложение британского министра иностранных дел Эдварда Грея о посредничестве между четырьмя великими державами.

«Речь не о том, что сербские власти не могли пресечь ирредентистскую деятельность, благодаря которой и было совершено данное убийство. Друзья Сербии не хотели, чтобы за Веной было признано право прибегнуть в своих требованиях к Белграду к средству, с помощью которого она могла бы контролировать ситуацию и осуществлять наблюдение в целях достижения послушания. Они отвергали подобные предложения, обосновывая их тем, что они окажутся несовместимыми с суверенитетом сербского государства» (с. 714). Это заставляет Кларка провести параллель с дискуссией в Совете Безопасности ООН в октябре 2011 г. по поводу предложения государств – членов НАТО ввести санкции против режима Б. Асада в Сирии. Он напоминает, что предложение было отклонено представителем России под тем предлогом, что эта идея означает якобы типичный для западных держав «конфронтационный подход», и представителем Китая, выдвинувшим аргумент, что санкции несоразмерны и что они нарушают сирийский суверенитет (с. 714–715).

Далее Кларк обращается к «вопросу вины», ставшему причиной нескончаемой полемики в историографии после того, как в ст. 231 Версальского договора было сказано о моральной ответственности Германии и ее партнеров. «Доказательства вины, звучащие с разных сторон, никогда не теряли своей привлекательной силы» (с. 715). Автор вновь обращается к не потерявшей, на его взгляд, «живучести» концепции Фрица Фишера, Имануэля Гайса и целой вереницы более молодых немецких историков, согласно которой «главную ответственность за войну несла Германия» (с. 715).

Согласно такому подходу, Германия не «соскользнула» к войне, а вполне сознательно ее планировала и заранее подготавливала в надежде вырваться из европейской изоляции и отважиться на знаменитый «Рывок к мировому господству» (название книги Ф. Фишера. – *Ред.*) (с. 715). В последнее время, констатирует автор, концепция Фишера во многих ее узловых пунктах подвергается острой критике. «Тем не менее смягченная версия тезисов Фишера еще и сегодня доминирует в исследованиях о пути Германии к войне» (с. 715).

Но является ли необходимым возлагать вину на единственное государство или выстраивать целый их ряд, помещая в нем государства согласно степени их вины за начало войны, задается вопросом автор. Ссылаясь на соображения историка Пола Кеннеди, писавшего о «слабости» подобной постановки вопроса, автор считает, что ориентированная на поиск виновника модель исследования не проясняет многих проблем. «Было ли для Сербии неверным стремиться к объединению сербов? Была ли несправедливой Австро-Венгрия, когда настаивала на независимости Албании? Было ли здесь одно из требований более несправедливым, чем другое? На самом деле этот вопрос не имеет никакого значения», — пишет автор (с. 716).

Начало войны 1914 г. — это не триллер Агаты Кристи, «в данной истории нет разыскиваемого орудия преступления как неоспоримого доказательства, или, точнее, оно присутствует в руках каждого отдельного важного актора» (с. 716). «Если смотреть с такого ракурса, то начало войны является трагедией, а не преступлением» (с. 716). «Если мы это признаем, то это вовсе не означает, что мы принизим воинствующую и империалистическую паранойю австрийских и немецких политиков, к которой справедливо привлёк внимание Фишер и его историческая школа. Но немцы не были единственными империалистами, и не они одни оказались подвержены подобной паранойе. Кризис, который в 1914 г. привел к войне, был плодом общей политической культуры. Она была вместе с тем многополярной и на деле интерактивной, и именно это делает ее сверхсложным явлением эпохи Модерна, и именно поэтому дискуссия о причинах Первой мировой войны развивается дальше спустя сто лет после смертельных выстрелов Гаврило Принципа на улице Франца Иосифа» (с. 717).

«Единственное, что несомненно, — ни одно из дел, о которых спорили политики в 1914 г., не стоило того, чтобы пришла последующая катастрофа. Осознавали ли протагонисты вообще, о чем на самом деле шла речь?» (с. 717). Высказав далее свое неодобрительное мнение об их политике, Кларк заключает: «Если исходить из этого, то протагонисты 1914 г. — это лунатики, бодрствующие, но слепые существа, мучимые кошмарами, неспособные предвидеть реальность ужасов, которые скоро охватят мир» (с. 718).

В.П. Любин

Джонс Х.

**К СТОЛЕТИЮ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: НОВЫЕ
ПОДХОДЫ В ИСТОРИОГРАФИИ
(Реферат)**

Ref. ad op.: Jones H. As the centenary approaches: The regeneration of First World War historiography // The historical journal. – Cambridge, 2013. – Vol. 56. – P. 857–878. [Электронный ресурс]. – Mode of access: http://journals.cambridge.org/abstract_S0018246X13000216. DOI:10.1017/S0018246X13000216

В статье Х. Джонс (Лондонская школа экономических и политических исследований, Великобритания) рассматриваются новые интерпретации основных тем и новые подходы к изучению Первой мировой войны.

В современной историографии этого конфликта, подчеркивает автор, можно выделить две тенденции.

1. Изменение акцентов в изучении июльского кризиса. В настоящее время основное внимание уделяется краткосрочным решениям, принятым незадолго до июля 1914 г., тогда как в предшествующей историографии традиционно изучались долгосрочные причины.

2. Пересмотр старых аргументов о неизбежности мировой войны.

Оба эти направления, продолжает Джонс, показывают, в какой степени традиционные историографические подходы с преобладанием политической истории до сих пор продолжают доминировать в дискуссиях о происхождении войны, хотя в последнее время активно исследуются также история международных отношений, культурная история общественного мнения, история ментальности.

Историки иначе оценивают роль и степень ответственности разных стран в июльском кризисе. В работах некоторых авторов (С. Вильямсон-мл., Э. Мэй) утверждается, что Австро-Венгрия решила начать войну с Сербией после сараевского убийства, а давление со стороны Берлина не играло решающей роли, как считалось раньше. Таким образом, оспорен тезис, высказанный немецким историком Ф. Фишером в начале 1960-х годов, о том, что «Берлин подталкивал Вену к войне» (с. 858), и развернута дискуссия о роли Германии в развязывании войны. Историки обсуждают, была ли сознательная поддержка Германией Австро-Венгрии тем импульсом, который сыграл решающую роль в обострении ситуации на Балканах и в Европе. Могла ли Германия ограничить воинственные настроения Австро-Венгрии? Известно, что Берлин был прекрасно осведомлен об опасности эскалации конфликта в Европе, но идут споры о том, действительно ли немцы хотели обострить ситуацию, или это была дипломатическая игра. Быть может, они надеялись, что война будет локализована на Балканах?

В работе историка Дж. Рёля подчеркивается, что Германия сознательно планировала начало войны. Другой исследователь, М. Хьюитсон, считает, что немецкие лидеры хотели развязать войну, потому что надеялись быстро победить. В обстоятельной работе К. Кларка, вышедшей в 2012 г., утверждается, что невозможно определить степень вины каких-то определенных стран в развязывании военных действий. Поэтому К. Кларк рассматривает «серию взаимосвязанных событий, которые подтолкнули европейскую дипломатию к совокупности определенных решений до и во время июльского кризиса 1914 г.» (с. 860). Следуя новейшим тенденциям историографии, автор особое внимание уделяет балканским источникам войны (Сербскому кризису и Балканским войнам). Он подробно описывает, как убийство эрцгерцога в Сараеве встряхнуло международную политическую систему и изменило политической ландшафт.

Среди работ по военной истории Х. Джонс выделяет исследования, посвященные причинам и источникам побед стран Антанты. В книге У. Филпота битва на Сомме рассматривается как переломный момент войны, обеспечивший победу союзников. Автор особо выделяет вклад британской армии, которая, несмотря на первые поражения, смогла быстро собраться с силами и перестроить свою стратегию и тактику. Если причиной неудач первого этапа битвы на Сомме (июль-август 1916 г.) во многом был устаревший стиль ведения войны, то в успешном наступлении союзных армий в сентяб-

ре проявилось уже современное на тот момент искусство боя. В исследовании Э. Гринхэл, основанном на материалах английских и французских архивов, проводится мысль, что именно скоординированные действия британской и французской армий в 1917–1918 гг. стали залогом победы. Очевидно, замечает Х. Джонс, что ученые пока не пришли к единому мнению по этому вопросу.

Военные историки представляют новый взгляд на формирование образа военачальника в средствах массовой информации, общественном мнении и в армейской среде. Книга Анны фон дер Гольц о П. фон Гинденбурге, пишет Х. Джонс, не просто биография, а исследование того, как он приобрел, укрепил и развил свой мифологический статус в Германии во время и после войны. П. фон Гинденбург стал национальным героем после Восточно-Прусской операции. Миф о нем пережил войну и развивался с течением времени. Это было сложное взаимодействие между фельдмаршалом и немецким народом, пишет А. фон дер Гольц. Различные политические группы от социал-демократов до нацистов, каждая в своих целях, содействовали мифотворчеству. «Это исследование показывает Гинденбурга как активно действующего политического манипулятора, создающего и укрепляющего свой культовый статус; таким образом оспаривается распространенное мнение о фельдмаршале как о безвольном и аполитичном деятеле» (с. 865).

Одна из болезненных тем военной истории – степень ответственности командиров за масштабы человеческих потерь. Довольно распространено мнение о военачальниках как о «безжалостных расточителях человеческих ресурсов»; по словам автора, это особенно свойственно британской историографии (с. 863). В последние годы вышло несколько работ, показывающих иную картину. Например, Г. Шеффилд оспаривает традиционную точку зрения на английского командующего Дугласа Хейга. По мнению автора, историки неправильно трактовали его действия. Битвы на изнурение противника были для него единственной возможностью в условиях оборонительной войны. Г. Шеффилд подчеркивает, что Д. Хейг был вынужден действовать в тех условиях, которые были навязаны противником, и показывает его готовность осваивать и использовать последние достижения военной техники, например танки.

К сожалению, отмечает Х. Джонс, европейские историки мало внимания уделяют военачальникам стран Антанты. Французские генералы, за исключением Ф. Фоша, уже давно не являются

объектами исследований. Вероятно, это симптом того, что французская военная история с 1960-х годов переживает спад. Австралийцы и англичане гораздо больше занимаются военно-биографическими исследованиями, чем их коллеги на континенте.

Новые сведения и интересные факты приводятся в работах историков, изучающих, как переносили невзгоды военных лет воины и гражданское население. А. Ватсон исследует, как поддерживались моральный дух и боеспособность в армиях противников – британской и немецкой. Он пишет, что выносливость была нормой военной жизни, большинство мужчин были хорошо приспособлены к войне, нервные срывы были редкостью. А. Ватсон выделяет несколько факторов, поддерживающих мужество и выносливость: страх перед врагом, культурные факторы, способствующие военной дисциплине и духу товарищества, чрезмерный оптимизм среди солдат, который иногда мешал им трезво оценить вероятность смерти или ранения, религиозная вера, чувство патриотизма. Особое внимание автор уделяет роли младших офицеров по поддержанию боевого духа солдат в той и другой армиях. Важную роль играли материальные факторы, обеспечение условий жизни, поставки боеприпасов, снаряжения, продуктов питания. Это сравнительное исследование, пишет Х. Джонс, показывает, что стратегии мотивации и выносливости военнослужащих были похожими в германских и британских войсках.

В работах французских и немецких историков в последние годы большое внимание уделяется изучению военной дисциплины как основного фактора, который заставлял людей сражаться, замечает Х. Джонс. Вероятно, предполагает она, это связано с тем, что во французских и немецких войсках гораздо чаще были случаи массовых мятежей и капитуляций, чем в британской армии. Например, французский историк Э. Сент-Фюссьен отмечает, что дисциплина французской армии в 1914 г. была крайне строгой, но при ее нарушениях тяготы окопной жизни часто учитывали как смягчающее обстоятельство. Некоторые командиры считали, что ослабление дисциплины стало одной из причин мятежа в 1917 г. – уменьшился страх наказания.

Историки пересматривают отношение гражданского населения к войне. Дж. Верхей, тщательно изучив данные общественного мнения в Германии накануне войны, показал, что энтузиазм по поводу войны не был всеобщим. Войну приветствовали студенты и часть молодых мужчин, преимущественно жители городов, представители среднего класса; рабочие и крестьяне в большинст-

ве своем не поддерживали военных настроений. Новые работы британских ученых также пошатнули миф о всеобщем энтузиазме, представители тред-юнионов и религиозных организаций выступали против войны.

Культурные, сравнительные и междисциплинарные исследования последних лет помогли найти новые ответы на ключевые проблемы историографии Первой мировой войны. Но, считает Х. Джонс, можно обозначить еще несколько направлений исследований. Тема союзнической и немецкой оккупации активно разрабатывается во французской и бельгийской историографии; есть интересные исследования, освещающие новые факты и подробности австро-венгерской оккупации Сербии.

С темой оккупации неразрывно связано насилие в разных его проявлениях: насилие в отношении гражданских лиц в военное время; влияние войны на рост насилия; культурные аспекты насилия. Х. Джонс полагает, что необходимо также исследовать насилие в период Балканских войн, геноцид армян в Османской империи, насилие против военнопленных.

Еще одна относительно новая и интересная тема – межэтнические отношения. Современные историки стали изучать участие в войне африканских и сенегальских войск; сравнивать отношение к военнопленным разных наций; задумались о расовых проблемах в среде военнослужащих колониальных войск.

Перспективным автор считает изучение таких тем, как сравнительное изучение организации военно-медицинской службы в армиях разных стран; отношение к инвалидам; способы лечения и реабилитации раненых и контуженных.

Ю.В. Дунаева

М. Плувиано
СОВРЕМЕННАЯ ИТАЛЬЯНСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
И ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА¹
(Аналитический обзор)

Тема Великой войны десятилетиями пользовалась большим вниманием в Италии. В период фашизма режим поставил историю на службу своим политическим целям. Именно в разработке тематики Первой мировой войны политические цели находят свое максимальное воплощение, однако результаты исследований с научной точки зрения оставляли желать лучшего. Конец режима Муссолини не означал прекращения исследований, но интерпретации Великой войны не претерпели существенного обновления в силу того, что существовал большой разброс в дефиниции военного конфликта Первой мировой как определенного завершающего этапа Рисорджименто.

Нужно было дождаться появления нового поколения ученых, заявивших о себе в конце 1960-х годов, чтобы появились первые «прочтения Первой мировой», свободные от ура-патриотических и националистических наслоений. Однако эти ученые на протяжении многих лет подвергались остракизму со стороны политических и военных кругов. Например, первое всестороннее исследование Энцо Форчелла и Альберто Монтиконе (5), посвященное военным судам, вызвало значительную полемику. Историки-новаторы, которые запустили процесс преодоления интерпретаций военной и политической истории, в основе которых лежали патриотические и националистические идеи, испытали в полной мере враждебность со стороны традиционалистских кругов. Не-

¹ Обзор подготовлен специально для данного сборника на итальянском языке. – *Прим. ред.*

смотря на данные обстоятельства, а возможно, и вопреки существованию полярных точек зрения, изучение Великой войны в Италии в последней четверти XX в. переживает настоящий взлет. Итальянская историография шла в авангарде исследований Первой мировой войны во многих областях и во многом опередила наиболее известные европейские школы.

Итальянские историки были одними из первых, кто обратился к теме поведения интеллигенции во «взрывоопасный» период нейтралитета и во время самого военного конфликта, кто всесторонне проанализировал поворот интеллектуальных кругов к милитаристским и националистическим идеалам. Больших успехов в этой области достигли марксистская и либеральная школы итальянской историографии. Особо следует отметить новаторские работы Марио Исненги, появившиеся в начале 1970-х годов. Бесспорно, новое слово сказали историки, последователи Джорджо Роша и Лючио Чевы, в вопросах эволюции военных моделей, политики в области вооружений, формирования элит в итальянской армии.

Большое поле исследований открылось для изучения поведения низших слоев итальянского общества, рабочих и крестьян. Здесь следует особо отметить работы Джованни Прокаччи, Лучио Фаби, Густаво Корни, Луиджи Томмазини, Эмилио Францина.

Не следует забывать о том, что итальянская историография была в числе первых, обратившихся к исследованию поведения австрийских подданных, как тех, кто потом оказался в составе Итальянского королевства, так и тех, кто до конца остался верен Австро-Венгерской монархии, а также и тех, кто принял участие в войне против собственного правительства. Бесспорно, интересными являются исследования историков из области Трентино, объединенных вокруг журнала «Материали ди лаворо». К ним относятся такие историки, как Квинто Антонелли, Диего Леони, Фабрицио Разера, Джанлуиджи Файт, Камилло Дзадра.

Историк Марина Росси посвятила свои работы такому важному явлению, как поведение солдат австрийской армии, говоривших на итальянском языке и взятых в плен русскими войсками (20). Бруна Бьянки анализирует тему военного невроза у бойцов и отношения к этому заболеванию со стороны гражданских и военных санитарных служб. Не следует забывать и о работах, проведенных Антонио Джибелли и группой историков из Национального архива частной переписки по исследованию корреспонденции и дневников простых людей, свидетелей и участников Первой мировой. На основе данных материалов авторам удалось раскрыть ме-

ханизм передачи и получения пропагандистских обращений и механизм защиты от их воздействия, выработанный низшими общественными слоями. На основе указанных источников Джигелли представил на суд читателя теорию о дегуманизации, которую принесла с собой война, и о «солдатах, ставших чужаками», которую автор подробно изложил в книге «Мастерская войны» (9).

Если подытожить достижения итальянской историографии в предшествующие десятилетия по тематике Первой мировой войны, то речь идет прежде всего о разнообразии тем и широте исследований.

В последнее десятилетие, однако, наметился некоторый спад в области исследований по темам Первой мировой. С одной стороны, крупные исследователи-историки, которые шли в авангарде и вели за собой целые направления, достигли пенсионного возраста и объективно снизили потенциал исследований. С другой стороны, финансовые трудности, связанные с распределением бюджетных средств, нанесли серьезный удар по культурным учреждениям и академическим институтам Италии, что затруднило обеспечение роста нового поколения историков. Кроме того, предшествующее развитие фундаментальных исторических исследований обусловило то обстоятельство, что многие молодые историки обратили свое внимание на, если так можно выразиться, «менее заэксплуатированные» области исследований. Наконец, итальянский политический класс систематически препятствовал любой инициативе исторического исследования вследствие укоренившегося неверия в возможность возвращения гражданам «исторической памяти» в какой бы то ни было форме. В этом сходились многие представители итальянских правых и левого центра.

В силу указанных обстоятельств в последние годы были переизданы многие вышедшие ранее труды по истории Первой мировой войны. Однако появилось гораздо меньше новых работ столь же высокого новаторского уровня, каким были отмечены исследования историков предшествующего поколения. Можно констатировать появление большого числа трудов «локального характера», главным образом это северо-запад: Венето, Трентино – Южный Тироль, Фриули. Отсутствует поддержка со стороны правительства в продвижении исследований по проблемам Первой мировой: она не поступает ни непосредственно, ни опосредованно через неправительственные институты.

Юбилей столетия Великой войны, организованный Национальным комитетом, проходит «абсолютно неактивно», что свиде-

тельствует о незаинтересованности центральной власти. В 2011 г., когда праздновалось 150-летие объединения Италии, центральная власть показала, что она умеет координировать и продвигать инициативы и исследования как в количественном, так и в качественном отношении.

Указанные обстоятельства провоцируют опасный феномен с точки зрения как общекультурной, так и продвижения вперед исторических исследований – это «регионализация» работ о Первой мировой войне. В итоге Первую мировую изучают там, где люди еще слышат ее отдаленные отзвуки. Сложившаяся ситуация может привести к тому, что может возобладать риторический, «нацеленный на празднование» подход к исследованию, на первый план могут выйти лишь те аспекты исследования, которые непосредственно связаны с феноменом войны, в их тени останутся такие темы, как жизнь в тылу, на внутреннем фронте, условия на производстве и т.д.

Однако даже в этих областях нет недостатка в общественных институтах, историках-исследователях, издателях, которые последовательно, серьезно, комплексно анализируют события и приходят к заключениям, имеющим общий ценностный ориентир.

Хотя и с некоторыми оговорками, можно в принципе согласиться с тем, что ранее заметили возможно наиболее значимые итальянские исследователи Великой войны за последние 40 лет – Марио Исненги и Джорджо Роша. Они уже в 2000 г. обнаружили «признаки глубокого безразличия к событиям Первой мировой войны как определенной главы в истории Италии, вместо того чтобы тему Первой мировой превратить в своего рода методологический “тренажерный зал”, в лабораторию для исследования социальной истории и истории женщин в Великой войне, теории модернизма, механизмов идентичности, психологии масс, народной эпистографии и многого другого» (11, с. 505).

Конечно, невозможно проанализировать все вышедшие за последнее десятилетие публикации, посвященные Первой мировой войне. Остановимся на работах, которые, с нашей точки зрения, являются наиболее показательными для понимания основных направлений исследований.

Начать обзор исторической продукции последнего десятилетия необходимо с двух работ энциклопедического характера. Первая – двухтомное французское издание «Энциклопедия Великой войны 1914–1918» (4) под редакцией Антонио Джибелли. Она вышла в Италии под названием «Первая мировая война» (14). Речь

идет не о простом переводе французского текста, плода исследования ученых из различных европейских стран, разделяющих взгляды школы историков, группирующихся вокруг «*Memorial de la Grande Guerre*» Перона. Действительно, значительное число статей, опубликованных во французском издании, были «отобраны и представлены редакцией для того, чтобы лучше ответить на запросы итальянского читателя» (14, с. XXIII). Данная практика, хотя она и была согласована с кураторами французского издания и с авторами отдельных статей, на наш взгляд, имеет определенные издержки. Изменения по сравнению с французским изданием касаются, прежде всего, расхожей точки зрения, которая присутствует в «Энциклопедии»: недооценки военного участия Италии. В данной ситуации редактор итальянского издания нашел подходящее «лекарство», внося в некоторые статьи параграфы, специально посвященные участию Италии в Первой мировой войне.

Европейская историография в целом и французская в частности не являются в этом случае исключением, они всегда рассматривали итало-австрийский фронт как второстепенный, преуменьшая участие Италии в войне. Данная позиция – серьезная ошибка, поскольку с военной точки зрения итальянцы оттянули на себя значительную часть сил австро-венгерской армии. Помимо всего прочего, нельзя сбрасывать со счетов ни важного факта взаимодействия итальянской интеллигенции с массовой мобилизацией под лозунгами национализма, ни той роли, которую сыграл интервенцизм, а потом и военный опыт в развитии в Италии таких явлений, как национализм, реваншизм и, наконец, фашизм. Не следует недооценивать, как это часто встречается в западноевропейской историографии, в частности французской, политическую ситуацию в целом (то обстоятельство, что Итальянская социалистическая партия, например, была единственной среди партий Социалистического интернационала, которая не голосовала за военные кредиты).

Другое издание энциклопедического типа, на котором мы остановимся, – это «Великая война: От вступления в войну до “искалеченной победы”» (9) под редакцией Марио Исненги и Даниэле Ческина. (Речь идет о третьей части цикла из пяти книг, задуманного Марио Исненги под общим заглавием «Итальянцы в войне» и посвященного участию Италии в войнах в XIX и XX вв.) В отличие от вышеупомянутой работы, этот труд, хотя в его начале и помещены четыре статьи, написанные в русле европейского контекста, существенным образом ограничен итальянской реаль-

ностью. Статьи сборника в большинстве — это часть проекта исследований эволюции итальянской действительности за последние два века. Авторы сборника тоже почти исключительно итальянские историки, и среди имен, наиболее значимых для национальной историографии, мы видим большое число молодых исследователей и независимых исследователей. Данный сборник хорошо отражает уровень исторического знания в Италии.

Сборник включает 95 статей и более 180 словарных статей. Речь идет в целом об издании, которое рисует широкую панораму военного опыта итальянцев на фронте, в тылу и в стране. Это всеобъемлющий труд, в котором рассмотрены все пять лет войны, начиная с периода нейтралитета Италии до мирной конференции. В нем уделено внимание и тем, кто был на стороне военного конфликта, и их противникам, что позволяет глубоко раскрыть итальянскую действительность. Большое внимание уделено изменениям социальной ткани итальянского общества и социальным отношениям, позиции интеллигенции как в период нейтралитета, так и в период военного конфликта. Все эти проблемы оказались в поле зрения историков. Во втором томе рассмотрены непосредственно военные события, «место войны». И речь идет не только о тех районах, где шли военные действия (Капоретто, Гориция, Витторио Венето), эти названия раскрывают военный опыт итальянской армии. «Место войны» означает также и жизнь армии во время войны: в траншеях, в тылу, в местах проведения свободного времени (солдатские дома, увольнения, театр для бойцов).

На наш взгляд, в работе в целом недостаточное внимание уделяется проблемам эволюции экономики и производства в Италии. В разделе «Персонажи и символы» следовало бы поместить ряд статей о ведущих итальянских промышленниках, таких как Перонне, Капрони, Аньелли, которые внесли свой вклад в развитие итальянской армии, образовав группу власти и промышленно-финансового давления. Данная группа на протяжении десятилетий оказывала и продолжает оказывать влияние на политическую и экономическую жизнь Италии.

В целом, однако, рассмотренный нами труд бесспорно необходим для понимания эволюции итальянского общества, его культуры, вооруженных сил, политики в период военного конфликта и за годы, последовавшие за окончанием Великой войны. Более того, тот факт, что данный труд является составной частью большого проекта, который касается современной эпохи в целом, обуслов-

ливаает то обстоятельство, что эта работа по своей проблематике выходит за временные границы Первой мировой войны.

Обратим далее внимание на три работы, которые привлекли внимание к проблемам военного конфликта, как на европейском, так и на национальном уровнях. Прежде всего речь пойдет о книге Лючиано Канфоры «1914» (2), рассчитанной на массового читателя. В ней всего лишь 80 страниц. Книга представляет собой переложение радиопрограммы, написана доступно, простым языком, однако она интересна и ученому, и просто любителю истории. Несмотря на краткость изложения, книга рисует широкую панораму политической и военной напряженности, которая сопровождала различные кризисные ситуации на дипломатическом уровне в годы, предшествующие мировому конфликту. Далее автор повествует о событиях июля-августа 1914 г., которые ускорили развязывание Первой мировой войны и сопровождали ее первые месяцы. Автор полагает, что война не была неизбежной и что международный кризис, возникший в результате убийства наследника габсбургского престола, мог бы быть сглажен, как и прочие предыдущие кризисы. Поэтому автор сосредоточивает все внимание на перипетиях развязывания европейского конфликта и не рассматривает ситуацию в Италии в течение десяти месяцев нейтралитета. Однако в книге приведено достаточно материала, дающего возможность перейти к фигуре Бенито Муссолини, к эпохе, когда тот был директором социалистического издания «Аванти!», раскрыть его переход от антимилитаризма и непримиримого пацифизма к оголтелому интервенционизму. Той же теме посвящена работа Пола О'Брайена, ирландского историка, живущего в Италии, – «Муссолини в Первой мировой войне. Журналист, солдат, фашист» (12).

Главный тезис Канфоры: среди причин, которые подтолкнули правительственные и военные круги Европы, особенно империй Центральной Европы и царской России в июле 1914 г. (Италии – несколько позднее) сделать выбор в пользу войны, а не дипломатической оптации, главными являются внутривластные причины. В самом деле, рост социалистических и синдикалистских движений, возникновение в религиозных кругах «эмансипированных сил», а также националистических сил, – все эти факторы поставили под удар само существование традиционных властных структур, подтолкнули их к выбору в пользу войны. Властные структуры питали надежду на то, что силы, которые могли бы нарушить традиционный порядок, можно будет через военный конфликт привести в отлаженное состояние.

Периоду 1914 г. посвящены две книги Джан Энрико Рускони. В первой из них, вышедшей в 2005 г., «1914: Атака на Запад» (22) анализируется история месяцев, прошедших с момента убийства Франца Фердинанда до битвы на Марне. В заключительной главе проводится сравнение военных планов Германской империи и планов, которые были реализованы четверть века спустя гитлеровским Рейхом.

В отличие от глобальных планов, которые были разработаны в Берлине, планы Австро-Венгрии были спроецированы на Балканы. Отсюда вытекала необходимость ограничить влияние Сербии, свести ее власть до уровня региона и снизить (а по возможности и свести на нет) влияние России в этом регионе. Рускони раскрывает головокружительные проекты, которые разрабатывались один за другим в Вене и Берлине, как, например, быстрая карательная экспедиция против Сербии, быстрая, однако не разрушительная война за Белград. Был сформулирован даже план ограниченного столкновения на восточноевропейском фронте без вовлечения сил всех стран Антанты, чтобы в дальнейшем, с завершением военного конфликта, вне которого осталась бы только Британская империя, по возможности закончить военное противостояние.

Дж.Э. Рускони использует – как и в своих предыдущих работах – понятие «немецкая опасность», когда утверждает, что в Берлине некоторые политические и военные круги не хотели действительно разжигать мировой пожар и блефовали, чтобы убедить Антанту не прибегать к военному вмешательству. Это могло бы позволить Германии, а также ее союзнице Австро-Венгрии получить большую власть на европейском континенте и, что важно, избежать риска попасть в окружение со стороны России и Франции.

Автор подчеркивает, что даже Берлин предполагал избежать столкновения со своими противниками на континенте, не вступать в войну на два фронта. Берлин хотел любой ценой избежать вмешательства в конфликт Британии, что неизбежно привело бы к тяжелейшим последствиям в германских колониях, а также на маршрутах снабжения метрополии как продовольствием, так и промышленными товарами.

Дж.Э. Рускони также задается вопросом, кто ответствен за развязывание военного конфликта. Он возлагает ответственность на Германию и в достаточно значительной степени – на Австро-Венгрию и Россию. В данном контексте он утверждает, что в этих странах существовала «крайняя непрозрачность» в отношениях между политическими и военными кругами. Политические круги

были не в состоянии осуществлять подлинный контроль над военными кругами и выбрать верный политический курс, поэтому военные круги могли развивать свои собственные планы без согласования с правительствами. Политики Италии и Франции, в свою очередь, не всегда предоставляли военным полную информацию о контактах и соглашениях, оставляя военных «за занавесом» решения вопросов международного уровня.

Проанализировав динамику развития военного конфликта, Рускони сосредоточил далее внимание на развитии германского наступления на Францию, главным образом на реализации так называемого «плана Шлиффена»: атака с флангов на северо-запад Франции через Бельгию с целью уничтожить лучшие французские соединения и нанести удар в направлении Парижа. Автор разделяет точку зрения многих других историков о том, что провал наступления в августе-сентябре 1914 г. был обусловлен как потерями в рядах германской армии, которые она понесла уже во время предательского захвата Бельгии, так и по причине материально-технических трудностей, возникших в связи с большой протяженностью линии подвоза снабжения. Оба эти момента, особенно первый, не были приняты во внимание Шлиффеном, поэтому Г.И. фон Мольтке-мл. должен был дать свой оригинальный вариант плана уже в ходе проведения военных операций. Гибкость, проявленная как при планировании, так и при проведении военных действий, была бесспорно важной компонентой, но она также свидетельствовала и о слабости первоначального проекта.

Заключительный тезис Рускони подчеркивает тот факт, что Германия вступила в войну, когда ее политическое руководство отчасти этому сопротивлялось. Военные круги Германии убедили политиков, что война будет непродолжительной, не более года. Выбор Германии состоял в том, чтобы использовать упорство Австрии в желании наказать Сербию с целью изменить самым решительным образом политическое равновесие на континенте. Надеясь на успех «блефа», Германия была готова вести войну на два фронта. В этом контексте выбор был сделан в пользу быстрого и мощного удара на Западном фронте, чтобы разбить Францию, а потом направить главные силы против России.

В другой своей работе «Рисковое предприятие 1915 года. Как Италия решила вести свою войну» (21) Рускони следует концепции, что в Италии существовало много нерешенных проблем, которые обуславливали ее политическую жизнь и продолжали определять ее и далее, на протяжении следующих десятилетий.

К ним автор относит: неопределенность в идентификации основных геополитических национальных интересов; неудовлетворенность заключенными союзами и последующие попытки разорвать эти союзы; необходимость в политико-институциональных усилиях сверху, чтобы сгладить внутренние противоречия; сомнения относительно собственных ресурсов и уровня готовности к войне. Определенные круги широкой общественности и правящих классов Италии предлагали решить эти проблемы силовым путем, «пойдя на риск». Случай представился именно в 1915 г. Рускони показывает, что этот волонтаристский порыв особенно отчетливо проявился именно в интервентистской риторике и пропаганде. Концепция авантюры не отменяла собой того факта, что руководящие политические и военные круги имели достаточно конкретные расчеты распространить итальянское влияние на все Средиземноморье, Балканы и зону Адриатики.

С формальной точки зрения Италия выбрала нейтралитет, потому что Тройственный союз являлся оборонительным пактом, тогда как война, которую развязала Австро-Венгрия против Сербии, представляла собой наступательный шаг, по поводу которого с Римом не были проведены консультации. В действительности Италия, хотя в предвоенные годы поддерживала союзнические отношения с Германией и Австрией, одновременно развивала дружеские отношения с Францией, Россией и, прежде всего, с Великобританией.

Автор говорит об ответственности венских руководящих кругов, которые отказались от каких бы то ни было уступок итальянским требованиям и проявляли враждебное отношение к Риму. Подобное поведение Австро-Венгрии повлияло на то, что Италия все более отдалялась от Тройственного союза, в общественных кругах Италии, даже открыто не разделяющих интервентистские настроения, росли чувства враждебности по отношению к Центральным державам. Автор обращает внимание на различные подходы к военному конфликту, которые разделяли итальянские либеральные политические круги. Сторонники Джолитти – приверженцы нейтралитета – склонялись к переговорам, интервентисты – сторонники вступления в войну – выступали под лозунгом героических традиций Рисорджименто. В этих двух позициях автор видит отражение двух различных концепций роли Италии в новом порядке, устанавливающимся между европейскими державами.

Автор рассматривает основную тему 1915 г. – предполагаемое «предательство» Италии. Подобная точка зрения до сих пор

бытует в немецкоязычных странах. Рускони оспаривает данный тезис, утверждая, что о поведении Италии можно было бы говорить как о достойном критики и оппортунистском, но оно полностью встраивалось в русло дипломатии того времени и норм международного права. Здесь речь шла не о «вероломстве», а о логике применения силы, в противном случае, именно из-за недостатка ресурсов и представившегося удобного случая, на который страна сделала ставку, вступление Италии в войну выглядело действительно как «рисковое предприятие».

В монографии Паоло Гаспари «Ложь о Капоретто. Конец памяти, терзаемой адскими муками» (6) воссоздана история крупнейшей военной операции, которую провели Центральные державы в октябре-ноябре 1917 г., отбросив итальянскую армию более чем на 100 км от линии обороны. Это событие вплоть до наших дней представлялось как сражение, в котором итальянская армия потерпела поражение, почти не оказывая сопротивления, обнаружив тем самым глубокий военный и организационный кризис. Автор, используя методы исследования военной истории, попытался скорректировать эту концепцию. Он полагал, что хотя итальянцам не удалось сдержать австро-германский прорыв и даже задержать наступление, они заставили атакующих заплатить высокую цену, нанеся им тяжелые потери в людях и технике. Когда враг вышел на берег реки Пьяве, где итальянское Верховное главнокомандование организовало тыловую линию обороны, он уже был измотан и подвергся серьезным испытаниям.

П. Гаспари среди прочего напоминает, что знаменитое заявление верховного главнокомандующего Луиджи Кадорны от 28 октября 1917 г., в котором тот возлагал ответственность за провал на соединения 2-й армии, не оказавшие должного сопротивления, было подхвачено именно военным и политическим истеблишментом. В последующие десятилетия с этим заявлением согласились и различные представители военных и политических кругов, руководствуясь разными политическими причинами, оно нашло понимание и за рубежом. С определенными оговорками, полагает автор, можно констатировать, что сложилось представление о беспорядочном отступлении итальянской армии, когда солдаты, отступая, бросали свои части. Это представление в итоге обусловило трактовку участия итальянской армии в Первой мировой войне, которую предлагают зарубежные историки. Ситуация повторилась почти четверть века спустя, когда крах монархическо-фашистского государства 8 сентяб-

ря 1943 г. в глазах широкой части международной общественности обусловил восприятие Италии как «ненадежной нации».

Цель труда Гаспары – показать всю поверхностность подобного суждения. Согласно автору, провал Капоретто обусловлен стратегическими ошибками генерала Кадорны и плохой дислокацией войсковых соединений, реализованной Луиджи Капелло и Пьетро Бадольо. Солдаты, как и младший офицерский состав, не могут нести никакой ответственности, поскольку командиры рот, батальонов и большинства полков делали все возможное, чтобы выправить ситуацию. В заключение автор утверждает, что, хотя были восстановлены все военные и послевоенные события, включая доклад парламентской Комиссии по расследованию 1919 г., «в тени остались истинные военные причины прорыва фронта 24 октября 1917 г., не раскрыто упорное сопротивление солдат и командиров, проявленное в многочисленных сражениях при отступлении. Итальянскую армию представляют как неповоротливую, ненадежную массу, в которой отсутствуют чувство долга и чувство любви к родине. Она бежит. Но в действительности она не бежала» (6, с. 35).

П. Гаспары на основе анализа военных документов и мемуаров выявляет характер взаимоотношений между командирами подразделений различного уровня, восстанавливает действия войсковых единиц, от самых крупных до низовых, вплоть до батальона. Он исследует воспоминания 16 тыс. офицеров, попавших в плен, в которых часто приводились схемы и наброски диспозиции отдельных подразделений. Данный комплекс документов раскрывает поведение низшего звена офицерского состава на протяжении 15 переломных дней отступления. Таким образом, Гаспары удается восстановить полную и одновременно детальную картину, которая придает документальному исследованию динамику, делает читателя соучастником событий.

Итальянская историография последнего десятилетия не ограничивается только работами, исследующими Первую мировую войну лишь на уровне военной и политической проблематики. Особое внимание историки уделяют условиям жизни в стране и в тылу в период военного конфликта.

Тема гражданской мобилизации является лейтмотивом сборника статей, опубликованного под заголовком «Страна в войне. Гражданская мобилизация в Италии (1914–1918)» (13). Это издание объединяет достижения различных исследователей, занимающихся процессами адаптации итальянского общества через инициативы в

сфере гражданской мобилизации к тем значительным изменениям, которые повлек за собой мировой конфликт. Гражданская мобилизация рассматривается как на национальном, в масштабе страны, так и на местном уровнях. В этих инициативах особенно проявилась роль женщин, которые представляли собой не только «маневренную массу» для проведения инициатив в сфере гражданской мобилизации, но и часто играли руководящие роли, и это освободило их от традиционного подчинения мужчине. Важно, что подобные изменения произошли не под влиянием прогрессивных ценностных ориентиров в сфере эмансипации и тех социальных изменений, которые были вызваны развитием традиционных феминистских движений в предшествующий период.

В сборнике прослежен процесс постепенного перехода широких политических и интеллигентских кругов, в частности организаций преподавателей и феминистских движений, с позиций демократических и пацифистских на позиции патриотические и националистические, имеющие порой ярко выраженную расистскую окраску и отчетливые антидемократические коннотации. Можно заключить, что зарождение широкого непроезжистского сектора проявилось в Италии, как и в Европе в целом, как феномен глубокой инволюции общества к социальному противостоянию в реакционном ключе.

Авторами сборника была выявлена определяющая роль интеллигенции, особенно преподавателей всех уровней, в качестве инструмента для создания и поддержки консенсуса в пользу войны. Распространение получили разного рода формы демонизации внешнего врага и опорочивание внутреннего врага (велись кампании против пацифистов, распространялся миф о германском заговоре, имели место проявления ксенофобии). Важную роль в этом процессе сыграли так называемые «демократические интервенционисты» и члены масонских лож.

В монографии Джованни Прокаччи «Военное Благодеяние – Общественное Благодеяние. Вмешательство государства и права граждан (1914–18)» (19) современное развитие получила тема государственного вмешательства в сферу обеспечения. Автор на протяжении уже более 20 лет является признанным специалистом в области изучения условий жизни в Италии в период Первой мировой войны, особенно среди крестьян и рабочих. В предыдущих фундаментальных трудах Прокаччи изучала положение итальянских военнопленных в Первую мировую (18) и условия жизни рабочего класса в период военного конфликта (17). В новой

работе Прокаччи проводится сравнение двух методов, которым следовали власти для достижения консенсуса между нижними слоями общества, — это программы обеспечения и репрессивные инициативы.

Автор, как и другие исследователи, анализирует тему распыления ресурсов и усилий, поскольку государство передало этот комплекс в частные руки. Италия вступила в войну, не имея оформленного социального государства, активно действовали лишь религиозные и частные общества обеспечения, которые строили свою работу по модели социальной организации, основанной на вспомоществовании на основе милосердия, а не на правовых нормах. Но в период войны получили развитие активистские организации, которые не вписывались более в рамки благотворительности, но имели легальную правовую основу для участия в разного рода мероприятиях в условиях войны. Данный фактор имел весьма важные последствия, особенно в том, что касалось ожиданий солдат пролетарского и крестьянского происхождения относительно послевоенного периода. Перераспределение земли и адекватное повышение заработной платы при повышении стоимости жизни были двумя основными требованиями социальной агитации в годы, следовавшие за завершением военного конфликта.

Автор подчеркивает, что Италия разработала ряд инструментов вмешательства в руководство общественным порядком. В частности, автор впервые в историографии комплексно анализирует план вмешательства, разработанный в 1904 г., который предусматривал возможность перехода гражданских властей под военное командование, не прибегая к введению осадного положения, поскольку оно было ограничено определенными нормами и должно было быть одобрено политической властью.

Прокаччи всесторонне проанализировала данный материал и связала его, с одной стороны, с растущей активностью усилий в сфере вспомоществования, а с другой — с растущим репрессивным инструментом интернирования гражданских лиц, которое во время военного конфликта нашло достаточно широкое применение. Эта мера затронула сотни тысяч итальянцев, жителей прифронтовой полосы, лояльность которых ставилась под сомнение, а также жителей территорий, завоеванных у Австро-Венгрии в первые недели военного конфликта. Были интернированы пацифисты, социалисты, священники и вообще все те, кто выказывал симпатию Габсбургам, и было достаточно совсем немного, чтобы тебя отнесли к данной категории.

Книга приоткрывает интересные ракурсы итальянской действительности, предлагая весомые отправные пути исследования (мы отметили только некоторые из них), дающие возможность провести убедительный сравнительный анализ с основными компонентами европейской действительности.

Одно из направлений исследований, которому уделяет большое внимание европейская историография, – положение и мировоззрение интеллигенции. В Италии также появились работы, которые внесли вклад в развитие данной проблематики. Одна из них – работа Эмилио Джентиле «Апокалипсис модерна. Великая война за нового человека» (7). Он анализирует кризис модернизма, начавшийся в последней четверти XIX в. и развивавшийся на протяжении всего предвоенного периода, прежде всего в интеллигентских кругах. В дальнейшем кризис затронул и широкие сектора буржуазии. Автор уделяет внимание развитию иррационалистических течений, влиянию, которые на них оказывали такие мыслители, как Ницше. Джентиле не оставляет в стороне анализ течений, связанных с реакционным направлением в католицизме. Особую важность, с точки зрения автора, имело распространение расистских идей как в псевдонаучных формах, так и в формах чисто политических. Действительно, вся европейская и американская культура испытывала страх перед растущей неевропейской массой, подпитываемый данными демографии, экономики и политики. Отсюда ведет свое происхождение концепция «желтой опасности», которая получила распространение в начале XX в. и особенно большое число сторонников нашла после Русско-японской войны. Автор выявляет, каким был ответ со стороны растущих масс буржуазии, и прежде всего молодежи, выразившийся в проявлении чувств социальной, культурной, национальной «неуверенности». Все эти факторы привели к логическому завершению – отрицанию принципов равенства и солидарности, выработанных в эпоху Просвещения и основанных на идеалах прогресса. Философы, которые были идолами для средних слоев в предвоенный период, полагали, что все эти ценности ведут европейское общество к закату, к стагнации и даже к настоящему моральному суициду. Решением проблемы, к которому склонялось большинство, могла стать война. Она должна была возродить общество, вернув нации утраченное превосходство, как в организации внутреннего социального порядка, так и в сфере международных отношений. Многие представители интеллигенции, политические круги и не в последнюю очередь ученые, как светские, так и верующие, считали, что если высвободить огромную расовую, соци-

альную, экономическую и политическую энергию и напряженность, сконцентрированную в модернизме, то в таком случае европейское общество ждет катастрофа, настоящее уничтожение.

В работе уделяется большое внимание изменениям в европейской концепции модернизма и прогресса в течение двадцатилетия, предшествующего военному конфликту, выявляются симптомы проявления расистских и империалистических настроений в отдельных странах, что увеличивало отрыв от позитивистских и демократических идей в их первоначальной трактовке. Автор выявляет неспособность концепции модернизма (так же как и в случае с идеалами интернационализма) уберечь европейское общество от пропасти войны. Напротив, именно модернизм подверг сомнению идею постоянности постоянного и неоспоримого прогресса, а также парадигму центрального места европейской культуры среди прочих.

Автор утверждает, что концепция «войны как единственной гигиены мира» была разработана гораздо раньше, чем когда ее провозгласили итальянские футуристы. Начиная с 70-х годов XIX в. многие интеллектуалы утверждали, что лишь война способна поставить преграду вырождению современного европейского индивида. Автор приходит к заключению, что Первая мировая война, породив процесс дегуманизации фронтовиков, решительным образом затронула идейные основы современного человека, которые определяли поступательное мировое развитие в предшествующий век.

Исследование Джентиле с полным правом можно назвать фундаментальным, поскольку оно проведено в русле общеевропейского контекста и использует обширный круг источников и библиографию работ, опубликованных во всех ведущих европейских странах. Автор выбирает отдельные фигуры, идейные школы и даже страны, которые всецело вверили себя модернизму и упорствовали в своей вере именно благодаря тому, что результаты военного конфликта были катастрофическими.

Другой аспект исследований, которому итальянская историография уделяет все большее внимание и который лежит на магистральной линии современных европейских исследований, — репрессии против военных и насилие в отношении гражданских лиц.

В последнее десятилетие были достигнуты немалые результаты в этой области, в частности, в исследовании репрессий, проводившихся по отношению к военным, получившим психические расстройства. В качестве примера приведем работы Ирене Гуэр-

рини и Марко Плувиано (15; 16), посвященные военной юстиции, в которых комплексно исследуется тема судов в итальянской армии в период Первой мировой войны.

В схожем направлении работают и другие историки. Совсем недавно, в 2014 г., была опубликована магистерская диссертация Паоло Губинелли «Выстрелы прямо в сердце» (10). В работе анализируются наиболее тяжелые эпизоды репрессий и массовых расстрелов. Автор помещает эти события в определенный контекст, прибегая также к краткому изложению материалов публикаций во французской «Мютинэри» («*Mutineries*») за весну 1917 г. В заключительной главе «*Lex vs. Law*. Попытка сравнительного анализа» автор исследует различия в поведении военнослужащих британских и итальянских армий на войне и в послевоенный период, раскрывает, как та и другая судебные политические системы относились к вынесению смертного приговора.

В книге приводятся многочисленные примеры стихотворений британских «военных поэтов», которые хорошо отражают, какие глубокие и опустошительные удары наносили кровавые и безрассудные наступления войск, а также смертная казнь, к которой приговаривались английские молодые офицеры и интеллигенты-призывники. В целом речь идет об издании, в котором показано, что отнюдь не вся интеллигенция, которая приняла участие в войне, вышла из нее, потеряв веру в гуманность и справедливость, и что не все подверглись обольщению мифа о насилии, ведущем к возрождению.

Многие итальянские историки приступили к серийным исследованиям темы насилия в отношении гражданского населения, двигаясь в традиционном русле, выработанном за последние десятилетия. Первая в числе таких работ – монография Бруны Бьянки «Жертвы войны против человечности» (1) включает в сферу исследования европейский континент в целом, поскольку посвящена теме насилия над гражданским населением Центральной и Южной Европы. Первая часть работы посвящена теме насилия в отношении гражданских лиц в первые годы XX в. С одной стороны, автор показывает, как проходили колониальные захваты, сопряженные с военными действиями (Англо-бурская и Итало-турецкая войны), а также репрессивные действия в ответ на восстания в колониях (геноцид гереро в Намибии и восстание на Филиппинах против Соединенных Штатов). С другой стороны, книга повествует о том, сколько злодеяний было совершено в «цивилизованной» Европе в период Балканских войн. Подобные акты насилия оцениваются

автором как предвестники жестоких форм массового насилия, которое осуществлялось почти всеми воюющими сторонами во время Первой мировой войны.

Что касается периода 1914–1919 гг., то автор анализирует прежде всего события, которые залили кровью территории, расположенные между Россией, Австрией и Германией, главным образом на Балтике и в Галиции. Особое внимание она уделяет расовой окраске многих насильственных действий, особенно отчетливо выраженной в царистском антисемитизме. Описание погромов, инспирированных как царскими военными властями, так и отдельными командирами, рисует достаточно детальную картину насилия, развязанного против еврейского религиозного меньшинства на оккупированных территориях, а также в период отступления в 1915 г. Эти действия повлекли за собой огромное число жертв; те же, кому удалось выжить, оказались в тяжелейших условиях, становясь легкой добычей болезней и голода.

В книге уделено большое внимание убийству армян и в целом христианского населения Восточной Анатолии в Османской империи. Хотя автор не уделяет внимание тем, кто осуществлял эти убийства, она объясняет факт поддержки этих злодеяний со стороны народа той травмой, которая была нанесена общественному мнению в связи с потерей европейских территорий, а также Ливии из-за европейской агрессии, а также наплыву в Анатолию огромных масс мусульманских беженцев с территории Балкан. Эти беженцы, лишенные всего и плохо обустроенные, становились легкой добычей пропаганды, которая велась «Комитетом за объединение и прогресс», откликались на предложения вступать в ряды отрядов убийц «Специальной организации».

Наиболее интересная часть работы посвящена анализу документов, оставленных врачом швейцарского происхождения Родольфом Арчибальдом Рейсом. Данные материалы, наряду со свидетельствами работников гуманитарных организаций и тех, кому удалось выжить, показывают непередаваемое словами насилие, которому болгары, захватив часть Сербии, подвергли жителей оккупированных территорий. Автор обращает внимание на то, что в данном случае речь идет о взаимной жестокости национализмов болгар и сербов, стремящихся уничтожить национальные идентичности, поскольку двумя годами ранее сербы попытались насильственно ассимилировать болгар, которые оставались на территориях, недавно аннексированных Белградом. Б. Бьянки использует малоизвестные библиографические источники, которые ей удалось собрать

по всей Европе. В распоряжении автора находились и неизданные документы, сохранившиеся в Белграде.

Еще одна область исследований касается беженцев. В Италии сотни тысяч людей были вынуждены покинуть свои дома, большинство – во время отступления итальянской армии после поражения при Капоретто. Однако начиная с первой недели войны, значительное число жителей было согнано с земель, занятых итальянской армией, а также из прифронтовой полосы, поскольку их подозревали в проавстрийских настроениях. Событиям октября–ноября 1917 г., когда в условиях австро-германского наступления большое число жителей бежало с оккупированных территорий, посвящено фундаментальное исследование Даниэле Ческина «Изгнанники Капоретто. Беженцы в Италии во время Великой войны» (3). Автор использует значительное количество архивных документов, в основном неопубликованных, чтобы рассказать о 630 тыс. беженцев из областей Венето и Фриули, которые наводнили Италию. Работа раскрывает сложный процесс организации потока беженцев, еще более острый процесс адаптации людей, которые в большинстве своем никогда не покидали своего дома, к другим, совершенно отличным обычаям, привычкам, предпочтениям в еде, к климатическим условиям, существенно отличающимся от привычных. Кроме того, автор выявляет недостатки в организационной работе в отношении к огромной массе беженцев со стороны принимающих общин, которые не всегда это делали охотно. Для того чтобы всесторонне показать данный аспект исследования, автор использовал мемуары, дневники, письма беженцев и тех, кто их принимал. В работе делается еще один шаг вперед к познанию человеческой, природной и социальной динамики, характеризовавшей Италию в Великой войне.

В заключение обратим внимание на сборник статей, вышедший в конце марта 2014 г. под редакцией Джованны Прокаччи, «Итальянское общество и Великая война» (23). В нем представлены статьи 15 исследователей, в числе которых ведущие итальянские историки, занимающиеся проблематикой Первой мировой войны. Речь идет о первом широкомасштабном издании, подытоживающем полемику, развернувшуюся в Италии по проблемам Великой войны в 2013–2014 гг. Данное издание открывает серию научных публикаций, посвященных столетию начала европейского конфликта. Сборник дает представление о состоянии научных исследований в Италии по принципиальным вопросам, связанным с историей Первой мировой войны. К таковым относятся: положение

ние итальянской армии на фронтах, участь беженцев, работа военной судебной машины, условия труда на фабриках, повседневная жизнь солдат, санитарные условия, пацифистские движения, экономическая и интеллектуальная жизнь страны. Издание дает представление о значительном вкладе итальянских историков в разработку новых направлений исследований мирового военного конфликта. Следует еще раз упомянуть и об участии итальянских исследователей в коллективных трудах европейского уровня (как, например, в онлайн-энциклопедии Свободного университета Берлина, а также в энциклопедических изданиях, о которых шла речь в начале обзора). Все это дает цельное представление о научных достижениях итальянских историков, с которыми небезынтересно познакомиться историков других стран. Разнообразие изучаемых проблем и уровень исследований вселяют надежду на неплохие перспективы развития итальянской историографии в ближайшем будущем.

Список литературы

1. *Bianchi B.* Crimini di Guerra e contro l'umanità. Le violenze ai civili sul orientale, (1914–1919). – Milano: UNICOPLI, 2012. – 197 p.
2. *Canfora L.* 1914. – Palermo: Sellerio, 2006. – 80 p.
3. *Ceschin D.* Gli esuli di Caporetto. I profughi in Italia durante la Grande Guerra. – Roma; Bari: Laterza., 2006. – 243 p.
4. *Encyclopédie de la Grande Guerre 1914–1918.* – P.: Bayard, 2004. – 1342 p.
5. *Forcella E., Monticone A.* Plotone di esecuzione. I processi della prima guerra mondiale. – Bari: Laterza, 1968. – 542 p.
6. *Gaspari P.* Le bugie di Caporetto. La fine della memoria dannata. – Udine: Gaspari ed., 2011. – 694 p.
7. *Gentile E.* L'apocalisse della modernità. La Grande Guerra per l'uomo nuovo. – Milano: Mondadori, 2008. – 287 p.
8. *Gibelli A.* L'officina della Guerra. – Torino: Bollati Boringhieri, 1991. – 276 p.
9. *La grande guerra: Dall'intervento alla «vittoria mutilata»:* 2 vol. – Torino: UTET, 2008. – 972 p.
10. *Gubinelli P.* Sparate dritto al cuore. La decimazione di Santa Maria la Longa e quella inglese di Etaples. – Udine: Gaspari ed., 2014. – 247 p.
11. *Isnenghi M., Rochat G.* La Grande Guerra: 1914–1918. – Firenze: La Nuova Italia, 2000. – 337 p.
12. *O'Brien P.* Mussolini in the First World War. The journalist, the soldier, the fascist. – Oxford; N.Y.: Berg, 2005. – 275 p.
13. *Un paese in guerra. La mobilitazione civile in Italia, (1914–1918)* / A cura di D. Menozzi, G. Procacci, S. Soldani. – Milano: UNICOPLI, 2010. – 332 p.

14. La prima guerra mondiale: 2 vol. / A cura di A. Gibelli. – Torino: Einaudi, 2007. – 1294 p.
15. *Pluviano M., Guerrini I.* Le fucilazioni sommarie nella Prima Guerra Mondiale. – Udine: Gaspari ed., 2004. – 293 p.
16. *Pluviano M., Guerrini I.* Fucilate i fanti della Catanzaro. La fine della leggenda delle decimazioni nella Grande Guerra. – Udine: Gaspari ed., 2007. – 126 p.
17. *Procacci G.* Dalla rassegnazione alla rivolta. Mentalità e comportamenti popolari nella Grande Guerra. – Roma: Bulzoni, 1999. – 342 p.
18. *Procacci G.* Soldati e prigionieri italiani nella Grande Guerra. Con una raccolta di lettere inedite. – Roma: Editori Riuniti, 1993. – 375 p.
19. *Procacci G.* Warfare-welfare. Intervento dello Stato e diritti dei cittadini, (1914–18). – Roma: Carocci, 2013. – 356 p.
20. *Rossi M.* I prigionieri dello Zar. – Milano: Mursia, 1997. – 176 p.
21. *Rusconi G.E.* L'azzardo del 1915. Come l'Italia decise la sua Guerra. – Bologna: Il Mulino, 2005. – 373 p.
22. *Rusconi G.E.* 1914: attacco a occidente. – Bologna: Il Mulino, 2014. – 320 p.
23. La società italiana e la Grande guerra / A cura di G. Procacci // *Annali della Fondazione Ugo La Malfa.* – Roma, 2014. – Vol. 28. – 492 p.

Перевод с итальянского И.Е. Эман

Джентиле Э.

**ДВА ПИСТОЛЕТНЫХ ВЫСТРЕЛА,
ДЕСЯТЬ МИЛЛИОНОВ УБИТЫХ, КОНЕЦ МИРА:
ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ИСТОРИЯ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ
(Реферат)**

Ref. ad op.: Gentile E. Due colpi di pistola, dieci milioni di morti, la fine di un mondo: Storia illustrata della Grande Guerra. – Roma; Bari: Gius. Laterza & Figli Spa, 2014. – XII, 227 p.

Известный итальянский историк Эмилио Джентиле, автор ряда фундаментальных монографий, бывший профессор Римского университета «Сапьенца», посвятил свою новую книгу различным аспектам истории Первой мировой войны, ее последствиям, а также ее восприятию в нынешней Европе, и в первую очередь в Италии.

Книга, представляющая собой своего рода краткий энциклопедический исторический справочник, состоит из введения, пролога, десяти глав и эпилога, завершается «Историографическими заметками с советами по ориентированию, чтобы знать больше». Она снабжена десятками иллюстраций, среди которых – пропагандистско-карикатурные плакаты и фотографии, отражающие самые разные стороны событий периода войны. Помещены карты мест сражений в Европе, на Западном и Восточном фронтах, а также на итало-австрийском фронте. Автор пытается раскрыть, хотя иногда весьма кратко, все основные сюжеты истории войны.

1 августа 1914 г. началась Первая мировая война, пишет Джентиле во введении, названном «От памяти к истории». Возможно, этой войны никто не хотел, но никто не сумел ее избежать. Она не была фатально неизбежной, но и не возникла случайно, хотя случай здесь сыграл свою роль. Она была начата людьми, которым принадлежала власть и которые могли сделать выбор

между миром и войной. И они выбрали войну. Правители сделали это, не спрашивая мнения своих подданных. Однако ни в одном из воюющих государств мобилизованные люди, которые отправлялись на фронт, чтобы убивать или оказаться убитыми, не восстали против своих правителей.

Многие думали, продолжает Джентиле, что война закончится через несколько месяцев. Мало кто рассчитывал, что она продлится несколько лет. Предвидения немногих затмили иллюзии многих. Великая война, как называют Первую мировую во Франции, Италии и многих других странах, длилась 53 месяца, подчеркивает автор. В ней участвовали крупнейшие мировые державы и малые государства со всех континентов. Были мобилизованы около 70 млн человек. Последними из призывавшихся стали молодые люди 1899 и 1900 годов рождения. Сражения этой войны закончились 11 ноября 1918 г.

Можно почти с полной уверенностью утверждать, что теперь никого из солдат Великой войны не осталось в живых. Последний ее участник, итальянец, скончался 26 октября 2008 г. в возрасте 110 лет. В том же году 21 ноября умер в возрасте 109 лет последний ветеран французской армии, он был родом из Италии. Последний ветеран в США умер в возрасте 110 лет 27 февраля 2011 г., 5 мая следующего года ушел из жизни последний английский участник Великой войны, ему было 113 лет. «Смерть навсегда устранила возможность услышать голос выживших на войне, получить свидетельства их опыта участников Великой войны. На смену памяти окончательно пришла история» (с. VII).

Далее в прологе под названием «Два пистолетных выстрела» подробно описан эпизод участия наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его жены Софии, урожденной графини Хотек, в официальной церемонии празднества в столице Боснии Сараеве в солнечный день 28 июня 1914 г. В этот день исполнилось 14 лет со дня их свадьбы 28 июня 1900 г. и начала этого морганатического брака, не одобренного дедом эрцгерцога императором Францем Иосифом.

Это событие совпало с важным для южных славян и одним из главных праздников сербской православной церкви Витовым днем. Одновременно торжественно отмечалась годовщина героического сражения сербов против турецкой армии на Косовом поле 1389 г., хотя через какое-то время после него они на долгих четыре века попали под власть Османской империи.

Берлинский конгресс 1878 г. признал Сербию независимым королевством. В 1903 г. было совершено зверское убийство короля Александра и его жены. Александр принадлежал к династии Обреновичей, которая правила в стране с 1858 г. и лояльно относилась к Австрии. Убийство совершили националисты из военных кругов. На трон вступили представители конкурирующей династии Карагеоргиевичей. Новый король Петр I пытался подражать правителям из итальянской Савойской династии, объединившей в 1861 г. Италию. Главный печатный орган сербских националистов назывался «Пьемонт». Они намеревались изгнать Австрию с Балкан и объединить южных славян в Великую Сербию, имеющую выходы к Адриатическому морю через Далмацию или Албанию.

В 1908 г. Австро-Венгрия, пользуясь ослаблением Османской империи, аннексировала Боснию и Герцеговину, где более половины населения были сербами. Это способствовало подъему сербского национализма и укреплению союза Сербии с Россией, которая считалась защитницей славян. После 1908 г. в Сербии возникли антиавстрийские террористические организации, например, созданный в 1911 г. «Союз или смерть», известный и под другим названием – «Черная рука». Ее создал полковник Драгутин Димитриевич по прозвищу Апис, возглавлявший секретную службу сербского Генерального штаба.

Убийство Франца Фердинанда и его жены двумя выстрелами из браунинга было совершено группой сербских студентов-националистов из организации «Млада Босна», получивших оружие от сербских офицеров из «Черной руки». Главным исполнителем стал 19-летний участник организации «Млада Босна» Гаврило Принцип. Накануне сербское правительство во главе с Николой Пашичем, выступавшим против любых антиавстрийских провокаций, подвергло «Черную руку» репрессиям. Из-за разногласий с офицерами, поддерживавшими эту подпольную организацию, Пашич вынужден был тогда уйти в отставку.

Австрия была полна решимости обуздать экспансионистские намерения Сербии. Она считала их опасными для своей многонациональной империи. Наследник престарелого императора Франца Иосифа Франц Фердинанд намеревался, напоминает автор, развивать федералистские начала, предоставить большую автономию славянским землям империи, превратить ее из дуалистичной в триалистичную. Г. Принцип был сторонником создания единого южнославянского государства. Ответственность за убийство эрцгерцога правительство Австро-Венгрии возложило на Сербию.

В первой главе «Пророчества войны во время мира» говорится о предвоенной обстановке в европейских странах и о витавших тогда в воздухе предчувствиях войны. «В воскресенье 28 июня население Вены наслаждалось теплым солнечным днем. Редакции газет были закрыты. Восьмидесятилетный император, уже 66 лет правивший страной, пребывал в отпуске в летней резиденции Бад Ишль. Министр иностранных дел граф Берхтольд находился в Моравии на утиной охоте. Новость об убийстве достигла Вены около полудня, но имперская столица восприняла ее спокойно» (с. 9).

Взволнованный, но «не опечаленный», как отметила дочь Франца Иосифа Мария Валерия, этой новостью император тут же вернулся в свой венский дворец Шёнбрунн. Но на следующий день так и не дождался у него приема ни министр иностранных дел, ни генерал Конрад, сторонники войны с Сербией, ни председатель совета министров граф Тиса, который в отличие от них был против войны.

Похороны Франца Фердинанда и его жены состоялись в Вене 2 июля. Похоронный кортеж совершил путь в Вену из Сараева через Триест, где была сделана остановка для прощания с убитыми. Наследником престола стал другой внук Франца Иосифа, эрцгерцог Карл Франц Иосиф, в глазах императора более подходивший на эту роль.

Европейская пресса, разумеется, уделившая внимание всем этим событиям, не била, однако, тревоги по поводу угрозы миру на континенте. Погибший эрцгерцог не вызывал больших симпатий. А убийства правящих лиц в ту эпоху не были чем-то новым. Ни одно из них не стало поводом для того, чтобы взяться за оружие.

После Франко-прусской войны 1870 г. Европа переживала период длительного мира. Это давало надежду на то, что триумфальная модернизация европейской цивилизации, движимая верой в рациональность и прогресс, позволит избежать варварства войны. 14 апреля 1900 г. в Париже открылась крупнейшая всемирная выставка, главной темой которой было электричество – новая энергия, открытая современным человеком. Она символизировала победу прогресса над темными силами и приход просвещенного и мирного человечества. За семь месяцев работы выставки 50 млн человек посетили экспозицию, ставшую наглядным символом Belle Époque («Прекрасная эпоха» – вошедшее в исторический лексикон название на французском языке периода расцвета европейской культуры 1870–1914 гг. – *Редф.*). 30 лет спустя австрий-

ский писатель Стефан Цвейг отметит, что это была «золотая эпоха безопасности» (цит. по: с. 13).

На созванной в 1899 г. в Гааге по инициативе царя Николая II и его дипломатов первой мирной конференции все 26 государств-участников обязались избегать войны. На конференции было решено создать постоянный Арбитражный суд, задачей которого было мирно решать международные конфликты (с. 13). Вторая конференция в Гааге в 1907 г. подтвердила решения первой и ратифицировала образование Арбитражного суда. Третья конференция была запланирована на 1914 г. Пацифизм стал главной темой конгресса Социалистического интернационала в Штутгарте в 1907 г., постановившего, что трудящиеся приложат все силы, чтобы предотвратить войну. В 1909 г. большой успех во всем мире получила книга «Большая иллюзия» английского экономиста Норманна Энджела, доказывавшего, что всеобщая война теперь становится невозможной, потому что она станет экономической катастрофой как для побежденных, так и для победителей.

Но были и контрастирующие с этими выводами другие предвидения таких известных писателей, как англичанин Герберт Джордж Уэллс или француз Ромен Роллан. Свои пророчества высказывали и представители мира искусства, художники, например Людвиг Мейднер, представивший в своих картинах разрушенные взрывами и пожарами ландшафты. Итальянские футуристы в своих манифестах воспевали «войну – единственную гигиену мира».

Несмотря на подъем пацифистских настроений, в военных штабах Германии, Франции, России и других стран разрабатывались планы будущих военных операций. После визита в 1913 г. генерала Жоффра в Россию, с которой у Франции имелась договоренность о совместных действиях против потенциальных противников – Германии и Австрии, у военных двух союзных стран сложилось мнение, что если Германия сосредоточит основные силы против Франции, то, учитывая, что на восточноевропейском театре у нее будет мало войск, русская армия должна будет сразу же перейти в наступление. В случае начала боевых действий между Тройственным соглашением (Франция, Россия, Англия) и Тройственным союзом (Германия, Австрия, Италия) даже Англия не исключала того, что будет нарушен нейтралитет Бельгии. В случае войны, заявили в декабре 1912 г. министры Черчилль и Ллойд Джордж, «для Голландии и Бельгии станет невозможным оставаться нейтральными, и они должны будут стать или друзьями, или врагами» (цит. по: с. 21).

28 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии. Она не предполагала, что это вызовет европейскую войну. Этого не предполагал и Николай II, объявивший в России всеобщую мобилизацию. Спровоцировать всеобщую войну не входило в намерения и других европейских правителей, и даже в намерения генеральных штабов. Тот же Мольтке-мл. еще в 1905 г. предупреждал кайзера Вильгельма II о невозможности выиграть войну с Францией, о том, что война окажется долгой и изнурительной и станет разрушительной для европейской цивилизации. Тем не менее через несколько дней главные европейские державы оказались в состоянии войны.

31 июля в ответ на мобилизацию в России была объявлена мобилизация в Германии. 1 августа в ответ на мобилизацию в Германии Франция также начала мобилизацию. Кайзеровское правительство потребовало от Франции и Англии оставаться нейтральными в случае войны Германии с Россией. В 17 часов 1 августа Германия, не дождавшись от России ответа на свой ультиматум и прекращения мобилизации, объявила ей войну. На следующий день немецкие войска вступили на территорию Люксембурга, и Германия потребовала от Бельгии пропустить через свою территорию немецкую армию. Бельгийский король Альберт I и бельгийское правительство это решительно отвергли. В этот день Ромен Роллан отметил в своем дневнике: «Страшно жить посреди деградирующего человечества и бессильно присутствовать при разрушении цивилизации. Эта европейская война является самой большой катастрофой в истории...» (цит. по: с. 40). 3 августа Германия объявила войну Франции и немецкие войска вторглись в Бельгию, чтобы оттуда атаковать Францию, как это было предусмотрено планом Шлиффена.

Вследствие нарушения бельгийского нейтралитета Англия 4 августа объявила войну Германии. Затем с 6 по 12 августа последовали объявления Австро-Венгрией войны России и Францией и Англией – Австро-Венгрии. Правительства британских доминионов проявили полную солидарность с метрополией. Наряду с этим 23 августа Япония объявила войну Германии, намереваясь захватить находившиеся под ее владычеством территории в Китае, хотя потом ни один японский солдат не был отправлен сражаться в Европу. Наконец 1 ноября 1914 г. Россия, за которой последовали Франция и Англия, объявила войну Османской империи, вставшей на сторону Германии. Фронт сражений распространился с европейской территории на земли Ближнего Востока и Аравийского

полуострова. 14 ноября турецкий султанат объявил джихад – священную войну – против своих противников (с. 40).

Так в течение немногих недель «третья балканская война» (термин автора, не имеющий пока что широкого применения в историографии. – *Ред.*) переросла в общеевропейскую. А поскольку начавшие ее великие державы владели колониями по всему миру, война с самого начала стала мировой. Несмотря на все заявления предыдущих лет и подготовку к такому развитию событий, которую великие державы осуществляли в предвоенный период, война стала неожиданностью для правителей и генеральных штабов, оказавшихся на деле неподготовленными и быстро исчерпавшими накопленные ресурсы.

Великая война, пишет автор, стала неизбежной из-за цепи событий, в которые оказались вовлечены правители и генеральные штабы. Аккумуляция непредвиденных обстоятельств заставила их принимать решения, чреватые страшными последствиями. Здесь переплелись национальные и частные интересы, внешнеполитическая и внутривнутриполитическая ситуации, все чувствовали себя скорее подвергшимися агрессии, чем агрессорами. Никто из правителей, объявлявших войну, не хотел спровоцировать континентальный конфликт, но никто и не мог его остановить.

В последующих главах книги, снабженных иллюстрациями, речь идет об амбициях Германии, «пороховой бочке» Европы – Балканах, «неизбежности войны, которую можно было избежать», всеобщем энтузиазме населения в европейских державах, вступивших в войну в августе 1914 г., иллюзиях «краткой войны», военных преступлениях немцев в Бельгии, «чуде на Марне» на Западном фронте, начале длительной «окопной войны», положении дел на Восточном фронте и других театрах войны, находившихся за пределами Европы (с. 22–73).

К концу 1914 г. немцы оккупировали около 10% французской территории, занятая ими часть Франции имела особое значение в снабжении страны промышленной продукцией и полезными ископаемыми, замечает автор. Они крепко держали в своих руках Бельгию, где жестоко пресекали всякие попытки сопротивления. Сотни бельгийцев были расстреляны, многие сосланы в концентрационные лагеря в Германии. В августе 1914 г. немцы в течение пяти дней разрушали старинный Лувен, сожгли университетскую библиотеку, в которой были собраны более 300 тыс. книг. Были расстреляны 248 мирных жителей, все 42-тысячное население города подверглось изгнанию, тысячи домов были разграблены.

Всего в стране оказались убитыми более 6 тыс. гражданских лиц, 1,5 млн бельгийцев сделались беженцами под натиском немецкой армии. Преступления немцев в Бельгии сразу же стали материалом, широко используемым в антигерманской пропаганде в странах Антанты (с. 58).

Всего в 1914 г., когда еще существовали иллюзии, что война будет короткой, были мобилизованы более 21 млн человек, из них 15 млн 220 тыс. в странах Антанты и 5 млн 800 тыс. в Центральных державах (с. 50). После сражения при Ипре и провала немецкого плана прорыва к морю на Западном фронте, простиравшемся на 700 км от Бельгии до границ Швейцарии, война из подвижной фазы перешла в позиционную. Иллюзия краткосрочной войны улетучилась. Окопная война, в которой противоборствующие стороны, чередуя наступления и контрнаступления, продвигались всего лишь на сотни метров, продолжалась все последующие годы. Во втором сражении у Ипра, длившемся с 22 апреля по 25 мая 1915 г., германская армия впервые провела эксперимент с применением химического оружия. Оно использовалось и союзными армиями, впервые – англичанами на Западном фронте 25 сентября 1915 г. в сражении при Лоосе. Это оружие вызвало многочисленные жертвы у обеих сторон. Выжившие солдаты в письмах на родину отмечали, что после таких боев взору предстают «ужасные картины» (с. 65). Лишь применение противогазов позволило избежать гораздо больших жертв.

Всего несколько страниц (с. 64–68) автор посвящает сражениям 1914 г. на Восточном фронте, простиравшемся от Балтийского до Черного моря. Он упоминает окончившееся поражением русской армии сражение под Танненбергом в Восточной Пруссии и у Мазурских озер, которое выиграли немецкие военачальники Людендорф и Гинденбург. Русская армия, со своей стороны, провела успешное наступление против Австро-Венгрии, потерявшей 350 тыс. солдат. В результате этих сражений были взяты Львов и другие важные пункты. Лишь в марте 1915 г. войскам Центральных держав удалось изгнать русских из Галиции и занять Польшу и Литву. Но эти успехи не вынудили Россию заключить сепаратный мир (с. 65). Лишь вкратце автором упоминается и русско-турецкий фронт.

Ввиду застойного положения во Франции был открыт новый фронт: созданный по инициативе Черчилля англо-французский корпус с участием австралийцев и новозеландцев 25 апреля 1915 г. высадился в Галлиполи и вступил в борьбу за Дарданеллы, стре-

мясь захватить Константинополь. Но турецкие войска, подготовленные немецкими инструкторами, оказали стойкое сопротивление. Окопная война, продлившаяся долгие месяцы, спровоцировала и здесь большое число жертв. В турецкой армии прославился молодой офицер Мустафа Кемаль. Другая операция союзников, начавшаяся 5 октября 1915 г. в Салониках в Греции и направленная на поддержку сербских войск, также была безуспешной – австрийцам удалось разгромить сербскую армию и занять Сербию и Черногорию. Вступившая в войну на стороне Центральных держав Болгария заняла Македонию. Насчитывавший полмиллиона военнослужащих экспедиционный корпус союзников не достиг поставленной цели продвинуться на север Балкан. Немцы в шутку называли Салоники «нашим самым большим концентрационным лагерем» (цит. по: с. 69).

Немецкий фельдмаршал фон Гольц, отличившийся жестокостью в отношении гражданских лиц в Бельгии, написал после поражений англичан в Дарданеллах и Месопотамии, что «особенностью XX в. станет революция цветных рас против европейского колониального империализма» (цит. по: с. 69). В войсках союзников воевали десятки тысяч солдат – подданных английских и французских колоний. Война шла и в Африке, и на Дальнем Востоке. 14 августа 1917 г. Китай объявил войну Центральным державам, республиканское китайское правительство надеялось вернуть свои территории, занятые Германией.

В июне 1916 г. началась война арабов против турок на Аравийском полуострове, англичане пообещали арабским повстанцам свое содействие в создании независимого государства. В июле 1917 г. арабы заняли порт Акаба на Красном море, 9 декабря 1917 г. английские войска вошли в Иерусалим.

В пятой главе автор обращается к сюжету вступления Италии в войну, периоду нейтралитета 1914–1915 гг., началу боевых действий итальянской армии в мае 1915 г. 2 августа 1914 г. Италия объявила нейтралитет, продлившийся до 23 мая 1915 г. Джентиле дает характеристику итальянским нейтралистам и интервентистам, описывает события «радужных майских дней» с их многотысячными манифестациями, оказавшими давление на правительство и сподвигнувшими на принятие решения о вступлении в войну на стороне Антанты. Учитывая, что в целом 1915 год стал негативным для Антанты, единственным позитивным для нее фактом, по мнению Джентиле, стало вступление в войну Италии на ее стороне (с. 73).

В начале боевых действий на итало-австрийском фронте итальянская армия под командованием генерала Кадорны потеряла только в первых четырех сражениях против австрийцев на реке Изонцо в 1915 г. 66 тыс. убитыми и 180 тыс. ранеными без достижения сколько-нибудь значимого результата (с. 88). Вторжение австрийских войск на итальянскую территорию в мае 1916 г. повлекло за собой отставку правительства Саландры. Итальянцам помогло июньское наступление русских войск под командованием Брусилова. В том же июне 1916 г. австрийцы впервые применили на Итальянском фронте газовую атаку. От отравления погибли около 3000 итальянцев (с. 90).

Шестую главу Джентиле посвящает «первой современной войне»: войне «индустриальной» и «технологической», «войне машин», «войне материалов» и т.п. Он пишет также о «войне на море», анализирует положение населения в воюющих странах. Джентиле признает, что произошла «демонизация противника, как в религиозной войне». «Бог с нами» (*Gott mit uns, God is with us*) стало лозунгом всех армий (с. 115).

В седьмой главе, озаглавленной «Бесконечная война», автор продолжает описание затяжной «окопной войны», начатое в предыдущих главах. Упоминаются принесшие массу погибших сражения под Верденом и на Сомме 1916 г. и успешное наступление в том же году русской армии под командованием Брусилова. Оно «деморализовало австро-венгерскую армию», потерявшую 600 тыс. военнослужащих, 400 тыс. сдались в плен. Но и потери русских оказались велики – 1 млн солдат (с. 119). Смещенный с поста начальника Генштаба генерал Фалькенхайн успешно сражался на фронте против армии вступившей в войну на стороне Антанты Румынии и взял Бухарест. Румыны потеряли убитыми и сдавшимися в плен 350 тыс. человек (с. 119).

Затянувшаяся война вызвала усталость солдат, что привело к поражению итальянцев при Капоретто в октябре 1917 г. Они всего лишь в течение нескольких дней понесли тяжелые потери: 10 тыс. убитыми, 29 тыс. ранеными, 290 тыс. пленными. За десять дней итальянцы потеряли все территории, отвоеванные у австрийцев за два года войны, и австро-немецкие войска оказались в 50 км от Венеции. Тем не менее итальянцам удалось остановить эти атаки и впоследствии самим перейти в наступление.

Автор упоминает в отдельном разделе о революции в России 1917 г. (с. 141–143) и о вступлении в том же году в войну США, которые и раньше оказывали экономическую и финансовую по-

мощь странам Антанты (с. 143–146). В своей речи в американском Конгрессе 8 января 1918 г. президент Вильсон выдвинул 14 пунктов, на основе которых, по мнению американцев, должен быть заключен мир (с. 147). Для них это была «война за демократию». Для Советской России речь шла о выходе из войны с Центральными державами, в самой стране началась Гражданская война. Окончание боевых действий в ноябре 1918 г., по мнению автора, не принесло с собой «замирения».

В девятой главе «Мир без примирения» автор анализирует ход и результаты мирной конференции, начавшейся 18 января 1919 г. в Париже и закончившейся подписанием Версальского мира и других соглашений между воевавшими странами. На конференцию не были допущены представители побежденных государств и даже Россия, потому что ни одна из «союзных и ассоциированных» держав не признала большевистского правительства (с. 157).

Э. Джентиле описывает далее послевоенные революционные события в Германии, замечая, что ее первое республиканское правительство должно было подписать мир с победителями. На Парижской мирной конференции шла речь о «новой Европе». Автор напоминает о жесткой критике Версальского договора со стороны европейских интеллектуалов. Даются цифры понесенных в войне огромных людских потерь по разным странам.

В эпилоге под названием «Конец мира» Джентиле подчеркивает, что «два выстрела из пистолета, прозвучавшие 28 июня 1914 г., спровоцировали 10 млн убитых, и последствия этого означали настоящий “конец света”». В течение лишь немногих месяцев «прекрасная эпоха торжествующего модерна стала эпохой убийственного модерна» (с. 197).

«Разразившаяся в момент, когда европейская цивилизация находилась в апогее своей мировой гегемонии, Великая война показала, до какой жестокости способна дойти наиболее цивилизованная и прогрессивная часть человечества, которая не поколебалась использовать все ресурсы промышленного производства, достижения науки и техники, организационную эффективность государственного аппарата, интеллект, культуру и искусство для того, чтобы создать гигантскую человеческую бойню с целью достичь победы над обесчеловеченным, демонизированным и превращенным в зверя врагом» (с. 198).

Скептицизм и пессимизм стали преобладать в европейской культуре после этой войны. «Мир торжествующего модерна с его верой в разум и прогресс закончился» (с. 204). Памятники погиб-

шим, воздвигнутые, чтобы смягчить боль миллионов семей и увековечить память о них в грядущих поколениях, сами по себе стали «похоронным напоминанием об эпохе торжествующего модерна, покончившего самоубийством в Великой войне», – заключает итальянский историк (с. 207).

Э. Джентиле дает краткий историографический очерк по тем темам и сюжетам, которые он затронул в своей книге (с. 213–220), и приводит небольшой список литературы, обязательной для прочтения (с. 221–222). Среди авторов основополагающих работ о Первой мировой войне им упомянуты немецкие историки Фриц Фишер и его оппонент Герхард Риттер, В.И. Ленин, французские историки Пьер Ренувен и Жан-Батист Дюрозель, англичане А.Дж.П. Тэйлор, Джеймс Джолл, Хью Стрэчен, Джон Киган, американский историк Джордж Л. Моссе. В числе новых книг о происхождении войны Джентиле упоминает новейшую монографию Кристофера Кларка и цитирует: «Конфликт был последствием не длительной деградации, а травм, полученных незадолго до его начала и потрясших международную систему» (цит. по: с. 220). Он поддерживает мнение Кларка от том, что «личности, события и силы», действовавшие в начале Великой войны, «посеяли семена других, возможно и менее страшных, войн» (цит. по: с. 220).

Признанный специалист по итальянскому фашизму, Джентиле характеризует установившиеся впоследствии три тоталитарных режима: «...с одной стороны, большевистский тоталитаризм, с другой – фашистский и национал-социалистский тоталитаризмы». Он приходит к выводу, что они вышли непосредственно из войн – большевистский из Гражданской войны в России, фашистский и национал-социалистский – из Первой мировой. Эти «три тоталитаризма выступали против либеральной и парламентской демократии, но в то же время существовал смертельный антагонизм между большевистским тоталитаризмом, с одной стороны, и фашистским и национал-социалистским – с другой» (с. 218).

«Несомненно, тоталитарные режимы использовали опыт Первой мировой войны для того, чтобы развить свои системы политики вооруженного насилия и введения палочной дисциплины в обществе под контролем единственной партии, но тоталитаризмы не были неизбежным следствием Великой войны, как и “брутализации политики”... В таких странах, как Франция и Бельгия, которые с самого начала были глубоко вовлечены в войну и пережили brutальный военный опыт, тоталитарные режимы не возникли. В той же Германии после первых лет вооруженного политического

насилия Веймарской республике удалось стабилизироваться, и национал-социалисты до 1928 г. оставались лишь небольшой партией, которая без “великого кризиса” 1929 г., возможно, никогда не пришла бы к власти» (с. 218–219).

Рассуждая в заключение о природе войн, автор замечает, что 1 сентября 1939 г. Европа вновь стала эпицентром континентальной войны, развязанной национал-социалистской Германией. Она стала Второй, самой большой мировой войной, число погибших в ней, среди которых было немало гражданских лиц, достигло 50 млн. Был совершен геноцид 6 млн евреев в европейских странах. Летом 1945 г. стало ясно, что эта новая бойня окончательно лишила Европу всяких остатков ее прежнего «примата» в мире. Продолжавшееся развитие модерна и вступление человечества в третье тысячелетие прошли без того, чтобы к первым двум добавилась третья мировая война.

Хотя после 1945 г. и происходили войны, акты геноцида, массовые убийства, продолжающиеся и в первые десятилетия XXI в., но за более чем 60 лет после Второй мировой войны наблюдался прогресс науки и технологий, сопровождавшийся заметным улучшением качества жизни, подобно тому как это происходило в десятилетия, предшествовавшие Первой мировой войне. Война не является судьбой модерна, но при модерне она начинается, когда с ее помощью пытаются разрешить противоречия, которыми насыщена жизнь народов в эпоху постоянных и неизбежных перемен. Когда эти перемены не удастся подчинить человеческой рациональности, тогда выход в виде войны может представляться наилучшим решением, заключает Джентиле (с. 219).

В.П. Любин

Кингсбери С.М.
ДЛЯ ДОМА И ДЛЯ СТРАНЫ: ПРОПАГАНДА В ТЫЛУ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(Реферат)

Ref. ad op.: Kingsbury C.M. For home and country:
World War I propaganda on the home front. – Lincoln:
Univ. of Nebraska press, 2010. – 309 p.

Монография С.М. Кингсбери посвящена одному из главных направлений развития пропаганды в Соединенных Штатах Америки в годы Первой мировой войны – пропаганде в тылу. Автор выделяет две основные задачи своего исследования. Во-первых, большое внимание уделено теории развития пропаганды. По мнению С.М. Кингсбери, ни одна из работ, «начиная от исследований А. Понсонби и Г. Лассуэлла и заканчивая современными университетскими пособиями», не сумела в полной мере прояснить причины успеха пропаганды войны среди мирного населения (с. 9). Второй задачей исследования автор считает выяснение истоков и непосредственных результатов всеобщего воодушевления и тотальной вовлеченности американского общества в дело борьбы с далеким врагом.

Монография состоит из введения, пяти глав и заключения. В первых трех главах С.М. Кингсбери рассматривает роль женщин как «одновременно объектов и субъектов» военной пропаганды. Анализируются не только практические шаги американских властей в области пропаганды, но и идеологическая основа, предпосылки для массовой партиципации населения в начавшейся войне. По мнению автора, несомненный успех кампании по преобразованию «домохозяйек в тыловых солдат, а детей – в поджигателей войны» невозможно было объяснить только лишь четкой центра-

лизованной организацией (с. 10). Первая мировая война внесла огромный вклад в развитие социального и психологического контроля над обществом посредством самых разных каналов распространения информации. С.М. Кингсбери особо выделяет те из них, которые человек воспринимает не как источники агрессивного информационного давления, но как собственное средство получения первичной, наиболее необходимой информации, а значит – и нового знания. Большое значение приобретает контекстное, скрытое психологическое воздействие посредством наиболее близких и понятных человеку форм подачи информации. Иными словами, реклама в журнале, снабженная к тому же яркой иллюстрацией, имела гораздо больший эффект, чем пространные официозные газетные статьи о значении войны и необходимости экономии продуктов питания. Использование в пропагандистских целях сферы развлечений и досуга позволило «войти в каждый дом», в личную жизнь человека и систематически пробуждать в нем «нужные» мысли. Именно в годы Первой мировой войны пропаганда, по выражению исследователя Л. Фрейзера, «превратилась из искусства в ремесло, а затем – в науку» (цит. по: с. 17).

Исследуя настроения американского общества в период войны, С.М. Кингсбери обращает внимание в первую очередь на женщин и детей как на социальные группы, которые в мирное время наиболее отдалены от военной, армейской жизни. Следует отметить, что предвоенное общество не только констатировало, но и культивировало эту «удаленность» женщин и детей от войны и ее нелицеприятных сторон. Между тем трехлетний военный опыт европейских держав наглядно демонстрировал не только необходимость, но и неизбежность вовлечения широких масс гражданского населения в войну и связанные с ней экономические, политико-правовые и социальные процессы. Война достаточно быстро приобрела социокультурное измерение, прочно вошла в жизнь и повседневный быт миллионов европейцев. В случае с Соединенными Штатами значимыми особенностями были удаленность театров военных действий и изначальная необходимость поддерживать «боевой дух» населения, его уверенность в том, что война с Германией ведется в интересах каждого американца. Особенно это касалось остававшихся в тылу женщин – тех, кто производил для армии продовольствие и боеприпасы, кто мог лучше всего поддержать своих родственников, отправившихся на фронт. Женщина одновременно становилась и целью пропаганды, и ее главным «оружием».

Как отмечает С.М. Кингсбери, условия военного времени не застали американские власти врасплох. Напротив, необходимость экономии продовольствия стала стимулом к созданию новых правительственных органов, централизованно управлявших продовольственным снабжением. Созданное в августе 1917 г. Продовольственное управление во главе с Г. Гувером «немедлительно приступило к мобилизации пищевой промышленности, ресторанов и кухонь» для адаптации их работы к реалиям войны (с. 27). Продовольственное управление уделяло особое внимание бытовому потреблению пищи и стремилось, как и в случае с предприятиями и ресторанами, к максимальной дисциплинированности и ответственности домохозяек перед страной.

С самого начала войны многократно возросло значение женщины в экономике, культуре и политике. Помимо замещения мужчин на производствах, женщины должны были олицетворять собой надежный тыл, моральную опору для своих братьев, мужей и отцов, призванных на войну. Соответственной задачей было убеждение женщин в их «предназначении» и исключительной важности для страны. В условиях пропагандистской кампании по ограничению потребления продуктов питания домохозяйки «призывались исполнить ту роль, для которой были рождены» (с. 27). Многочисленные брошюры, книги и плакаты подробным образом описывали возможные пути сокращения калорийности пищи, более активного использования различных вкусовых заменителей и суррогатов. Ежедневное приготовление обеда или ужина возводилось в ранг «науки», а импровизация в процессе готовки могла осуществляться только в рамках «рекомендованных» рецептов (с. 35). Женщине внушалось, что каждая потраченная «напрасно» калория ухудшает положение страны и армии, а в конечном итоге – отдалает победу над врагом (с. 39). В этом смысле самоограничения и тотальная экономия являлись «долгом» каждой домохозяйки, а кухня фактически признавалась частью единого тыла, где любая «неосторожность» или «излишняя» расточительность приравнивались едва ли не к саботажу. «Дом и страна были теперь неразрывно связаны» (с. 33).

На общенациональном и местном уровнях Продовольственное управление обращалось, прежде всего, к женским клубам, собраниям, кружкам. Это позволяло не только быстро распространять идеи «гуверизации» (внедрение политики продовольственной экономии, консервации продуктов и использования «специальных» рецептов) среди сотен тысяч человек, но и опереться на наи-

более дисциплинированную и активную часть женского населения (с. 30). Дисциплина домохозяек, по мысли идеологов «домашней науки», должна была обрести и определенные внешние проявления. Так, Продовольственное управление ввело для активистов форму, символизирующую, по выражению автора, «правительственную интервенцию на кухню» и создание «американской армии домохозяек». Милитаристская риторика и активно внедряемые элементы армейской дисциплины и унификации должны были дать женщине почувствовать, что она – такой же «солдат», как и призванный на фронт мужчина (с. 34). Однако С.М. Кингсбери подчеркивает, что ни дисциплина, ни допуск к «мужским» профессиям не должны были отодвигать на второй план привычный образ женщины как представительницы «слабого пола» и хранительницы домашнего очага. Более того, в исследуемой пропагандистской кампании распределение гендерных ролей совпадало с распределением ролей военных. Женщина – домохозяйка, мать, жена, сестра – стояла за спиной призванного солдата, «благословляла» его перед уходом на войну и в целом – олицетворяла собой его тыл (с. 196). Это же относилось и к медсестрам, которые, несмотря на прямое прикосновение к военному быту, должны были оставаться женщинами. Одним из наиболее характерных примеров была история британской медсестры Эдит Кэвелл, спасавшей раненых солдат с обеих сторон, но расстрелянной немцами за тайную помощь в переправке раненых солдат союзников в Нидерланды. Смерть Кэвелл очень быстро обросла легендами и пропагандистскими штампами и стала, наряду с потоплением немцами парохода «Лузитания», символом «бессмысленной» немецкой жестокости. Решительность Кэвелл, ее военный подвиг отходили на второй план перед тем фактом, что незащищенная женщина, да к тому же медсестра, была убита немецкими солдатами. Соответственными были и изображения Кэвелл на пропагандистских плакатах: перед зрителем предстала не столько медсестра, сколько олицетворение женщины и присущих ей смирения, любви, сострадания, гуманности (с. 106).

Немаловажную часть пропагандистской кампании составляло взаимодействие Продовольственного управления с прессой. Опубликование материалов, выпускаемых Управлением, формально не было обязательным для прессы, и специальные статьи и брошюры выпускались с расчетом, что «где-нибудь они будут напечатаны». Однако газеты и журналы (в том числе крупные и влиятельные) в большинстве своем относились к этим материалам

благосклонно и потому часто предоставляли им место (с. 39). Особое внимание обращалось на женские журналы. С одной стороны, они охватывали значительную часть женского населения, а с другой – активно «призывали домохозяек к оружию», т.е. к экономии, консервации и использованию «рекомендуемых» рецептов. Фактически пресса являлась «невидимой рукой» Продовольственного управления: даже инспирированные им статьи органично сочетались со многими другими публиковавшимися материалами (с. 40).

В четвертой главе рассматривается пропаганда, направленная на детей и подростков. Как отмечает автор, в США, Англии и во Франции дети являлись для пропагандистов не менее важной целью, чем взрослые. Пропаганда в этих странах фактически отрицала и даже осуждала естественное стремление родителей ограждать своих детей от войны. Напротив, дети и подростки активно вовлекались в «военную жизнь»: их призывали «экономить каждый пенни» и «есть овсяной хлеб вместо пшеничного». На войну откликалась и игрушечная индустрия: весьма популярными стали игрушечные ружья, сабли, гранаты и другие «боеприпасы» (с. 169). Новые условия требовали от детей становиться «полноценными гражданами» и разделять ответственность за страну наравне со взрослыми. Ускорение социализации сопровождалось активным внедрением в детскую психику тех черт, которые в мирное время, наоборот, осуждались. Систематическое доносительство на «бездельников и уклонистов», ненависть «ко всему немецкому» и «бережливость» в потреблении продуктов становились частью жизни несформировавшейся личности. Особое внимание С.М. Кингсбери обращает на разжигание ненависти к «другому», нередко – к соседу по школьной скамье, немцу по национальности. Задача для пропагандистов облегчалась тем, что дети зачастую недостаточно критично воспринимают получаемую информацию, восприимчивы к различным обобщениям и упрощениям, и поэтому распространить представление о «звероподобных немцах» было легче среди детей, чем среди взрослых (там же).

Детские игры, иллюстрированные книги и журналы помогали американским пропагандистам быстро и эффективно оказывать влияние на детей и подростков. Герои детских книг мирного времени с началом войны также «переоделись в форму» и встали «на защиту своего дома» (с. 172). Так, «мистер Тик-Маус» в новых, военных выпусках поступил на «службу к дяде Сэму» в звании капитана. Специальная служба, возглавляемая Тик-Маусом, искала «уклонистов», «лодырей», а также тех «плохих детей»,

которые не слушались родителей, портили продукты питания и тратили деньги на развлечения. Часто героям, «присматривающим» за порядком на «внутреннем фронте», активно помогали дети, которые по ходу повествования сами переходили из числа «непослушных» в главные «помощники» (с. 177).

Атмосфера «ответственности» перед страной сопровождала детей на школьной скамье, в парках, на игровых площадках. В школах проводились специальные уроки, на которых ученикам повествовали о страданиях и хроническом голоде их сверстников во Франции и Бельгии, раздавали листовки с рисунками и фотографиями, наглядно демонстрирующими последствия «вторжения гуннов» (с. 182). Тексты этих листовок чаще всего призывали детей «убеждать» родителей подписаться на тот или иной внутренний займ. В дальнейшем образ ребенка, убеждающего взрослых подписаться на «займ свободы» и «помочь дяде Сэму», стал широко применяться в плакатной живописи (с. 183).

В пятой главе С.М. Кингсбери более подробно останавливается на сюжете о «немецких зверствах» по отношению к мирному населению и армиям противников. Бельгийские и французские голодающие дети и матери стали «основным элементом» пропаганды внутри Соединенных Штатов. Страдания, насилие, голод, лишения в максимальной степени персонифицировались: доклады о «преступлениях» германской армии, расходившиеся многотысячными тиражами, содержали множество отдельных примеров жестокого отношения немцев к мирному населению. Чаще всего описывались преступления именно против женщин и детей, что придавало действиям германской армии абсолютно бессмысленный, «зверский» характер. Кроме того, на плакатах женщины и дети получали «общечеловеческий» облик: они изображались без каких-либо опознавательных знаков, даже задний план нельзя было определенно отнести к той или иной местности. Читатель или зритель должен был осознать, что на месте бельгийцев и французов мог оказаться в том числе и он сам. «Враг у ворот», и без всеобщего противодействия «варварскому нашествию гуннов» такая судьба вполне могла постигнуть каждого американца (с. 260). Назидание и убеждение, таким образом, переходили в призыв к активному участию в военной кампании, к дисциплине и самопожертвованию. Так, многие плакаты призывали «не растрачивать еду, в то время как другие голодают». Слова эти, очевидно, отсылали к страданиям бельгийцев, но на сопутствующем изображении голодающей семьи не было никаких определенных примет, указывающих на национальную принадлежность (с. 223).

В заключение С.М. Кингсбери приходит к выводу, что пропаганда времен Первой мировой войны «остается одним из самых примечательных феноменов XX в.» (с. 269). Идеологи массовой пропаганды – Д. Крил, Н. Бэйкер – не могли себе представить, к чему приведут их эксперименты с общественным сознанием, какие сильные изменения в мировой истории они повлекут. Пропаганда рассматривалась как важнейший побудитель всех высших качеств человека, главный из которых – патриотизм – подавлял в человеке «слабости», неизбежно сопутствующие столь тяжелым испытаниям. С окончанием войны превалировала точка зрения, что простая семья, как миниатюрная модель, «ядро» цивилизации, сможет после победы над «абсолютным злом» спокойно вернуться к мирной жизни, будто и не было самой кровопролитной войны в истории. «Наивность» этого убеждения подтверждает судьба послевоенного, «потерянного» поколения, так и не оправившегося в полной мере от последствий войны. Но главной ошибкой было убеждение, что пропаганда может успешно использоваться только теми, кто имеет «моральное превосходство» над противником. Тот, кто «неправ», также может усиленно продвигать свою точку зрения, но в основе ее будет легкоразличимая ложь. Не в меньшей степени «наивными» были и убеждения противников и разоблачителей пропаганды времен Первой мировой войны. А. Понсонби и Г. Лассуэлл, в 1920-е годы выпустившие свои монументальные исследования пропаганды в прошедшей войне, были убеждены, что раскрытие правды о «лжи в военное время» поможет человечеству избежать этих ошибок в дальнейшем (с. 267). Широкое применение пропаганды в тоталитарных и авторитарных государствах в XX в. также показывает неадекватность этих точек зрения.

Автор отмечает, что и в наступившем столетии человечество не только не оставило это «опасное оружие», но и продолжает его совершенствовать и активно использовать. Ни одно общество и ни одна страна современного мира не имеют «вакцины» от пропаганды и от ложного убеждения, что «дважды два – пять, а не четыре» (с. 270).

И.К. Богомолов

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ
РОССИЙСКИХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИСТОРИКОВ
(Сводный реферат)**

1. Актуальные проблемы истории Первой мировой войны. – М.: ИВИ РАН, 2014. – 282 с.

2. Первая мировая война, Версальская система и современность / Отв. ред. И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов. – СПб.: СПбГУ: ИВИ РАН, 2012. – 352 с.

Российские историки задолго начали готовиться к столетнему юбилею Первой мировой войны. Об этом свидетельствуют изданные в последние годы многочисленные материалы научных конференций, посвященных проблемам изучения истории войны.

Так, в октябре 2011 г. в Санкт-Петербурге прошла подготовленная и проведенная СПбГУ, ИВИ РАН и Российской ассоциацией историков Первой мировой войны конференция под названием «Первая мировая война, Версальская система и современность», по материалам которой в 2012 г. был издан сборник (2). Он состоит из предисловия и шести частей: «Военно-политические аспекты Первой мировой войны», «Национальная идея и война», «Первая мировая война и общество», «Первая мировая война и международные отношения», «Дипломатия Версаля», «Международные последствия Версальско-Вашингтонской системы». Авторы охватывают широчайший круг проблем – от различных аспектов самой войны до ее последствий и их влияния на изменения в сфере международной политики.

Среди авторов сборника не только отечественные ученые, признанные специалисты по периоду войны из Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Уссурийска, Рязани, Тулы, Тамбова,

но и представители исторической науки из Белоруссии, Австрии, Великобритании, Италии, Турции.

В предисловии отмечается, что «в истории XX века трудно найти другое такое событие, которое настолько глубоко бы изменило мировую цивилизацию, насколько это сделала Первая мировая война: распались империи, возникла сеть новых независимых государств, появилась новая система международных отношений, из горнила войны вышли мощные социальные движения, Европа пережила серьезный духовный кризис, кризис “потерянного поколения”» (2, с. 5).

«Война 1914–1918 гг. стала первой тотальной войной, когда не оставалось ни одной области человеческой жизнедеятельности, которая каким-либо образом не испытала на себе ее влияние. Раньше главными действующими лицами в войнах были армия и флот, а экономика противоборствующих сторон могла при всех военных и политических осложнениях развиваться в сравнительно мирных условиях, подпитывая своими ресурсами армию. С августа 1914 г. война испытывала на прочность экономический фундамент государств. Теперь ее исход зависел не только от блестящей военной стратегии, но еще в большей степени от усилий государства и общества в целом и от каждого гражданина в частности. В сущности, Великая война стала первой глобальной войной со всеми вытекающими последствиями» (2, с. 5).

На страницах сборника представлены некоторые новые интерпретации сюжетов истории Великой войны. Наибольшей новизной в подходах отличались выступления и, соответственно, статьи таких авторов, как Е.Ю. Сергеев, В.К. Шацилло, Д.Ю. Козлов, А.Б. Асташов, А.Ю. Павлов, А.А. Малыгина, С.Н. Базанов, И.Б. Белова, Т.В. Котюкова, У. Маццоне, В.А. Карелин, И.Н. Новикова, Л.В. Ланник, С.В. Листиков, Дж. Блэк, М. Озтюрк, Д.В. Лихарев, А.Дж. Де Робертис, В.И. Фокин.

Статье Е.Ю. Сергеева «Военная разведка России в Первой мировой войне, 1914–1918 гг.» предпослан эпиграф из слов Наполеона: «Поверьте, в военной стратегии ничто так не влияет на ход сражения, как невидимая работа разведчиков» (2, с. 20). Автор признает, что история военной разведки в России остается белым пятном отечественной историографии. За прошедшие десятилетия были опубликованы только два обобщающих труда, принадлежащих перу представителей советских спецслужб. Это связано и с объективными затруднениями в архивных поисках, «распыленностью» материалов в различных отечественных архивах, прежде

всего РГВИА и РГА ВМФ. Разрозненные публикации дневников и воспоминаний участников войны ненамного облегчают задачу исследователей.

Е.Ю. Сергеев анализирует деятельность русской военной разведки по трем направлениям: стратегическому, оперативному и тактическому. В статье отражены действия отдела генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба (ГУГШ) в структуре Военного министерства и отделений штабов приграничных округов: Петербургского, Виленского, Варшавского, Киевского, Одесского, Кавказского, а также Морского генерального штаба (Генмора).

В условиях коалиционной войны во взаимодействии со странами Антанты главную роль играл стратегический уровень. Наиболее эффективно союзные командования сотрудничали в таких областях, как агентурная, авиационная и радиотехническая разведка (2, с. 21). При этом русской разведке была присуща ведомственная разобщенность.

Однако упущения и ошибки в работе военных спецслужб не дают оснований считать военную разведку России «слабой и непрофессиональной», как это делают некоторые зарубежные авторы, очевидно, поверхностно осведомленные о результатах ее работы в годы Первой мировой войны. Руководитель германской военной разведки В. Николаи свидетельствовал, что, как показали захваченные немцами в ходе Восточно-Прусской операции (август-сентябрь 1914 г.) документы, информация о Германии, которой располагало русское командование, по своему объему была сопоставима с имевшейся в самих немецких штабах (2, с. 28).

Историк делает из своего исследования следующий резонный вывод: «Несмотря на досрочный выход России из войны, вклад офицеров разведки в конечную победу Антанты над Четвертым союзом оказался значительным, а сама русская военноразведывательная служба, приобретя богатейший опыт на полях сражений, заслужила впоследствии репутацию одной из лучших в мире» (2, с. 29).

В.К. Шацилло отмечает, что германской военно-политической элите не удалось в 1914–1915 гг. решить главной задачи – ликвидировать Восточный фронт и военным путем вывести из войны Российскую империю. Несмотря на поражения, наша армия так и не была разгромлена и к началу кампании 1916 г. вполне сохранила свою боеспособность.

Потерпели провал и все надежды германского руководства вывести из войны Россию путем заключения с ней сепаратного мира. Никто не шел на такие переговоры с немцами. «Нет ни одного документального свидетельства о том, что кто-то из высшего руководства в Петрограде был склонен пойти на мировую с Берлином» (2, с. 39).

В статье «Химическая война на полях Первой мировой: наука, промышленность, инновации» А.А. Малыгина замечает, что успех на фронтах впервые был связан с успехами в лабораториях. «Гонка открытий» не уступала по темпам «гонке вооружений», и в результате «война приобрела особый наукоемкий характер» (2, с. 57).

По итогам войны победители резко ограничили военные возможности побежденных, Германии и ее союзниц. Полному запрету подверглись четыре вида вооружений: подводные лодки, военная авиация, бронетанковые силы и химическое оружие. Примечательно, что эти пункты Версальского договора, в отличие от других, практически не вызвали разногласий у представителей стран Антанты (2, с. 65).

Ряд статей – И.Б. Беловой, Т.В. Котюковой и др. – посвящен проблемам положения военнопленных стран Четверного союза в России (2, с. 128–135, 136–146). Упоминаются и анализируются соглашения о возврате немецких, австрийских, венгерских, болгарских, турецких и других военнопленных, заключенные между Советской Россией и Германией, Австро-Венгрией (позднее отдельно с Австрией и Венгрией), Болгарией и Турцией в 1918–1921 гг. (2, с. 132–135).

Т.И. Трошина поместила в сборнике статью «Первая мировая война как “пусковой механизм” процесса социальной депривации (на материалах социальной истории северных губерний России в первой четверти XX века)». Она заключает, что в конце войны «в точном совпадении с концепцией Кейнса возник конфликт интересов, что придало событиям Революции и Гражданской войны здесь особую форму: размежевание населения происходило не на основе имущественных конфликтов, а в зависимости от степени включения в модернизированную культуру, что, собственно, и способствовало возникновению “социальной депривации”, которой было легче придать идеологические формы, необходимые для “разжигания” революционного пыла» (2, с. 155).

Итальянский историк, профессор кафедры истории христианства в университете г. Болоньи Умберто Маццоне раскрывает тему «Западные церкви и Первая мировая война». Его статья, как и

статьи других зарубежных авторов, опубликована на английском языке. Автор начинает с упоминания обращения императора Австро-Венгрии Франца Иосифа от 28 июля 1914 г. «An meine Völker» («К моим народам». – *Ref.*), в котором звучат религиозные мотивы. Маццоне приходит к выводу, что религиозная жизнь народов Европы влияла на события, связанные с войной. Особое внимание в статье уделено деятельности католической церкви и ее высших представителей в Австро-Венгрии, Франции, США, не остается в стороне от анализа и англиканская церковь в Великобритании. В пропагандистских усилиях противоборствующих сторон дело доходило до того, что, например, во Франции, отмечает автор, присутствовали «черты конфессиональной войны (католическая Франция против лютеранской Германии)» (2, с. 159).

О последствиях Версальского мира для системы международных отношений говорится в статье итальянского исследователя Де Робертиса, специалиста по истории международных отношений 1920–1930-х годов. Он подчеркивает, что в западной историографии существуют различные точки зрения на политику России в начале XX в. и СССР в 1920–1930-е годы. Однако в последние годы появляются работы, в которых осуществляется пересмотр сложившихся подходов. Западные политики и историки пытаются объяснять современную политику России, исходя из критериев исторической обусловленности и преемственности (2, с. 322–326).

Сборник, таким образом, отражает сдвиги, происходящие в российской и мировой исторической науке, изменение некоторых традиционных подходов историков.

* * *

Авторы опубликованного ИВИ РАН сборника статей «Актуальные проблемы истории Первой мировой войны» (1) поставили своей задачей, как подчеркивает в предисловии ответственный редактор сборника, председатель Российской ассоциации историков Первой мировой войны, руководитель Центра «XX век» ИВИ РАН, д-р ист. наук Е.Ю. Сергеев, «отразить новейшие тенденции» современной российской историографии, «внести скромную лепту в освещение малоизвестных или забытых страниц трагических событий 1914–1918 гг.» (1, с. 3).

В сборник вошли 11 статей по разным направлениям историографии Первой мировой войны. Прежде всего речь идет о Рос-

сии, но немало статей посвящено и другим странам – участницам войны. Представлены статьи в основном российских авторов (за исключением лишь двух иностранцев: британца Джонатана Блэка и итальянца Антона Джулио Де Робертиса). В сборнике трактуется широкий спектр проблем истории Первой мировой войны.

В предисловии отмечено, что сборник строится по проблемно-хронологическому принципу. Он открывается статьями О.В. Павленко и В.К. Шацилло; в них раскрываются малоизвестные аспекты военного планирования великих держав и нюансы их дипломатических отношений. В статьях Е.Ю. Сергеева, Д.Ю. Козлова, Г.Д. Шкундина анализируется положение дел на Восточно-Европейском театре военных действий, включая акваторию Балтийского моря и Румынский фронт. Интересны статьи Д.В. Лихарева о военно-морском сотрудничестве Великобритании и США, В.В. Романова и Н.Ю. Жуковской, освещающие политику США в отношении Великобритании и Канады.

Е.Ю. Сергеев в статье «Роль Восточного фронта в Первой мировой войне» пишет, что изучение колоссального военного опыта, который приобрела Россия на полях сражений в годы Первой мировой войны и вооруженных конфликтов сразу же после ее окончания, представляет собой важную исследовательскую задачу на современном этапе развития историографии. Ее значимость обусловлена тремя моментами: 1) введением в научный оборот большого массива источников из ранее недоступных архивных фондов; 2) появлением новой генерации историков, свободных от прежних идеологических стереотипов и владеющих компаративными методами исследования; 3) исчезновением прежних барьеров, затруднявших международные контакты ученых, и расширением возможностей получения информации через глобальные компьютерные сети (1, с. 56).

Автор критикует положение дел в отечественной и западной историографии, подчеркивая, что количество работ по истории Восточного фронта было довольно ограничено. Эта ситуация начинает исправляться лишь в последние годы, когда появились содержательные исследования, авторы которых продемонстрировали «изменение парадигмы научного поиска по созданию концепции Второй Отечественной войны в истории России, которая находит себе все больше приверженцев среди специалистов» (1, с. 57).

В статье В.В. Романова и Н.Ю. Жуковской «От “Североатлантического треугольника” к “Североамериканскому партнерст-

ву”»: США и Канада в годы Первой мировой войны» показано, как в то время формировалось сотрудничество двух стран, известное ныне как «особое партнерство», основанное на своеобразной североамериканской идентичности (1, с. 139–156). В отечественной историографии указанной проблематике уделялось мало внимания. «Между тем история сотрудничества США и Англии на морях и динамика отношений заокеанской республики с крупнейшим британским доминионом в Западном полушарии полны, как это хорошо показано в публикуемых материалах, противоречиями и коллизиями, требующими углубленного изучения», – подчеркивает Е.Ю. Сергеев (1, с. 3–4).

Острая внутриполитическая борьба, шедшая во многих странах Европы в период войны, представлена конкретным примером Швеции. В статье И.Н. Новиковой о шведском нейтралитете «Нейтралитет или союз: внутриполитическая борьба в Швеции по вопросам внешней политики в годы Первой мировой войны» использованы документы многих отечественных архивов. Автор, широко использующая собранные архивные материалы на ряде языков, отражает основные тенденции и этапы внутриполитической борьбы, объясняя неучастие королевства в войне. В статье показывается, что «активисты» и «нейтралисты» в Швеции вели на протяжении всей войны непримиримую борьбу. (Схожее положение было в нейтральной Италии 1914–1915 гг., где нейтралитет был провозглашен на день раньше, чем в Швеции, 2 августа 1914 г., и на протяжении более девяти месяцев шла жесткая борьба между «интервенистами» и «нейтралистами». – *Редф.*) Автор статьи отображает нюансировку и повороты не только в официальной политике, но и в пропагандистских усилиях сторонников «активистской» партии, следовавших в фарватере германской пропагандистской машины.

На основе проведенного анализа отмечается, что «нейтралитет Швеции не был беспристрастным». Страна шла на уступки тому, от кого в конкретный момент исходила наибольшая для нее угроза. В 1914 – первой половине 1917 г. и весной 1918 г. это была Германия, и нейтралитет имел прогерманский характер. «Несмотря на то что в общественном мнении доминировал тезис о “русской угрозе” Швеции, в действительности шведская правящая элита опасалась не России, а Германии» (1, с. 184). Но на завершающем этапе войны Швеция оказалась ближе к лагерю антантовских победителей, прежде всего Англии.

В.В. Дамье в работе «Анархисты, синдикалисты и Первая мировая война» подчеркивает, что «Великая война смела хартию нейтрального синдикализма», послевоенный выбор «стоял между большевизмом и анархо-синдикализмом» и «речь шла о превращении войны в социальную революцию» (1, с. 221).

Статья И.В. Смирновой (МГУ) посвящена восприятию войны в военной и гражданской среде Великобритании. «Война затронула не только прямых участников, но все общество в целом. Она меняла не только фронт, но и тыл, к сожалению, в разных направлениях» (1, с. 206). Автор пишет о глубоком расколе британского общества, вызванном разным восприятием войны: с одной стороны, самими фронтовиками, с другой – гражданскими в тылу, когда солдаты, приезжая в отпуск, опасались упоминать о настоящей войне, а гражданские предпочитали рассуждать о вымышленной, созданной прессой (1, с. 206–207).

Касаясь политики западных держав, и прежде всего США, по «прибалтийской проблеме», С.В. Листиков приходит к выводу, что для переговорщиков на Парижской мирной конференции эта проблема в рамках «русского вопроса» была одной из наиболее запутанных (1, с. 243). Что касается самих прибалтийских политиков, то «сложившаяся взаимная нелюбовь с Москвой едва ли вселяла в прибалтийские правительства уверенность, что она окончательно отказалась от желания восстановить контроль над утраченными в годы мировой и Гражданской войн Российским государством землями региона. Что не делало перспективы взаимоотношений лимитрофов с большим восточным соседом стабильными и спокойными, лишенными ожиданий крутых поворотов» (1, с. 273).

Подробный анализ политических шагов великих держав – как стран Антанты, так и стран Четверного блока – по вовлечению Румынии в войну или, наоборот, удержанию ее в положении нейтрального государства, а затем и самих боевых действий после присоединения румынской армии к усилиям армий Антанты, и прежде всего русской армии, дается в статье Г.Д. Шкундина «Румынский фактор в наступлениях российской армии 1916–1917 гг.: воздействие и последствия» (1, с. 101–123).

В.П. Любин

**ОБРАЗЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
В СОЗНАНИИ ЕЕ УЧАСТНИКОВ
И НАШИХ СОВРЕМЕННИКОВ
(Сводный реферат)**

- 1. Черниловский А.А. Образ Первой мировой войны в сознании военной элиты Российской империи.** – Орел, 2011. – 204 с.
- 2. Великая война 1914 года: Сб. ист.-лит. произв. / Сост. Р.Г. Гагкуев.** – М.: Содружество «Посев», 2014. – 400 с.
- 3. Белаш Е.Ю. Мифы Первой мировой.** – М.: Вече, 2012. – 416 с.

Монография доктора исторических наук, преподавателя Государственного университета в г. Орле А.А. Черниловского (1) посвящена анализу представлений военной элиты России рубежа XIX–XX вв., начиная от зарождения противоречий с Германией в 70-е годы XIX в. и заканчивая Февральской революцией. Книга состоит из трех глав, приложения с материалами о структуре военной элиты и библиографии.

Первая мировая война по своим масштабам и жертвам во много раз превзошла все ожидания, перечеркнула все прогнозы и планы, явилась тяжелейшим экзаменом для всех участвовавших в ней армий и государств. Россия, обладавшая самой большой в мире сухопутной армией и самым большим в мире военным бюджетом, оказалась бессильной перед второстепенными силами германской армии, главные силы которой, утверждает автор, на всем протяжении войны находились на Западном фронте. Неспособность одолеть противника, продемонстрировавшая несостоятельность имперской элиты, как политической, так и военной, стала катализатором революционного взрыва, уничтожившего Российскую империю и предопределившего развитие России до

1991 г. Важным аспектом истории войны является ее отражение в массовом сознании россиян, причем особо важное значение имеют взгляды и настроения правящей элиты, поскольку она принимает решения, обязательные для исполнения всем обществом.

В первой главе «Военная элита России на рубеже XIX–XX веков» автор дает определение понятия «военная элита» как «группы военнослужащих, принадлежащих к высшему командному составу вооруженных сил, занимающих высшие командные, штабные и военно-административные должности и входящих в состав правящей элиты государства» (1, с. 36). Автор рассматривает структуру и социокультурный облик российской военной элиты на рубеже XIX–XX вв. С момента рождения принадлежали к военной элите члены семьи Романовых, а в качестве основных каналов ее рекрутирования выступали учеба в Академии Генерального штаба, специализированных военных академиях, служба в гвардейских частях, участие в боевых действиях. Особенность правящей элиты Российской империи состояла в том, что две ее важнейшие составные части, политические и военная элиты, на вершине замыкались на одном человеке – императоре.

По социокультурному облику военная элита России являлась профессиональной группой, дворянской по социальному положению и преимущественно дворянской по происхождению, полиэтнической и поликонфессиональной по составу, с преобладанием русских и православных. С точки зрения материального положения русские военачальники делились на землевладельцев и беспоместных служилых дворян, притом что вторые составляли абсолютное большинство. Как всякая социальная общность, военная элита имела определенные ценностные ориентации, к которым следует отнести религиозность, монархизм, патриотизм, долг, доблесть, честь, мужество, имперскую великодержавность, хотя они далеко не всегда соблюдались на практике.

Во второй главе «Противники и союзники в сознании военной элиты России» автор прослеживает формирование образа «вероятного противника» в 1878–1914 гг., образ врага в августе 1914 – феврале 1917 г. и «образ друга» в сознании российской военной элиты. Анализ источников показывает, что в период 1878–1914 гг. военная элита Российской империи считала, что политическое и военное положение страны ухудшилось в сравнении с предшествующей эпохой. В качестве главной угрозы воспринимались либо Англия, либо Германия, однако единомыслия в вопросе о вероятном главном противнике не было. Крайне редко воспринимались в

качестве угрозы США. Наиболее постоянными кандидатами на роль вероятного противника считались Австро-Венгрия и Турция. Италия воспринималась как возможный член враждебной коалиции; Швеция, Румыния и даже традиционно дружественная Болгария – в качестве вероятных фланговых противников. Афганистан рассматривался как авангард англо-индийской армии. Революции в Турции и Иране в начале XX в. породили опасения джихада против России. Экономическая и военная модернизация Японии в 1890-е годы воспринималась как «желтая опасность».

С объявлением войны в августе 1914 г. в качестве врагов в сознании российской военной элиты выступают Германия и ее союзники, а также некоторые народы самой России (немцы, евреи, жители Средней Азии). Место главного противника заняла Германия, это сочеталось с высокой оценкой морального духа ее армии и народа. Что касается отношения к союзникам по Антанте, то оно также было дифференцированным. Великобритания и Франция воспринимались как союзники сильные, но ненадежные, причем наблюдалась тенденция перекладывать на них ответственность за собственные поражения. Япония, по понятным причинам, вызывала у многих русских военных неприязнь, и ее присоединение к Антанте не изменило этого отношения. Восприятие Италии и Румынии можно охарактеризовать как презрительное. Наиболее искренние симпатии русские военные питали к Сербии и Черногории, хотя отношение к ним претерпевало изменения.

В третьей главе «Предвидение мировой войны российской военной элитой» рассматривается предвидение будущей войны до ее начала и предвидение позиционной войны с 1914 по 1917 г. Отмечая, что предвидение в военной науке по сравнению с социальными науками имеет ряд специфических особенностей, автор вместе с тем констатирует, что отсутствие у царской России военной доктрины открывало возможность дискуссий о перспективах будущей войны.

Вопрос о сроках войны с Германией стал рассматриваться лишь после Боснийского кризиса. В качестве таковых в большинстве случаев назывался 1915 год. Ни весной 1914 г., ни даже в промежутке между сараевским убийством и австрийским ультиматумом Сербии русские генералы не ожидали скорого начала войны.

«При прогнозировании будущей мировой войны военная элита России в подавляющем большинстве мыслила в рамках представлений Наполеона и Мольтке, – констатирует автор. – Русские военные, конечно, понимали, что эта война по масштабам

несоизмеримо превзойдет все предыдущие, но так и не смогли подняться до осознания ее подлинных масштабов, а тем более не смогли увидеть ее качественных отличий от прежних вооруженных конфликтов» (1, с. 155).

Обсуждались два сценария развития событий: когда основные силы Германии будут брошены против России и когда они будут направлены против Франции. В качестве самой большой опасности рассматривался вражеский десант под Петербургом, но к 1914 г. он считался уже маловероятным. При решении вопроса о продолжительности и исходе войны большая часть военной элиты считала, что она будет скоротечной и что исход ее будет решен генеральным сражением. Точка зрения другой части парадоксальным образом сочетала передовые для того времени мысли о длительном, изматывающем характере будущей войны и опыт Отечественной войны 1812 г. Сторонники этой точки зрения, по аналогии с событиями столетней давности, считали залогом победы России ее географические особенности, климат и даже экономическую отсталость. При этом полностью игнорировались и прогресс военной техники, и внутренняя нестабильность огромной страны, проявившаяся в событиях 1878–1881 и в несравненно большей степени – 1905–1907 гг.

Тактическое прогнозирование автор характеризует как неадекватное. Война виделась как серия непродолжительных столкновений пехотных масс при поддержке конницы и артиллерии преимущественно средних калибров на фронте протяженностью не более 200–250 км. Мысль о сплошном позиционном фронте от моря до моря и о массовом применении боевой техники никому не приходила в голову. Столь же неадекватно мыслилась и экономическая составляющая будущей войны: предполагалось снабжать армию за счет военной промышленности и довоенных запасов, никто не предполагал, что возникнет необходимость перевода всей экономики на военные рельсы.

Когда война началась, военная элита была настроена весьма оптимистично. Осенью 1914 г. произошел переход к позиционной войне, явившийся шоком для русских военных. Тем не менее до весны 1915 г. военная элита России в своем большинстве была уверена в победе. Однако поражения русской армии весной-летом 1915 г. серьезно поколебали оптимизм военной элиты, у многих ее представителей стали появляться опасения в том, что неудачи приведут к революции и крушению правящего режима. Летом 1916 г. в связи с успехом наступления Юго-Западного фронта

имел место еще один всплеск оптимизма. Зимой 1917 г. русские генералы, за редким исключением, ожидали затяжной войны и считали положение весьма тяжелым, но Февральская революция для большинства из них была неожиданной, хотя впоследствии некоторые в своих мемуарах пытались преувеличить свою проницательность.

В заключение автор подчеркивает, что «военная элита есть не арифметическая сумма генералов и адмиралов, а социальная общность с развитым групповым самосознанием, системой ценностей, менталитетом, представлением об окружающей социальной действительности... Военная элита Российской империи конца XIX – начала XX в. выступала, наряду с политической, как сила, от решений которой зависел вектор исторического развития страны и ее поведение на международной арене. В 1914–1917 гг., в условиях глобального вооруженного конфликта, от решений военной элиты зависели действия русской армии на театре военных действий и, в значительной мере, исход вооруженного противостояния» (1, с. 157).

В период 1878–1903 гг. прогнозирование носило оптимистический характер. В период 1905–1912 гг. под впечатлением поражения на Дальнем Востоке и революции военная элита была скептически настроена относительно перспектив европейской войны. Период 1912–1914 гг. характеризовался новым всплеском шапкозакидательских настроений, включая первые месяцы войны с Германией. Осенью 1914 г. возникло явление, в военной истории небывалое и никем не предвиденное, – сплошной позиционный фронт. Подводя итоги, автор утверждает, что прогностический и, по многим показателям, даже синхронный образы мировой войны в сознании военной элиты Российской империи не были адекватны реальности. Ошибочные представления порождали ошибочные решения, которые, в свою очередь, были одной из причин неудачного для России хода войны (1, с. 160).

* * *

Книга «Великая война 1914 года» (2), подготовленная к столетию начала Первой мировой войны, объединила произведения ее участников и очерк двух историков, впервые опубликованные в 1915 г. В дневниковых записях иркутского казачьего офицера Л.В. Саянского (1889–?) «Три месяца в бою» описаны будни вой-

ны, проведенные им в действующей армии. «То, что пережито в эти три месяца, каждым из нас – громадно, – пишет он. – Так громадно, что только теперь, когда мы по очереди уходим из этого ада, раненные, больные и контуженные, только теперь мы начинаем сознавать ту перемену, какую совершила в нас эта война. Она изменила взгляды, вкусы, привычки. Она научила многому, и она изменила смысл жизни» (2, с. 5).

Литератор и публицист В.В. Муйжель (1880–1924) во время войны работал военным корреспондентом «Биржевых ведомостей» в Польше и Галиции. Написанные во время войны очерки легли в основу отдельной книги «С железом в руках, с крестом в сердце», посвященной событиям на Восточно-прусском фронте в 1914 – начале 1915 г. Авторы исторического очерка «Первый год войны» С.Н. Базанов и А.В. Олейников наиболее полно раскрывают события 1914 г., анализируя ход военных действий, основные сражения, соотношение сил участников и т.д.

Говоря о причинах конфликта между странами – участницами войны, авторы подчеркивают, что «мирное противостояние» между ними могло тянуться бесконечно долго (2, с. 347). Тем более, что Россия не желала войны, да и не была к ней готова. Авторы приводят ставшую крылатой фразу последнего реформатора Российской империи П.А. Столыпина: «Дайте государству 20 лет покоя, внутреннего и внешнего, и вы не узнаете нынешней России». Но судьба уготовила стране совсем другую историю.

«Рядовой теракт» взбудоражил Европу. Вот как описывают авторы «щепную реакцию» войны: «Под нажимом Германии правительство Австро-Венгрии вручило сербской стороне ультиматум. В нем выдвигались заранее неприемлемые условия, и Сербия их не приняла... Как же отреагировало царское правительство на австро-венгерскую агрессию против дружественной братской Сербии? Оно объявило частичную мобилизацию. Германия же, заранее начавшая тайную мобилизацию и сосредоточение войск у своих границ, нагло потребовала от России прекращения начатых приготовлений. Эту попытку грубого вмешательства в ее внутренние дела Россия оставила без ответа. Тогда 19 июля Германия объявила ей войну, затем 21 июля – Франции (по новому стилю 1 и 3 августа соответственно. – *Реф.*), на следующий день – Бельгии. Тогда Англия объявила войну Германии, Черногория (а вслед за ней Франция и Англия) – Австро-Венгрии. Как отнеслось российское общество к этому глобальному конфликту? Можно с уверенностью ответить, что его начало затронуло такие сокровенные

струны национального сознания, что на время царский режим получил кредит доверия (и это спустя семь лет после попытки его свержения!), тем более, что в то время только он мог организовать достойный отпор врагу. Патриотическая эйфория охватила значительные слои интеллигенции, студенчество, средние городские слои (мещанство), казачество, значительную часть рабочих и, конечно, самую многочисленную часть населения России – крестьянство» (2, с. 349).

Уже то обстоятельство, что именно немцы объявили нам войну, способствовало ее восприятию в народных массах как отечественной, направленной на отражение вражеской агрессии. В народе ее коротко называли «германской», а официально – Великой. А поскольку опасность нависла над самим Отечеством и война началась при общей народной поддержке, то появилось и другое официальное наименование – Вторая Великая Отечественная. К тому же на страницах газет и журналов в те первые дни очень часто проводили параллель с Отечественной войной 1812 г., юбилей которой с большим размахом отметили двумя годами ранее, в 1912 г. Авторы отмечают, что всплеск патриотизма выражался и в готовности к самопожертвованию. Это и мощное добровольческое движение, охватившее часть молодежи, даже рабочих, имевших бронь на оборонных заводах, студентов, интеллигенцию; женское добровольческое движение. Императрица Александра Федоровна и ее четыре дочери работали медицинскими сестрами в Царскосельском госпитале. Великая княжна Ольга Александровна также стала сестрой милосердия. Их патриотическому примеру последовали другие представительницы аристократии. В первые дни войны были образованы Всероссийский союз помощи раненым во главе с князем Г.Е. Львовым, затем Всероссийский городской союз во главе с московским городским головой М.В. Челноковым. В июле 1915 г. эти союзы слились в Союз земств и городов, председателем которого стал Г.Е. Львов.

Однако по расчетам Генштаба Россия могла быть готова к большой войне в лучшем случае к 1917–1919 гг., что и обнаружилось в самом начале войны. Подводя итоги ее первого года, 1914-го, авторы отмечают, что ни одной из воевавших коалиций не удалось выполнить своих планов. К концу года на всех фронтах приостановились маневренные действия и война приобрела позиционный характер. В целом кампания 1914 г. закончилась в пользу Антанты, в чем немалая заслуга России. Если в августе 1914 г. русский фронт притянул на себя до 58 австрийских и германских

пехотных дивизий, то в декабре – 94, т.е. более 48% действующих войск германского блока. Германский план молниеносного разгрома противников потерпел полный крах, война приняла затяжной характер.

К концу 1914 г. противоборствующие коалиции израсходовали запасы вооружения и боеприпасов, поскольку их генеральные штабы рассчитывали закончить войну в короткие сроки с имеющимися мобилизационными запасами, пополняемыми лишь текущим производством на оборонных заводах. Причем ни одна из воюющих стран не собиралась проводить мобилизацию экономики. Встретившись уже в ходе войны с непредвиденно большим расходом боеприпасов и оружия, правительства воюющих держав стали привлекать к военному производству частные предприятия. В Германии, Франции, Англии были созданы специальные государственные органы по планированию производства и распределения. Россия же создала подобные организации – военно-промышленные комитеты – лишь в мае 1915 г.

В конце первой военной кампании начала сказываться проблема кадрового состава русской армии. В первые месяцы войны боевые действия вели кадровые, хорошо обученные полки и дивизии, и потери среди них были немалые. На фронт прибывали все новые части, состоявшие из неподготовленных солдат и офицеров запаса. К этой проблеме добавилась нехватка боеприпасов, амуниции, продовольствия, железнодорожный транспорт едва справлялся с перевозками. На фронте не хватало артиллерии, особенно тяжелой, авиапарк также сократился и был сильно изношен.

Возникали проблемы и в тылу. Война начиналась при единой поддержке всех слоев российского общества, но уже к концу года пошло расслоение на патриотически настроенных граждан и так называемых шкурников, пытавшихся увильнуть от призыва в действующую армию. Предшествующие войны касались только профессионалов, велись небольшими контингентами войск, обычно на чужой территории, и, главное, были непродолжительны. Теперь же все оказалось иначе: война затронула подавляющую часть мужского населения страны, изменила положение женщин, сменивших мужчин на работе в промышленности и сельском хозяйстве. В такой непростой обстановке закончилась первая военная кампания.

Книга «Мифы Первой мировой» (3) военного историка Е.Ю. Белаша, насыщенная большим фактографическим и цифровым материалом, состоит из десяти глав, названия которых отражают, с точки зрения автора, бытующие представления о самых характерных явлениях Первой мировой войны и частично – российской революции и Гражданской войны. Книга снабжена подробной библиографией, зарубежной и российской.

Первая глава «Война из-за Принципа» является попыткой ответа на вопрос, из-за чего началась Первая мировая война. Позднее шутили: «Из-за Принципа», т.е. боснийского серба Г. Принципа, смертельно ранившего эрцгерцога Австро-Венгрии Франца Фердинанда. Однако произошедшие задолго до этого покушения на глав правительств крупных стран не стали причиной войны, тем более мировой. Мировая война произошла не просто из-за династической ссоры монархов, дележа колоний или теракта, ее причины зрели не один десяток лет, а поводом могла послужить самая ничтожная стычка в любом уголке земного шара. «Невероятный рост экономики и прогресс техники стремительно меняли мир, но вместе с гордостью постепенно возникал и страх отстать от соседей» (3, с. 6). Причин, из-за чего воевать, было достаточно (как тогда думали) для любой страны.

В главе «Война на бумаге» рассказано, чем и как собирались воевать. «К концу XIX в. военные теоретики, гражданские ученые и даже фантасты не раз пытались представить, как может выглядеть будущая война. На помощь приходила как чистая фантазия, так и опыт Крымской, Франко-прусской и более мелких войн, особенно колониальных» (3, с. 18). Германские военные еще в начале 1890-х годов, в период подготовки франко-русского союза, работали над планом войны на два фронта. «Во-первых, война должна была быть обязательно непродолжительной (поскольку при затяжной войне погибала бы германская промышленность). Во-вторых, следовало молниеносным ударом вывести из строя одного противника, направив на него все силы и предоставив пока другому противнику делать все, что ему угодно... В-третьих, выведя из строя одного противника, вся армия перебрасывалась против другого и также принуждала его к миру» (3, с. 42). В 1891 г. начальником Генерального штаба был назначен граф А. фон Шлиффен, вплоть до 1906 г. занимавшийся разработкой планов войны против Франции и России.

В главе под названием «1914: Зато Париж был спасен» автор дает свою трактовку другому популярному мифу. Начиная с 20-х годов прошлого века в отечественной популярной литературе стали обычными упреки против союзников, т.е. Франции и Англии. Если русская армия, как обычно считается, пожертвовала собой в августе 1914 г., но отвлекла на себя немецкие войска и тем спасла Париж, то союзники якобы ничего не сделали, чтобы отдать долг России. Справедливы ли эти упреки? И почему война, которая должна была закончиться в считанные недели, продолжалась годы? «Сейчас трудно однозначно судить о том, смогли бы немцы захватить Париж, а затем и завершить войну в августе-сентябре 1914 г., но можно с уверенностью сказать, что не только русские войска внесли вклад в победу на Марне. Стойкость бельгийцев, французов и англичан плюс ошибки немцев тоже заложили фундамент победы. В Марнском сражении французы уже избегали бросать пехоту против артиллерии противника, предпочитая выжидать и давать действовать своей артиллерии, также перестроившейся. Заранее подготовленные укрытые позиции оставались недоступными обстрелу германских тяжелых орудий. В результате немецкая пехота часами лежала под огнем, не имея возможности сдвинуться с места. А затем на стратегическом уровне французы смогли создать спаянный фронт всего наступления в целом» (3, с. 70). В результате последующих сражений осени 1914 г. ни одной из сторон не удалось сокрушить противника. Оказалось, что каждая сторона успевает сосредоточить нужные силы и остановить наступление. Солдаты устали морально и физически, лучшие части исчезли в огне первых месяцев войны. Боеприпасы, особенно снаряды, также подходили к концу. Наступал новый период — период окопной войны. Автор отмечает, что «союзники, сами всю войну испытывая дефицит вооружения, помогали России... поставками снаряжения, присылали специалистов для организации производства, расширяли кредиты на закупку оружия, материалов и оборудования, предоставляли для перевозки свой флот... Так что обвинения союзников в предательстве, заговоре против России или нежелании воевать, пока кто-то проливал кровь, не имеют серьезных оснований, как бы этого ни хотелось послевоенным мемуаристам и публицистам» (3, с. 75–76).

На поле боя стороны все увереннее применяли новые виды оружия и новую тактику. Автор подробно рассматривает их в главах «Окопная война: хорошо забытое старое», «Чудо-оружие: газы», «Сухопутные броненосцы». Война затягивалась, и все воюю-

щие государства, не только Российская империя, неожиданно столкнулись с резким дефицитом оружия и боеприпасов. «Но Германия, Франция, Великобритания и США имели развитую промышленность и резервы роста, при четкой программе действий позволявшие пусть с серьезными и долгими проблемами, но наращивать выпуск необходимой продукции» (3, с. 225). Приводя зарубежные примеры оперативной перестройки промышленности, автор, ссылаясь на Витте, указывает, что значительная часть отечественных заказов выполнялась иностранными комиссионерами. Комиссия Скальдовского пришла к выводу, что только 30% заказа по металлургической части – русского, остальное – иностранного производства.

Приводя огромное количество примеров и расчетов, автор приходит к выводу, что «фатальной оказалась не только и не столько довоенная отсталость России по сравнению с ведущими промышленными державами (хотя и она сыграла свою роль), – ни одна страна не избежала ошибок в начальный период войны. Не меньшую роль сыграли подчиненность стратегии интересам Антанты (а не своим), а также неумение грамотно и вовремя мобилизовать и использовать имеющиеся ресурсы. Печально, что эти проблемы осознавались задолго до начала Первой мировой, но так и не были решены» (3, с. 300).

Крушение монархии в России и приход к власти большевиков рассматриваются в главе «Брестский мир в пломбированном вагоне». Подробная история Гражданской войны выходит за рамки данной книги, но в целом автор утверждает, что Белая армия повторила путь царской армии, унаследовав ее ключевые недостатки. Большинство лидеров белого движения не собирались восстанавливать монархию, которую они же и разрушали (или как минимум не протестовали против разрушения), но продемонстрировали то же неумение выдвинуть ясные и понятные солдатам цели. Когда белые располагали небольшими добровольческими соединениями, сравнительно хорошо вооруженными и обученными, с высоким моральным духом и опытом мировой войны, они побеждали. «Но как только от тактики потребовалось перейти к стратегии и логистике, государственный и военный аппарат белых просто захлебывался» (3, с. 341). Тем временем красные, несмотря на множество проблем и недостатков, по словам автора, «беспощадно борются с мародерством и саботажем, учатся комбинированному применению трофейных танков (и борьбе с ними), своих броневи-ков, артиллерии, авиации и пехоты с огнеметами и пулеметами.

И красным в создании новой армии помогают многие офицеры, вплоть до генералов и генштабистов – сначала царские, а потом и белые» (3, с. 345).

Пока Красная армия представляла собой неорганизованную массу, стремительные атаки отборных частей белых приводили к череде побед и тысячам пленных. Но против мало-мальски грамотно построенной армии излюбленная белыми и устаревшая на десятилетия тактика – лобовые атаки против насыщенных пулеметами позиций, в полный рост, не приравниваясь к местности, – уже не работала. В совокупности с полным провалом стратегии, управления, финансов, пропаганды, логистики и дипломатии это и привело к закономерному финалу (3, с. 347).

Автор ставит вопрос: почему же после настолько разрушительной, тяжелой и долгой войны мир еще не раз будет содрогаться от новых войн? Ответом служит глава «Это не мир, это перемирие на двадцать лет». Поведение победителей несло в себе зародыш будущей войны. Неофициальным лозунгом Франции стало «Немец заплатит». Великобритания получила все желаемое – германский военный флот уничтожился, а торговый флот был в полной власти англичан; все важнейшие колонии и Багдадская железная дорога переходили к Англии, экономика Германии перестала быть опасным конкурентом. США также уже получили почти все, что хотели: Антанта победила и теперь будет платить долги и проценты; Германия побеждена и больше не угрожает интересам США ни в Южной Америке, ни в Китае. 28 июня 1919 г. Версальский трактат был подписан. Великая (еще не Первая) война закончилась. Тогда почему же маршал Фош после подписания якобы сказал: «Это не мир, это перемирие на 20 лет»? Разоренная Германия мечтала о реванше. Как ни удивительно, ее возрождение было выгодно многим другим странам. Великобритании усиление Германии позволяло ослабить позиции Франции в Европе и поддержать баланс сил, будучи все тем же арбитром, роли которого она добивалась еще в XIX в. Полный крах германской экономики подорвал бы и экономику Британии. Но одновременно Англия не желала бы «сжигать мосты» между собой и Францией. Франции же угроза с востока давала возможность более-менее контролировать недовольных внутри страны. США получали дешевую первоклассную рабочую силу и заводы для филиалов своих фирм в Германии. Американские кредиты в германскую экономику позволяли Германии выплачивать репарации

европейским победителям, а тем, в свою очередь, – рассчитывать-ся с долгами перед США (3, с. 373).

Советской России, а затем СССР было жизненно необходимо разорвать дипломатическую и экономическую блокаду, а затем всемерно затруднить новые попытки западной интервенции; отсюда форсированная разработка новых образцов вооружения и готовность сотрудничать даже с недавними противниками, если это позволяло получить необходимые технологии.

Т.М. Фадеева

С.В. Беспалов

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ
ИМПЕРСКОЙ РОССИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
(по материалам научных конференций)
(Реферативный обзор)**

В постсоветский период, и особенно на протяжении последнего десятилетия, происходил заметный рост интереса российских исследователей к истории Первой мировой войны; приближающийся же вековой юбилей ее начала способствовал беспрецедентному росту количества исследований. Хотя большинство работ, изданных в последние годы, посвящено преимущественно истории военных действий, немало исследователей акцентируют свое внимание и на проблемах социально-экономического развития России этого периода. Рассматриваются степень подготовленности России к войне, ее военный потенциал, положение промышленности, аграрного сектора и финансов, состояние социальной сферы в годы войны. Указанным проблемам было посвящено, в частности, немало докладов на всероссийских и международных научных конференциях последних лет.

Изучение истории экономического развития Российской империи в годы Первой мировой важно еще и потому, что в этот период в России, как, впрочем, и во многих других воюющих странах, была создана своеобразная модель мобилизационной экономики, некоторые элементы которой были в дальнейшем воспроизведены и при Советской власти. Действительно, после начала Первой мировой войны перед государством встали задачи реорганизации аппарата управления экономикой. Такие меры, как национализация предприятий, продовольственная разверстка и государственная монополия на торговлю хлебом, были «унаследо-

ваны» большевиками от царского режима и Временного правительства и в дальнейшем использовались ими в гораздо более широком масштабе.

Как отмечает В.В. Седов, мобилизационной является экономика, «ресурсы которой сосредоточены и используются для противодействия тому, что угрожает существованию страны как целостной системе. Ведущую роль в такой экономике играет государство. Оно является единственным субъектом, способным в масштабах общества обеспечить мобилизацию необходимых ресурсов на решение им же поставленных задач. Причем решение должно быть безотлагательным, так что мобилизационная экономика действительно предстает как экономика чрезвычайных обстоятельств». Мобилизационную экономику, по словам Седова, отличают следующие признаки.

«1. Наличие угрозы существованию общества как целостной системы и ее осознание руководителями государства.

2. Постановка руководителями государства цели, заключающейся в устранении этой угрозы или противодействии ей.

3. Разработка государственного плана или программы достижения поставленной цели.

4. Организация соответствующими государственными органами действий по мобилизации ресурсов страны, необходимых для выполнения плана или программы» (10, с. 7).

По мнению Ю.П. Бокарева, опыт России показывает, что мобилизационная экономическая стратегия оказывается весьма эффективной не только в период войны, но и для преодоления экономической отсталости, ликвидации диспропорций в народно-хозяйственном развитии (этот тезис представляется весьма спорным, поскольку именно экономическая мобилизация зачастую и обеспечивает возникновение достаточно глубоких экономических диспропорций, что демонстрирует опыт как царской России, так и – в особенности – СССР. – *С.Б.*), стимулирования развития стратегически важных производств. С XIX в. государство «оказывало растущее воздействие на экономику с помощью законодательства, налогообложения, административного управления, контролировало макроэкономическую среду и выступало в роли самостоятельного хозяйственного субъекта». В годы Первой мировой войны государственное регулирование экономики значительно усилилось. Впрочем, Россия не была в этом отношении исключением. Во всех воевавших государствах и многих нейтральных странах правительства брали на себя такие функции, как обеспечение ар-

мии, городов, промышленных предприятий сырьем и продуктами питания, контролировали военное производство, транспорт и трудовые отношения. «Война вынуждала государство влиять на экономическую жизнь даже в тех случаях, когда оно не ставило перед собой такой задачи. Мобилизуя в армию мужчин, размещая военные заказы промышленности, используя гражданские средства сообщения для военных нужд, реквизируя продукты питания, лошадей, паровозы, суда, производя физические разрушения в зоне боевых действий, государство создавало для экономики серьезные трудности» (1, с. 10).

Проблемы военного времени были сходными во всех воевавших странах. Ни одна из них не была готова к длительному военному противоборству. Быстро обнаружились узкие места, прежде всего в области сырьевых и трудовых ресурсов, а также в деле снабжения населения и армии продуктами питания. Однако методы решения этих проблем совпадали лишь отчасти. Они зависели от остроты проблем, характера экономических взаимоотношений, национального менталитета. Дальше всех в сфере государственного регулирования экономики пошли Германия, Австро-Венгрия и особенно Россия. В США, Великобритании и Франции государственное вмешательство в экономику было менее решительным.

В России 10 августа 1915 г. было создано Особое совещание по обороне, принявшее от Военного министерства ответственность за производство вооружения. Помимо чиновников и генералитета в него входили депутаты от общественности и промышленники. Председатель Особого совещания по обороне военный министр А.А. Поливанов был наделен исключительно широкими полномочиями в вопросах организации военной экономики. Кроме того, было создано еще три особых совещания с чрезвычайными полномочиями: по топливу, транспорту и продовольствию.

Весной 1915 г. предприниматели создали сеть военно-промышленных комитетов как самоуправляющихся органов, с центральной организацией в Петрограде, руководившей региональными и местными отделениями. Комитеты призваны были содействовать перестройке частной промышленности на производство военной продукции, а также служили для связи с Особым совещанием по обороне, которое через военно-промышленные комитеты распределяло около половины военных заказов.

Однако, как отмечает Бокарёв, российское правительство пошло еще дальше в деле регулирования экономики и огосударствления военных предприятий. Им использовались такие методы,

как закрытие предприятий подданных враждебных государств, принудительное объединение и перепрофилирование промышленных предприятий, реквизиции и т.д. (1, с. 13).

Кроме того, в имперской России (как и в Германии, но в больших масштабах) в годы войны широко использовались меры внеэкономического принуждения к труду. В первые же месяцы войны на государственных военных предприятиях был введен специальный трудовой режим. «Забронированные рабочие не могли перейти с одного предприятия на другое без особого разрешения. Они лишались права бастовать и требовать увеличения заработной платы. Распространилась практика прикомандирования на казенные заводы солдат. Эти солдаты-рабочие закреплялись за заводами на условиях казарменного содержания. Неисполнение распоряжений заводской администрации приравнивалось к нарушению воинской дисциплины. Всего на казенные заводы были прикомандированы из воинских частей 33 тыс. солдат». К 1916 г. по всей стране распространились принудительные формы вербовки рабочей силы, закрепление рабочих за конкретными предприятиями, широкое использование ночных и сверхурочных работ, запрет забастовок и т.д. Однако эффект от мер внеэкономического принуждения был слабым. Нехватка рабочих со временем только обострялась (1, с. 19–20).

В деле распределения продовольствия европейские страны не пошли дальше выдачи пайков военнослужащим и их семьям, а также некоторым категориям рабочих. Предпринимались также попытки борьбы с высокими рыночными ценами на продукты питания. Однако в России борьба за продовольствие, по словам Бокарёва, «приняла более решительный характер. В 1916 г. в ряде крупных городов была введена карточная система распределения хлеба, мяса и сахара. При Временном правительстве карточная система стала повсеместной и распространилась на все продовольственные продукты. Со временем нормы выдачи продовольствия по карточкам уменьшались. В августе 1917 г. в Петрограде и в Москве хлебный паек был сокращен с $\frac{3}{4}$ до $\frac{1}{2}$ фунта хлеба в день. Значительную часть времени городское население было вынуждено проводить в продовольственных очередях». Оказавшись перед лицом уменьшающейся товарности деревни, царское правительство решилось в ноябре 1916 г. ввести на территории 31 губернии принудительную хлебную разверстку. «Таким путем предполагалось получить около 700 млн пудов хлеба. Однако удалось заготовить только 305 млн пудов. Из этого количества лишь 62% было вывезено из деревни» (1, с. 20–21).

Сопоставляя две мобилизационные модели экономики – российскую и германскую, Ю.П. Бокарёв приходит к выводу о том, что российская модель была с самого начала радикальнее и глубже, чем германская. С одной стороны, это было связано с менее развитой военной промышленностью России, необходимостью налаживания ряда производств, а с другой – с более активным участием государства в экономике в России, чем в Германии. «Несмотря на большие возможности, российская модель в меньшей степени деформировала экономику страны, чем германская. Несмотря на то что в обеих странах окончание войны сопровождалось экономической изоляцией и революционным движением, экономические итоги революций оказались различными. Социалисты Веймарской республики восстановили свободное предпринимательство. Российские большевики унаследовали все элементы мобилизационной политики и приступили к их углублению» (1, с. 21).

Более критично оценивает политику экономической мобилизации, проводившуюся имперскими властями, Е.Ю. Галынина. По ее словам, «процесс мобилизации российской промышленности принял тяжелый и затяжной характер. Милитаризация экономики для нужд многомиллионной армии была проведена бессистемно, в спешном порядке и с огромными материальными затратами. Свертывание гражданских отраслей производства, инфляция, безудержная спекуляция и, как результат, рост цен привели страну на грань экономического кризиса середины 1916–1917 гг.» (2, с. 40).

Начало Первой мировой войны явилось и отправной точкой продовольственного кризиса в стране. С первых дней войны начался рост цен на продовольствие, обнаружился недостаток важнейших продуктов в промышленных центрах. Заготовительная политика государственных регулирующих органов была сосредоточена исключительно на обеспечении армии и театра военных действий, что тяжело отразилось на населении тыла России.

«Правительственным попыткам нормализации продовольственной ситуации наиболее авторитетные группировки буржуазии противопоставляли собственные проекты мобилизации экономики, ориентированные на использование организационно-технического потенциала существовавших и вновь создававшихся предпринимательских организаций. Наиболее результативными оказались проекты мобилизации промышленности московской буржуазии по созданию военно-промышленных комитетов. Один из проектов передачи в руки отдельных буржуазных союзов продовольственного дела был выдвинут по инициативе петроградских финансо-

вых и предпринимательских кругов в начале 1916 г. председателем Российской экспортной палаты Е.С. Каратыгиным» (2, с. 40).

Проект Каратыгина заключался в том, что биржевые комитеты совместно с городскими думами должны были образовывать военно-торговые комитеты и привлекать к участию в них местных торговцев. Предусматривалось, что в состав местных комитетов войдут представители биржевого купечества, городской власти, местного земства, сельскохозяйственного общества и в обязательном порядке уполномоченный Министерства земледелия данного региона. Центральный военно-торговый комитет должен был состоять из представителей Совета съездов биржевой торговли и сельского хозяйства, Российской экспортной палаты, Всероссийской сельскохозяйственной палаты, местных военно-торговых организаций, Городского и Земского союзов, Петроградской и Московской городских дум, чиновников различных министерств и ведомств.

Функции комитетов сводились к закупке продовольствия для городского населения по заказу казны. С этой целью военно-торговые комитеты получали бы возможность учреждать собственные предприятия. Заготовленные продукты далее передавались органам городского самоуправления, которые совместно с представителями правительства распределяли продовольствие среди населения. Средства комитетов состояли из субсидий правительства и отчислений в размере не более 1% из оборотных сумм предприятий, получивших право выполнения казенного заказа.

Проект Российской экспортной палаты по мобилизации торговли не был осуществлен, так как большей поддержкой буржуазии пользовались военно-промышленные комитеты. Идея организации военно-торговых комитетов вызвала некоторый интерес у ряда биржевых комитетов, которые по собственной инициативе создавали паевые товарищества, предусмотренные проектом экспортной палаты. Вновь о военно-торговых комитетах Российская экспортная палата напомнила тогда, когда было принято решение об образовании Центрального комитета общественных организаций по продовольственному делу, который рассматривался буржуазией как главный орган по продовольственному снабжению с сетью местных организаций. Военно-торговые комитеты принимали на себя роль специального органа по закупкам Центрального комитета. Однако и эта организация не была санкционирована правительством, напуганным активностью предпринимательских кругов. Во многом, по словам Галыниной, это было обусловлено

тем, что «представители торгово-промышленного класса не ограничивались указаниями на пути устранения конкретных недостатков, вызванных военным временем, а тесно связывали финансово-экономические преобразования с осуществлением общего плана внутренних экономических и отчасти политических реформ. Главным требованием предпринимательских кругов было предоставление широкой частной инициативы в условиях, когда мероприятия правительства по регулированию военной экономики зашли в тупик и привели к всеобщему кризису. Пересмотр акционерного законодательства и торгового устава, отмена ограничений национального и вероисповедального характера, поддержка со стороны государства частного предпринимательства и поощрение создания представительных организаций стали лозунгами торгово-промышленного класса» (2, с. 41–42).

В то же время ряд отечественных историков и экономистов считают недопустимым говорить о социально-экономическом положении России в годы войны лишь в контексте неуклонно углублявшегося кризиса. Безусловно, вступление России в глобальное военное противостояние летом 1914 г. сразу поставило ее экономику в сложнейшие условия, угрожая в недалекой перспективе общенациональным хозяйственным кризисом. Однако, по справедливому замечанию Д.В. Ковалёва, влияние обстоятельств, связанных с участием в мировой войне, было далеко не однозначным: «Объективный, свободный от прежних исторических стереотипов анализ ситуации в российском государстве 1914–1916 гг. показывает, что разрушение его экономических основ еще не стало фактом» (6, с. 283).

Исследовав динамику хозяйственного развития в годы Первой мировой войны, А.В. Полетаев утверждает, что, руководствуясь наиболее надежными расчетами, осуществленными в свое время в Госплане, можно утверждать, что объем сельскохозяйственного производства в 1913–1916 гг. оставался стабильным и лишь в 1917 г. сократился примерно на 8%. Объем сбора зерновых в 1914–1916 гг., хотя и снизился по сравнению с рекордным урожаем 1913 г., тем не менее примерно соответствовал сбору зерновых в 1910–1912 гг. Что касается промышленного производства, то его общий объем, согласно большинству расчетов, в 1914–1916 гг. возрастал, а не уменьшался. Наконец, объем грузовых железнодорожных перевозок также увеличивался вплоть до 1916 г. Поэтому, несмотря на то что промышленность росла «прежде всего за счет увеличения производств, работавших на войну», а рост объема

железнодорожных перевозок также был обусловлен, главным образом, транспортировкой военных грузов, А.В. Полетаев полагает, что начало экономического кризиса в России следует датировать не 1914 годом, «а, по крайней мере, 1916 г., считая годом предкризисного максимума 1915 г.». Лишь в 1916 г. экономика, по его мнению, начала испытывать реальные трудности: например, со второй половины 1916 г. началось снижение реальной заработной платы промышленных рабочих, которая до этого оставалась сравнительно стабильной (9, с. 212–215).

Проблема продовольственного кризиса, с которым столкнулась Россия в годы войны, поднимается в работах Т.М. Китаниной; впрочем, в отличие от Е.Ю. Галыниной, Китанина полагает, что говорить о начале этого кризиса следует не с самого начала войны, а со второй половины 1915 г. С сентября 1915 г. Особое совещание по продовольственному делу – один из четырех высших органов по регулированию военной экономики – осуществляло специальный анкетный опрос муниципальных органов и земских организаций о продовольственном положении на местах, в производящих и потребляющих губерниях. «Первые анкетные опросы оказались более чем неутешительны. Потребность в хлебе, сахаре, соли и других продуктах первой необходимости испытывали осенью 1915 г. 99% городов и 97% уездов северных и прибалтийских губерний, 95% северо-западных городов, 88% городских поселений центрального промышленного района и приуральских губерний, 84% городов юго-западного края, 80% приволжских губерний и 72% городов центрального черноземного региона. Лишь в южной части Европейской России недостаток продовольствия ощущался менее остро. Но и там 60% городов заявили о продовольственном неблагополучии» (5, с. 146–147). Не было сомнений в том, что трудности испытывали в первую очередь промышленные центры, зависимые от ритма работы железнодорожного транспорта. Мелкие населенные пункты, снабжаемые водным путем или с помощью гужевых перевозок, менее страдали от недостатка продовольствия.

Вместе с тем анкетные ответы с мест убедили правительство в возросшей роли муниципальных органов, активно развивавших продовольственные операции. Экстремальные условия войны определили основные направления деятельности городских управ: назначение продуктовых такс, закупка продовольствия, введение карточной системы и контроль за ее исполнением, более того, – создание собственных предприятий. «Поскольку темпы городской жизни до неузнаваемости были изменены войной, внесшей стре-

мительные перемены в “медленное и тугое” течение городской жизни, муниципальные органы все решительнее реагировали на эти изменения, видя в себе олицетворение здравомыслящей деловой общественности». В то же время, как отмечает Китанина, совершенно очевидно, что «при всей своей предприимчивости муниципалитеты не могли устранить частную конкуренцию на продовольственном рынке, ибо не способны были в полном объеме удовлетворить потребности городского населения. Более того, они сами опирались на частный торговый капитал. Их деятельность в качестве серьезного конкурента сводилась к корректировке сбытовых цен вследствие устранения посреднических услуг, разумеется, наряду с распределительными функциями. Но именно это и означало регламентацию продовольственного рынка, торговли» (5, с. 147–148).

Результаты деятельности органов городского самоуправления на рынке продовольственных товаров наиболее отчетливо ощущались в крупных промышленных центрах. В большинстве же средних и малых городов муниципальные органы ограничивались долгое время лишь слабыми, разрозненными попытками вмешательства в экономическую жизнь. В этих городах борьба с недостатком продовольствия и его дороговизной так и не получила последовательного развития.

При этом, по мнению Т.М. Китаниной, если города испытывали продовольственный кризис, то в сельском хозяйстве страны в годы Первой мировой войны отмечались весьма неоднозначные процессы: «В аграрном секторе России происходили явления, не только нами еще не изученные, но даже и не понятые. В 1916 г., когда, казалось бы, все рушится, разразился страшный экономический и продовольственный кризис, происходит возрождение русской деревни». Этот феномен, по мнению Китаниной, объясняется последствиями Столыпинской реформы, тремя основными идеями которой были разрушение общины, ликвидация чересполосицы и упор не на кулака, а на середняка. И несмотря на то что большая часть крестьянства не приняла Столыпинскую реформу, последствия ее начали сказываться. Кроме того, к 1916 г. на юге России возникает движение производственных кооперативов. Крестьянская кооперация идет на союз с земствами, появляется поддержка Московского народного банка – центрального банка кооперации. «И в то же время осуществляется поддержка государства. И вот этот треугольник (земство – крестьянская кооперация – поддержка государства)» выходит на принципиально новую ступень своего

развития: производственные кооперативы и земства начинают приобретать промышленные предприятия – «заводы сельскохозяйственного машиностроения, искусственных удобрений, транспортных средства, суда, элеваторы», что вело к преобразованию хозяйственной жизни в стране. По мнению Т.М. Китаниной, в это время уже прослеживался потенциально возможный для России кооперативный путь развития (4, с. 534).

По словам М.Д. Карпачёва, парадоксом военного времени являлось наличие в стране значительных материальных, в том числе продовольственных ресурсов, исключавших, казалось бы, угрозу голода. В советской историографии проблема продовольственного кризиса долгое время использовалась для лишнего доказательства полной неспособности царских властей обеспечить нужды народа. Однако ситуация была гораздо сложнее.

Рост дороговизны, по словам Карпачёва, был крайне обременительным для горожан, «особенно для интеллигенции и даже чиновников, у которых заработки тоже подрастали, но не так заметно, как у работников, трудившихся по вольному найму. Но в деревне картина выглядела иной. Вплоть до столыпинских преобразований большинство общинного крестьянства было заинтересовано в сохранении низких цен на хлеб. Такое, внешне противостественное, отношение самых массовых производителей зерна к ценообразованию объяснялось элементарной бедностью пореформенной деревни. Это означало, что хозяйственная деятельность крестьян ориентировалась, главным образом, не на рынок, а на внутреннее потребление. Низкие цены позволяли крестьянам реализовать главную цель их трудовых усилий – обеспечить жизнедеятельность собственных семей» (3, с. 263).

Однако во время войны администрация и общественность вынуждены были констатировать, что отношение крестьян к ценообразованию изменилось самым радикальным образом. «Целевые установки крестьянской экономики стали все прочнее связываться с рыночной конъюнктурой. Главной задачей крестьянина становилось повышение доходности хозяйства» (там же). Укрепление материальных возможностей крестьян сопровождалось резким повышением спроса на их продукцию. В мясе, масле, яйцах, молоке и других продуктах нуждались горожане, армия, многочисленные беженцы. В таких условиях у крестьян стала быстро укореняться рыночная психология. «Рост денежных доходов крестьянства бросался в глаза». Кроме того, колоссальные средства крестьяне сэкономили из-за введения в России с августа 1914 г. запрета на продажу крепких спирт-

ных напитков. «Деревня, по многочисленным свидетельствам современников, в те месяцы войны отрезвела, что, естественно, не могло не улучшить ее финансового благополучия». Для многих крестьянок военное лихолетье обернулось еще одним парадоксом: ...в их семьях наступил покой, а возросшие денежные излишки порождали чувство небывалой прежде комфортности (3, с. 265–266).

Современники, по мнению Карпачёва, видели, что торговцы и предприниматели нередко создавали искусственный дефицит и, пользуясь этим, получали чрезмерные барыши. Это обстоятельство не могло не вызывать острого социального протеста. Однако государство во время войны так и не решилось существенно ограничить владельческие права всех слоев русского общества, в том числе крестьянства как главного производителя и держателя продовольственных, ресурсов. «Общество, в свою очередь, не проявило готовности пойти на ограничение таких прав. В решающий момент войны самую пагубную роль в судьбе Российской империи сыграла давняя разобщенность интересов, а у верховной власти не хватило готовности ввести совершенно необходимый в тех условиях особый режим производства, экономии и распределения всех материальных, в том числе и продовольственных ресурсов. В итоге именно кризис снабжения стал мощным детонатором социального взрыва, приведшего Российскую империю к бесславному концу» (3, с. 267).

* * *

Тяготы военного времени не могли не отразиться на положении промышленных предприятий и политике предпринимателей, столкнувшихся с проблемами как производственными, так и социальными. Вопрос о том, какие коррективы внесла война в жизнедеятельность фабрики и в систему взаимоотношений фабричной администрации с рабочими, рассмотрен О.В. Ковтуновой на примере товарищества Даниловской мануфактуры Москвы. По мнению Ковтуновой, основное воздействие на социальную политику правления Даниловской мануфактуры оказывали все возrastавшая дороговизна жизни и связанная с этим же борьба рабочих за улучшение своего положения. При этом рабочие использовали как пассивные способы борьбы (невыход на работу либо выход в недостаточном количестве), так и активные – от подачи ходатайств и требований до устройства митингов и забастовок.

О.В. Ковтунова утверждает, что основной формой мотивации труда на Даниловской мануфактуре было поощрение работников: кроме выплаты заработной платы и наград, с 1915 г. стала практиковаться выдача пособия на военное время, размер которого постоянного увеличивался. «Такой вид мотивации труда, как наказание, ввиду опасности развития конфликтных ситуаций был малоэффективен. Хотя иногда предпринимателю приходилось прибегать и к крайним мерам, например временному закрытию фабрики и увольнению рабочих» (7, с. 86–87).

Ключевым, по словам Ковтуновой, является вопрос об эффективности стимулирующих мер в условиях растущей дороговизны важнейших товаров. По ее мнению, заработки рабочих отставали от темпа роста цен в стране, хотя номинально шло постоянное увеличение доходов. «Таким образом, предпринимаемые руководством фабрики попытки поддержать материальное положение рабочих во время Первой мировой войны были сведены на нет постоянно возрастающей инфляцией» (7, с. 88).

Ряд важных аспектов функционирования одного из крупнейших текстильных предприятий России – Ярославской Большой мануфактуры (ЯБМ), основанной еще в 1722 г. по указу Петра I, – в условиях Первой мировой войны рассмотрен И.В. Шильниковой. К началу войны предприятие состояло из двух самостоятельных фабрик, на которых были сосредоточены основные производства – прядильное и ткацкое. Помимо этого на предприятии существовало значительное количество вспомогательных производств (токарно-катушечное, чугунолитейное, медно-бронзолитейное и др.). Мануфактура «входила в число самых значительных, высокоприбыльных предприятий России. В 1913 г. на предприятии работали 9280 человек» (11, с. 243).

Весьма существенное позитивное влияние на работу мануфактуры, как и других предприятий, по мнению Шильниковой, оказало принятое 2 августа 1914 г. правительственное постановление о прекращении продажи спиртных напитков на период войны. «Имеющиеся данные показывают, что прекращение продажи спиртных напитков благоприятно повлияло на ситуацию на предприятии. Сократилось количество часов прогулов и опозданий как в целом по фабрике, так и по отдельным производствам. Причем самое заметное сокращение прогулов произошло у взрослых рабочих-мужчин: примерно на 41,1% в целом по предприятию, а для ткацкого производства эта цифра составила 49,4%. У женщин, если говорить обо всей фабрике, прогулы сократились примерно

на 16,1%, у малолетних обоего пола – на 21,8%». Сократились и суммы штрафов за ряд нарушений трудовой и производственной дисциплины. Более всего это заметно в отношении штрафов за прогулы. Сумма их из расчета на одного реально работавшего сократилась в целом по предприятию примерно на 80%. Суммы штрафов за неисправную работу сократились по предприятию на 19,4% (11, с. 244).

Отмечая, что через систему военных заказов государство имело возможность регулировать виды выпускаемой предприятием продукции, Шильникова отмечает, что на положении Ярославской Большой мануфактуры это сказалось весьма позитивно. «Начало Первой мировой войны Ярославская Большая мануфактура встретила в кризисном состоянии. Еще весной 1913 г. А.Ф. Грязнов, бессменный управляющий ЯБМ в 1898–1918 гг., уведомил ярославского губернатора о планируемом в ближайшее время сокращении производства в связи с кризисом, который в тот период переживали российские текстильные предприятия... Начавшаяся Первая мировая война резко изменила положение со сбытом продукции ЯБМ. Мануфактура не стояла. Администрация фабрики получила военный заказ и сумела в короткий срок произвести необходимую перестройку производства. Выполнялись заказы интендантского ведомства». Кроме того, предприятие «поставляло пряжу для 23 частных фирм, также выполнявших военный заказ» (11, с. 245). В 1916 г. удалось заключить выгодный контракт с уполномоченным Главного артиллерийского управления.

Поэтому, в то время как на многих предприятиях численность рабочих уменьшилась из-за простоев, сокращения производства и т.д., на Ярославской Большой мануфактуре «благодаря стабильной работе предприятия в военные годы количество рабочих... увеличилось на 12,8%. Причем численность взрослых мужчин-рабочих в 1916 г. составляла около 82,8% от довоенной. Количество взрослых женщин, работавших на фабрике, возросло в 1,3 раза, подростков – в 1,5, малолетних – в 5,3 раза. Изменение половозрастного состава рабочих фабрики объяснялось призывом в армию военнообязанных работников». Высочайше утвержденное положение Совета министров от 19 октября 1915 г. разрешало широкое применение труда женщин, подростков на всех предприятиях фабрично-заводской, горной и горнозаводской промышленности, работающих на оборону. При этом выполнение военных заказов позволяло фабричной администрации сохранить на производстве наиболее квалифицированных работников. «Таким обра-

зом, вступив в военный период в кризисном состоянии, к 1917 г. Ярославская Большая мануфактура представляла собой мощное, стабильно работающее предприятие, что во многом объяснялось своевременным получением и выполнением государственного военного заказа» (11, с. 246).

К тому же в годы войны руководство предприятия получило дополнительные рычаги воздействия на работников, поскольку увольнение за какой-либо проступок или нарушение влекло за собой потерю средств к существованию иногда для целой семьи, а квалифицированные и опытные рабочие лишились бы еще и «защиты» от призыва в армию. «В период Первой мировой войны появляются циркуляры, постановления, распоряжения центральной и губернской власти, направленные на поддержание дисциплины на промышленных предприятиях. Циркуляр МВД от 13 июля 1915 г. предписывал усилить полицейский надзор за рабочим движением, согласно которому военнообязанные рабочие, получившие отсрочку и оставшиеся на заводах, выполнявших заказы Военного ведомства, в случае участия в стачках и неявки на работу должны были направляться на сборные пункты для отправки в действующую армию. Кроме того, местные власти неоднократно использовали угрозу увольнения и судебного преследования за участие рабочих в забастовках» (11, с. 247).

* * *

Роль военно-промышленных комитетов в годы Первой мировой проанализирована П.А. Кюнгом. По его словам, «представительное движение российской буржуазии к началу Первой мировой войны насчитывало уже достаточно длительную историю. Как правило, созданные к этому времени организации отстаивали экономические интересы предпринимателей, а также выполняли роль координирующих экономических центров. Вопросы же политического представительства решались, прежде всего, через создание политических партий» (8, с. 100).

Первая мировая война, по мнению Кюнга, поставила перед страной совершенно новые экономические задачи. Чрезвычайный рост потребления боеприпасов и военного снаряжения потребовал полной перестройки хозяйственной жизни страны. Достаточно быстро выявились ошибки в ее мобилизационной подготовке, дезорганизация железнодорожных перевозок, санитарного обеспе-

чения, неспособность казенных заводов справиться со снабжением армии всем необходимым. «Ответом общества на эти проблемы стало создание вначале Земского и Городского союзов, а после Военно-промышленных комитетов (ВПК)». С самого начала эти комитеты сочетали в себе две во многом противоречивые функции. Первая – это мобилизация частной промышленности на нужды государственной обороны. Вторая – объединение промышленников и предпринимателей для защиты своих политических и экономических интересов, а в перспективе и прямого их участия в государственном управлении. «Если первая функция явно отражается в программных и нормативных документах, архивных документах ВПК, то вторая проявлялась скорее в политических заявлениях и резолюциях. Во многом именно вопрос соотношения этих функций до сих пор до конца не выяснен исследователями. Были ли комитеты прежде всего экономическими организациями или ставили в первую очередь перед собой политические задачи?» (8, с. 100–101).

По мнению П.А. Кюнга, если в начале войны основной целью было достижение мобилизационного эффекта, то уже в проекте Положения о ВПК 1917 г. было открыто заявлено, что они будут существовать и после войны и участвовать сперва в демобилизации, а затем и в руководстве промышленностью в мирное время под названием «общественно-промышленные комитеты». «Было бы слишком смелым сделать вывод о том, что руководство ВПК, а это крупнейшие промышленники России, вынашивало подобные цели еще в начале войны. Скорее всего, расширение политических задач происходило параллельно ослаблению центральной власти... Хотя нельзя не отметить, что с самого своего создания ВПК ставили перед собой значительно более широкие задачи, чем хотелось бы правительству». Центральный военно-промышленный комитет практически сразу постарался занять лидирующее место в системе снабжения армии, что вызвало даже обвинение со стороны Главного управления Генерального штаба, который в докладной записке от 3 августа 1915 г. указывал, что ЦВПК «пытается работать как Министерство снабжения, облеченное самыми широкими полномочиями, притом что последние как раз отсутствуют, так как юридических оснований деятельности комитета еще не существует». С этого заявления начинается период трений между государственными заготовительными ведомствами, такими как Главное военно-техническое управление, Главное артиллерийское управление и т.п., и военно-промышленными

комитетами. «Комитеты старались взять в свои руки все поставки для армии, отводя управлениям роль простых заказчиков, не контролирующих процесс изготовления, последние же предпочитали иметь дело непосредственно с крупными предприятиями, наладившими стабильное и массовое производство, оставляя на долю комитетов организацию мелких и средних предприятий» (8, с. 101–102).

Как правило, основаниями для противоречий были взаимные обвинения в некомпетентности и неэффективности. К тому же «военно-промышленные комитеты в глазах власти обладали еще и слишком серьезными политическими амбициями, чтобы им можно было полностью доверить снабжение армии». Как показало дальнейшее развитие событий, опасения правительства не были беспочвенными. Во многом военно-промышленные комитеты стали своего рода «кузницей кадров» для будущего Временного правительства. «Поэтому если экономическое значение комитетов было все-таки достаточно скромным, то их значение как представительских учреждений сложно переоценить. Во многом именно их работа позволила российской буржуазии после Февральской революции занять активную политическую позицию» (8, с. 102–103).

Список литературы

1. *Бокарёв Ю.П.* Мобилизационная экономика в России и Германии в годы Первой мировой войны. Опыт компаративного исследования // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. – Челябинск: Энциклопедия, 2009. – С. 9–22.
2. *Галынина Е.Ю.* Попытки решения продовольственного вопроса в период Первой мировой войны // Фирмы, общество и государство в истории российского предпринимательства: Материалы Междунар. науч. конф. – СПб.: Нестор-История, 2006. – С. 40–43.
3. *Карпачев М.Д.* О кризисе продовольственного снабжения в годы Первой мировой войны // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 2012 г.: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы, X–XXI вв. – М.; Брянск: РИО Брянского гос. ун-та, 2012. – С. 255–268.
4. *Китанина Т.М.* Выступление // Россия и Первая мировая война: (Материалы международного научного colloquium). – СПб.: Нестор, 1999. – С. 533–534.
5. *Китанина Т.М.* Муниципальные структуры городов и продовольственный кризис в России в годы Первой мировой войны: продовольственные операции // Русь, Россия: Средневековье и Новое время: Чтения памяти акад. РАН Л.В. Милова. – М.: МГУ, 2009. – С. 146–149.

6. *Ковалев Д.В.* Особенности развития крестьянского хозяйства в годы Первой мировой войны (по материалам Московской губернии) // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 2012 г.: Типология и особенности регионального аграрного развития России и Восточной Европы, X–XXI вв. – М., Брянск: РИО Брянского гос. ун-та, 2012. – С. 283–291.
7. *Ковтунова О.В.* Первая мировая война и социальная политика предприятия (на примере товарищества Даниловской мануфактуры Москвы) // Фирмы, общество и государство в истории российского предпринимательства: Материалы Междунар. науч. конф. – СПб.: Нестор-История, 2006. – С. 86–89.
8. *Кюнг П.А.* Военно-промышленные комитеты как представительские организации российской буржуазии (1914–1918 годы) // Фирмы, общество и государство в истории российского предпринимательства: Материалы Междунар. науч. конф. – СПб.: Нестор-История, 2006. – С. 100–104.
9. *Полетаев А.В.* Экономические кризисы в России в XX веке // Истоки. – М., 2001. – Вып. 3. – С. 186–256.
10. *Седов В.В.* Мобилизационная экономика: от практики к теории // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века. – Челябинск: Энциклопедия, 2009. – С. 7–9.
11. *Шильникова И.В.* Текстильное предприятие и государственное регулирование в условиях войны: Ярославская Большая Мануфактура в 1914–1916 годах // Фирмы, общество и государство в истории российского предпринимательства: Материалы Междунар. науч. конф. – СПб.: Нестор-История, 2006. – С. 243–248.

Хейвуд А.

**ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ?
ДЕЗОРГАНИЗАЦИЯ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ,
ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ И ЦАРСКАЯ РОССИЯ В ВОЙНЕ,
ИЮЛЬ 1914 – МАРТ 1917
(Реферат)**

Ref. ad op.: Heywood A. Spark of revolution? Railway disorganization, freight traffic and tsarist Russia's war effort, July 1914 – March 1917 // Europe-Asia studies. – Glasgow, 2013. – Vol. 65, N 4. – P. 753–772.

Статья А. Хейвуда, профессора Университета Абердина, открывается утверждением министра путей сообщения Российской империи А.Ф. Трепова, который, выступая в Совете министров в феврале 1916 г., утверждал, что никакого расстройства транспортной системы в стране нет. Общественные жалобы в отношении функционирования железных дорог в военное время поступали в «высшие инстанции» еще с зимы 1914–1915 гг., однако министр объяснял критику завышенными требованиями к работе железных дорог, которые они не в состоянии были удовлетворить (с. 754). А. Хейвуд ставит перед собой цель определить взаимосвязь между начавшейся в 1917 г. революцией и транспортной разрухой военного времени. Для этого он считает необходимым проверить заявления о существовании в годы войны проблем с транспортом и сделать выводы об эффективности работы железных дорог.

Вместе с тем А. Хейвуд оговаривается, что формат статьи не позволит ему ответить на вопрос о том, до какой степени проблемы на железных дорогах явились причиной военно-политического крушения Российской империи в 1917 г. Главную свою задачу он видит в том, чтобы прояснить состояние железнодорожного сооб-

щения в период между началом войны и Февральской революцией, определить, увеличился или уменьшился в указанный период объем железнодорожных перевозок. По мнению Хейвуда, именно этот вопрос долгое время историками не ставился.

Среди источников, используемых автором, – ежегодные отчеты о железнодорожных перевозках и финансовые отчеты, с помощью которых он составил статистическую таблицу, позволяющую сделать вывод об активности и объемах железнодорожных перевозок за каждый год с января 1913 по декабрь 1916 г. включительно. Такой подход, считает Хейвуд, позволит увидеть, действительно ли расстройство железных дорог явилось крупной проблемой в военные годы (с. 755). Автор работал в РГИА в Санкт-Петербурге, обращая особое внимание на дела, связанные с Министерством путей сообщения (МПС).

А. Хейвуд стремится выяснить, какой объем грузовых перевозок обеспечивали государственные железные дороги, регулярно функционировавшие в 1913–1916 гг., какова была действительная производительность последних как с точки зрения веса грузов, так и расстояний, на которые их перевозили.

Он отмечает, что на всех железных дорогах Российской империи велся скрупулезный учет статистики, которая передавалась в Министерство путей сообщения в виде «ежедневных, двухнедельных, ежемесячных, годовых и прочих отчетов» (с. 756). Каждая станция ежедневно предоставляла отчеты о количестве погруженных и разгруженных грузовых вагонов, весе поездов, их маршрутах и размерах с точки зрения количества вагонов и вагонных осей. Однако, как выяснил Хейвуд, все данные, кроме годовых, считались предварительными и огромные усилия затрачивались служащими каждой железной дороги, чтобы проверить и откорректировать многочисленные статистические данные для финального годового отчета. В мирное время железнодорожная статистика собиралась в двух взаимосвязанных целях: для отслеживания эффективности сообщения с целью составления бюджета и планов инвестиций на будущее (компетенция МПС) и для отслеживания доходов и расходов с целью обеспечить доходность (компетенция Департамента железнодорожных дел Министерства финансов). Несмотря на требования военного времени и нехватку рабочей силы, отмечает Хейвуд, этот процесс продолжался беспрерывно и без структурных изменений вплоть до середины 1917 г.

Признавая, что собранные им данные могут быть неполными и неточными, Хейвуд тем не менее считает их репрезентативными

для создания «статистической картины» грузоперевозок (с. 765). Учитывая вышесказанное, необходимо признать, полагает автор, что в период 1913–1916 гг. имел место несомненный рост объема грузоперевозок, за исключением 1914 г., когда большинство регулярных грузоперевозок были приостановлены на время мобилизации. По сравнению с 1913 г. объем грузоперевозок в 1915 г. увеличился, по данным Хейвуда, на 10% и остался на этом же уровне в 1916 г. Рост при этом был достигнут без увеличения протяженности сети железнодорожного сообщения.

Автор не отрицает, что в исследуемом им вопросе остается еще много «белых пятен». В частности, считает он, данные о «пудах и верстах» за 1916 г. и первую половину 1917 г., если они сохранились, могли бы значительно приблизить историков к ответу на вопрос, когда именно начался кризис железнодорожных перевозок, охвативший Россию в 1917–1920 гг. (с. 765). Также, по мнению автора, требуется более глубокое изучение того, как именно разруха на железных дорогах способствовала военно-политическому крушению Российской империи. Вместе с тем Хейвуд с уверенностью констатирует, что расстройство железных дорог не могло быть причиной проблем с поставками, которые «подогрели» Февральскую революцию. Собранные им данные демонстрируют, что железные дороги в военное время переживали этап роста; это противоречит бытующим представлениям об их широкомасштабном расстройстве.

А. Хейвуд полагает, что источником трудностей явилась неспособность железных дорог справиться со все возрастающими потребностями в перевозках. Однако этот вопрос, по мнению автора, был в области компетенции не железных дорог, но правительства. В связи с этим в конце статьи Хейвуд формулирует новую проблему для дальнейшего исследования: почему правительство не сумело помочь железным дорогам справиться с растущим спросом на перевозки, ограничив их возможности?

Т.К. Сазонова

Хвальба А.
САМОУБИЙСТВО ЕВРОПЫ:
ВЕЛИКАЯ ВОЙНА 1914–1918 гг.
(Реферат)

Ref. ad op.: Chwalba A. Samobójstwo Europy:
Wielka wojna 1914–1918. – Kraków, 2014. – 648 s.

Автор книги, А. Хвальба – известный польский историк, профессор Ягеллонского университета (Краков) – констатирует, что в Польше интерес к истории Первой мировой войны до последнего времени был достаточно умеренным. Как исследователи, так и общество в целом считали, что это была не польская война, участвовавшие в ней поляки, не имевшие в то время собственного государства, сражались не за свои интересы. Внимание польских историков скорее привлекали сюжеты, связанные с событиями, приведшими к 11 ноября 1918 г., т.е. к восстановлению независимого польского государства. Между тем, как полагает автор, для адекватного представления о Первой мировой войне необходимо исследовать ее историю в целом, не ограничиваясь лишь польскими сюжетами. Именно такой подход и представлен в книге, что являет собой первую в польской науке подобного рода попытку.

Книга написана не совсем в стиле классического академического исследования, снабженного научным аппаратом и многочисленными сносками: работа А. Хвальбы – это скорее масштабное эпическое повествование, вышедшее из-под пера историка, владеющего не только богатым и многоплановым материалом, но хорошим литературным стилем, увлекательной манерой изложения.

В начале работы А. Хвальба естественно задается вопросом о том, кто же стал виновником развязывания войны. Польский исследователь не склонен всю вину приписывать только Герма-

нии, полагая, что «свой вклад» в это трагическое событие внесли и другие европейские державы, в том числе и Россия, самим фактом объявления мобилизации (с. 36). Анализируя атмосферу, воцарившуюся в то время в Европе, А. Хвальба замечает, что это была атмосфера готовности к войне, ожидания ее. Он приводит слова Т. Рузвельта, писавшего о Европе, «подсознательно утомленной миром» и ожидавшей войны. Выстрел в Сараеве только запустил цепную реакцию.

В Европе все были настроены на короткую, легкую войну. Кайзер Вильгельм образно обрисовывал ее ход для Германии как «обед в Париже, ужин в Петербурге» (цит. по: с. 65). Каждый из участников пункты «обеда» и «ужина» определял по-своему, но на подобном рода темпы рассчитывали все.

Работа Хвальбы построена следующим образом: автор рассматривает боевые действия на суше, исходя из хронологического и географического принципов, военные действия на море и в воздушном пространстве. В книге содержится описание всех важнейших сражений войны с анализом их значения для хода военных действий. Отдельная глава посвящена судьбе гражданского населения в годы войны (речь идет о качестве жизни, миграции, экономике, здравоохранении). В заключительной главе рассматриваются изменения в судьбах народов и рождение новой Европы.

Война, замечает автор, началась в обстановке неподдельного энтузиазма. Даже в многонациональных государствах мобилизация прошла без особых проблем. В польских землях поляки солидаризировались «со своими» монархами и государствами – Австро-Венгрией, Германией и Россией, что вызывало беспокойство польских политиков, но казалось вполне естественным представителям разделенного польского народа, лишенного, впрочем, выбора при условии сохранения лояльности властям.

Основное внимание Хвальба уделяет Западному фронту, отмечая, что наиболее значительные события происходили именно там. Одним из ключевых моментов войны он считает битву под Верденом, полагая, что «ни одна из битв Великой войны не оказала такого влияния на коллективное воображение миллионов» (с. 220). Сражение длилось гораздо дольше, чем планировалось. Участники битвы сражались с необыкновенным упорством даже тогда, когда это не имело уже никакого стратегического значения. Верден, так же как и Марна, стал одним из символов войны. Не случайно, полагает автор, именно Верден стал местом встречи военных и политиков. В 1936 г. там встречались французские и

немецкие ветераны, в 1950 г. — историки и политики Франции и Германии, пришедшие во время встречи к выводу, что ни одна из сторон не несет полной ответственности за начало войны. В 1984 г. в Вердене встречались президент Миттеран и канцлер Коль, рассматривавшие эту встречу как очередное проявление немецко-французского единения.

В панораме сражений на фронтах войны А. Хвальба не обошел вниманием и действия российской армии, рассматривая их в контексте внутривойсковых событий в стране, отмечая слабость правящего режима, его неспособность справиться с ситуацией. Весьма критически оценивая боеспособность российской армии, А. Хвальба считает наиболее успешным российским генералом А. Брусилова. Анализируя Брусиловский прорыв, он оценивает его как «пиррову победу, ослабившую и окончательно дестабилизировавшую большое царское государство» (с. 245). Экономика России не выдерживала долгой войны, инфраструктура, особенно железнодорожная, была развита слабо. Правящие круги России понимали, что немцев им не победить, все надежды возлагали на помощь союзников. Автор достаточно подробно анализирует критическую предреволюционную ситуацию в России, отмечает слабость правящей династии. Большевистский переворот, замечает А. Хвальба, вызвал у западных политиков беспокойство по поводу положения на Восточном фронте. Автор описывает активизацию действий в России иностранных держав после заключения Брестского мира: англичан и американцев в Мурманске и Архангельске, японцев на Дальнем Востоке. Его внимание привлекают и противоречия между державами, стремящимися воспользоваться слабостью России. Япония, готовая утвердиться в Сибири и Центральной Азии, встречала противодействие Америки и Великобритании, опасавшихся нарушения равновесия на Дальнем Востоке.

После заключения Брестского мира немцы перебросили часть дивизий на запад, а австрийцы — на альпийский фронт. На русском фронте остались далеко не лучшие воинские подразделения. После переброски войск Германия принимает решение атаковать противника на Западном фронте со всей мощью. В марте началось немецкое наступление с целью рассечения фронта союзных армий и последующего их уничтожения. Вначале оно было удачным, но уже в апреле было приостановлено. Хотя к июню немцы дошли до Марны и были в 60 км от французской столицы, «Париж не пал, англичане не были сброшены в море, а Бельгия не сдалась» (с. 309). Весенние наступления немцев, вошедшие в историю под

названием «наступление Людендорфа», не удалось, и осенью 1918 г. немцы потерпели ряд поражений, в которых немалая роль принадлежала американцам, к концу войны уже накопившим опыт боевых действий. Именно их помощь позволила союзникам нанести немцам серьезное поражение под Амьеном, которое Людендорф назвал «черным днем» немецкой армии.

Дело шло к заключению мира. А. Хвальба, рассматривая многочисленные мирные инициативы, предпринимавшиеся в ходе войны, замечает, что наиболее эффективными оказались усилия президента Вильсона, который «хотел войти в историю как человек, переустраивающий мировой порядок, основываясь на благородных целях и универсальных принципах, как мировой моральный лидер» (с. 326). Он шел к этой цели, несмотря на все препятствия.

В 11 часов 11 числа 11 месяца 1918 г. война была закончена. Со стороны Германии мирный договор подписали гражданские лица, а не генералы, что позволило им впоследствии утверждать, что немцы войну не проиграли. Уже в 1918 г. немецкие националисты упрекали революционеров в том, что это они всадили нож в спину Германии в тот момент, когда она была полна сил.

Завершив рассмотрение основных событий войны, А. Хвальба вновь обращается к ее истории, подходя к сюжету с несколько иными параметрами. Одна из глав посвящена «моделям войны на суше». В качестве одной из таких моделей автор представляет маневренную войну. Именно она рассматривалась в начале войны как основная. К ней готовились, ее изучали, в соответствии с ее законами строили планы. Но уже осенью 1914 г. на Западном фронте маневренная война исчерпала свои возможности, уступив место окопной. На Восточном и Балканском фронтах война носила смешанный характер, сочетая в себе элементы как маневренной, так и окопной, на альпийском фронте она изначально была окопной. В конце войны на Западный фронт вновь вернулась маневренная война. Таким образом, констатирует автор, «Первая мировая война началась и закончилась с использованием маневренной стратегии» (с. 336).

Однако «опознавательным знаком» Первой мировой стала окопная война, возможность которой до начала военных действий предвидели лишь немногие стратеги. Окопную войну не любили генералы и ненавидели солдаты. В начале войны между обитателями окопов враждующих сторон подчас складывались едва ли не идиллические отношения: бывали встречи за бокалом вина, това-

ришеские футбольные матчи, обмен подарками на Рождество. Но эта идиллия длилась недолго и не поощрялась командованием.

Это была «анонимная война», когда противники не видели друг друга, возможность проявить себя была ограничена, и часто судьба участников военных действий сводилась к борьбе не столько с противником, сколько с грязью, холодом, крысами, насекомыми и пассивному ожиданию смерти или ранения от невидимого противника. Недаром название известного романа Ремарка «На Западном фронте без перемен» позаимствовано из донесений немецких штабов. Психологически пребывание в окопах было тяжелым испытанием. На Западном фронте существовала ротация солдат, система их реабилитации. На Восточном фронте ситуация была более драматической.

Исход Первой мировой войны, так же как и всякой другой, во многом зависел от деятельности разведки и контрразведки. Использовались все традиционные методы: от прослушивания радиопереговоров до допросов пленных и дезертиров и сбора данных с помощью авиации.

Серьезную роль сыграли дешифровальщики, лучшими из которых были англичане. Во всех воюющих странах перлюстрировались письма, вскрывались посылки, выявлялись вражеские агенты и шпионы. Среди последних 10% составляли женщины, из которых самой популярной была Гертруда Зелле, более известная как Мата Хари, работавшая и на германскую, и на французскую разведки.

Все воюющие страны были охвачены шпиономанией. В трудной ситуации оказались представители народов, принадлежащих к военным противникам данной страны. Каждый рассматривался как потенциальный шпион. С определенного момента таким людям было запрещено менять фамилии. Хотя этот запрет и нарушался: так, в 1917 г. английская королевская династия из Саксен-Кобургской превратилась в Виндзорскую, каковой и является по сей день.

Активным участником мирового конфликта был пропагандистский аппарат, ведущий настоящую войну без оружия. Использовались все средства: от листовок и плакатов до театральных постановок. В Америке серьезную роль в пропаганде играли музыка и танцы. Самое активное участие в пропагандистской деятельности принимали звезды экрана, например Чарли Чаплин. Наиболее успешно пропагандистская война велась в Великобритании, где было создано первое министерство пропаганды, руководимое лордом А. Хармсвортом. Именно в Великобритании возник

первый межсоюзнический штаб психологической войны, с которыми сотрудничали помимо прочих и А. Конан Дойль, и Г. Уэллс, и Р. Киплинг. По мнению специалистов, «Великую войну можно расценивать как первую великую медиавойну в истории» (с. 390). Росли тиражи изданий, появлялись новые СМИ. Тиражи немецких газет к ноябрю 1918 г. выросли на 69,9%, тираж лондонского «Дейли мейл» в период с 1914 по 1918 г. вырос с 600 тыс. до 1 млн 800 тыс. экземпляров (с. 394).

Немалая роль принадлежала пропагандистским брошюрам. В Великобритании большим тиражом выходили так называемые «красные книжечки», среди авторов которых был историк А. Тойнби. В России выходили на немецком языке и распространялись среди пленных брошюры о преступлениях немцев и австрийцев. В целях пропаганды использовался и кинематограф, особенно в США.

По оценкам А. Хвальбы, наиболее успешно пропагандистскую войну вели страны Антанты. Источником мотивов и образов для патриотической пропаганды стали и сражения, особенно такие, которые можно было интерпретировать как столкновение различных систем ценностей и традиций. К такого рода битвам относятся Танненберг, Галлиполи, Верден. Так, битва под Танненбергом (в российской историографии – Восточно-Прусская операция) в немецкой пропаганде подавалась как образец защиты родной земли и реванш за прежние поражения (Грюнвальд, 1410 г.). Возвращался миф о вечной борьбе немецкой цивилизации со славянскими варварами.

А. Хвальба не обошел своим вниманием и вопрос об обмундировании армии. Он отмечает, что еще до начала войны в большинстве стран яркие цвета мундиров были заменены на более сдержанные. Только французы сохранили свою традиционную форму, помнившую еще 1870 г. «Красные брюки рассматривались как воплощение французского достоинства и славы французского оружия» (с. 406). Часто цитировались слова министра обороны: «Отказаться от красных брюк? Никогда! Красные брюки – это Франция» (цит. по: с. 406). Правда, опыт Великой войны все же вынудил французов изменить цвета формы на более спокойные.

Война вносила свои коррективы не только в обиход французской армии. Так, в начале войны русские, турки и французы не носили шлемов, но вскоре вынуждены были признать их целесообразность, хотя солдаты и не любили этого тяжелого головного убора, ведь и без него солдат с полной выкладкой был обременен немалым грузом.

Рассматривая проблему вооружения армий, А. Хвальба отмечает, что зловещим символом войны стал отравляющий газ. Хотя Гаагская конвенция запрещала использование разного рода ядов, едва началась война, все стороны конфликта занялись разработкой отравляющих веществ. Лидерство принадлежало немцам. Именно немецкий химик еврейского происхождения Ф. Хабер (нобелевский лауреат 1918 г. в области химии) предложил использовать хлор. Примечательно, что в то время отравляющий газ рассматривался как гуманное оружие, ибо солдаты погибали не от потери крови. На деле он оказался одним из наиболее страшных видов оружия, результаты его применения вызывали ужас даже у видавших виды военных. В годы войны использовалось 63 вида газов. Число жертв газовых атак (по разным подсчетам, от 25 до 91 тыс.) не столь велико, как от действий артиллерии, но газ стал «знаком цивилизационной деградации и варварства европейцев» (с. 423). Немцы были полны энтузиазма, оценивая эффекты применения газа, Хабер стал национальным героем, но его жена, пораженная последствиями изобретения мужа, покончила с собой.

Другим знаковым оружием Великой войны стали танки. Энтузиастами этого вида вооружения, не сразу признанного, были англичане и французы. Немцы и австрийцы отнеслись к танкам довольно сдержанно. А. Хвальба полагает, что, несмотря на несовершенство нового вида вооружения, оно сыграло существенную роль в победе государств Антанты.

В главе «Судьба солдата» автор рассматривает проблемы пленных и раненых. Последних было гораздо больше, чем убитых. Число раненых превышало 20 млн. Масштабы войны превзошли все ожидания, не хватало ни врачей, ни госпиталей. В годы войны во всех воюющих странах не было недостатка в примерах мужества и самоотверженности в помощи раненым. Медсестрами становились многие женщины из аристократических семей, представительницы правящих династий.

Больницы и госпитали были заполнены не только ранеными, но и многочисленными больными: малярия, холера, тиф свирепствовали среди военнослужащих. Их жертвы превышали число павших на поле боя.

Во время войны более 8 млн человек попали в плен. Наибольшее число пленных, 3–3,6 млн, приходилось на долю россиян. На каждые 100 русских солдат, погибших до января 1917 г., приходилось 200 сдавшихся в плен. Показатели для британской армии

составили соответственно 20 на 100, для французской – 24 на 100, немецкой – 26 на 100 (с. 457). Содержание пленных было наилучшим во Франции и Германии, хуже обстояли дела в Италии и России, самые плохие условия имели место в Турции.

В лагерях содержались не только пленные. Существовали специальные лагеря для дезертиров и бунтовщиков. Наибольшее число дезертиров было в русской и турецкой армиях. Число дезертиров в русской армии увеличилось после Февральской революции¹. «Российский солдат имел слабое чувство общности с государством, еще более слабое – с народом, более сильное с монархом и хорошо воевал до тех пор, пока его контролировали и наказывали за нарушение дисциплины. Когда батюшки-царя не стало и ослабла дисциплина, солдат уже не видел необходимости участия в боевых действиях» (с. 461).

Революция в России и затянувшаяся война привели к росту дезертирства и в армиях других стран, особенно в Румынии, Болгарии, Австрии. В последней в 1918 г. число дезертиров достигало 400 тыс. человек, что составляло 5–8% общей численности австрийской армии (с. 462).

Случались и солдатские бунты. Наиболее значительными автор считает бунты в России, Германии и во Франции в 1917 г. В России и Германии они были связаны с революционными событиями. Во Франции случаи неподчинения командованию были отмечены в половине дивизий. Маршал Петен, возглавлявший французскую армию, действуя методом кнута и пряника (выносились смертные приговоры и вместе с тем увеличивались пособия солдатам и вдовам, более длительными становились отпуска), к осени 1917 г. сумел восстановить порядок в армии.

В главе «Война на море» А. Хвальба констатирует, что если в XIX в. владычицей морей была Британия, то в XX в. на эту роль активно претендовала Германия. Большим энтузиастом создания мощного флота был кайзер Вильгельм, а исполнителем проекта – Альфред фон Тирпиц. В 1908–1914 гг. на нужды флота шло 24% бюджетных средств (с. 465). Германия стала третьей морской державой после Британии и США. В 1914 г. Британия располагала 20 тыс. торговых судов, обслуживая 60% канадской торговли, больше половины торговли США, 40 – России, Бельгии, Франции

¹ А. Хвальба называет Февральскую революцию Мартовской, очевидно, исходя из того, что по григорианскому календарю, принятому в Европе, революция случилась в марте. – *Прим. реф.*

и 25% – Германии (с. 471). В годы войны англичане поставили около 310 тыс. морских мин (с. 472).

Для преодоления возникших проблем Германия широко применяла подводные лодки, что оказалось неожиданностью для британского флота. Подводный флот считался неблагородным, варварским, пиратским. Однако он оказался достаточно эффективным, и производство подводных лодок в Германии росло быстрыми темпами: если в начале войны она имела всего 28 субмарин, то в 1917 г. – 121 (с. 473). Наибольшее впечатление на современников произвела гибель пассажирского судна «Лузитания», ходившего по курсу Ливерпуль – Нью-Йорк и потопленного немцами 7 мая 1915 г. Из 1959 пассажиров погибли 1198. Среди спасенных был и американский капитан судна, который, оценивая безопасность путешествия перед отплытием, заявил, что оно будет безопаснее, «чем поездка в нью-йоркском трамвае» (цит. по: с. 479). Споры о том, перевозила ли «Лузитания» военные грузы и была ли ее отправка в рейс спланированной провокацией с целью втянуть США в войну, продолжают по сей день. В 1917 г. бывали периоды, когда каждое четвертое торговое судно не достигало цели, будучи потоплено немецкой торпедой. Всего в ходе войны на море погибло 6000 судов, из них 87,6% потоплены подводными лодками, 9 – подорвались на минах, 3,4% – уничтожены силами надводного флота (с. 498).

Доминирующее до войны мнение, согласно которому проблема господства на море будет решена в ходе одного генерального сражения, не оправдалось. Оказалось, что самые мощные суда могут быть легко затоплены торпедами. Однако одно настояющему крупное морское сражение – Ютландское – в мае 1916 г. все же произошло, в нем участвовали 99 немецких и 159 английских кораблей, 100 тыс. матросов и 3 тыс. орудий. Интересно, что обе стороны приписывали победу себе, хотя немцы и отвели свои корабли с места сражения.

В главе «Война в воздухе» А. Хвальба отмечает, что авиация в начале войны не рассматривалась как серьезное оружие. Мнение маршала Ф. Фоша, согласно которому «авиация – это хороший вид спорта, но в армии самолет бесполезен», было повсеместным. В начале войны все участники конфликта имели в своем распоряжении около 1 тыс. самолетов, из них России принадлежало 263, Германии – 232, Франции – 156, Великобритании – 130, Австро-Венгрии – 65, США – 30, Италии – 30, Бельгии – 25, Сербии – 3 (с. 499). Главными задачами авиации были разведка и связь. Во

многим именно благодаря данным о передвижении армии немецкого генерала А. фон Клюка, добытым французским летчиком, французы победили на Марне.

В начале войны самолеты не имели на борту вооружения. Более того, летчики противоборствующих сторон приветствовали друг друга в воздухе. Позднее ситуация изменилась. Во многом это связано с подвигом П. Нестерова, впервые протаранившего машину противника. Начались поиски наиболее эффективных методов уничтожения врага. Свой вклад в эти поиски внес французский летчик и изобретатель Р. Гаррос (в честь которого позднее был организован теннисный турнир), не доживший до конца войны. Летчики вообще погибали часто, но это нисколько не уменьшало популярности авиации. «Молодежь штурмовала летные школы, стремясь принять участие в великом спектакле» (с. 505). Ведь основная масса воюющих была анонимной, а каждый летчик имел свое лицо и был героем. Героизм в небе всячески поощрялся, был введен даже титул аса, который присваивался после пяти воздушных побед. Летчиков называли «небесные рыцари». В авиацию шли многие представители аристократических семей. Молодежь завидовала славе Манфреда фон Рихтгофена, лучшего аса Первой мировой войны, сбившего 80 самолетов противника. Его называли «красным бароном» из-за аристократического происхождения и цвета фюзеляжа его самолета. Рихтгофен погиб в 25 лет, будучи сбитым над вражеской территорией, и был с почестями похоронен противниками. Вообще, летчики противоборствующих сторон с почтением относились друг к другу, отдавая должное мужеству и отваге.

Помимо истребителей, большую роль в войне сыграли бомбардировщики. Первые и впечатляющие по размерам самолеты этого типа были построены Россией. «Илья Муромец» И. Сикорского мог пробыть в воздухе шесть часов и перевозить 1500 кг бомб (с. 510). Но пилоты бомбардировщиков отнюдь не пользовались такой славой и популярностью, как летчики-истребители. «Бомбардировки из-за облаков несли в себе некий элемент коварства, как выстрел в спину» (с. 510).

К концу войны представление о роли и возможностях авиации в корне отличалось от того, что было в ее начале. На всю мощь работали авиазаводы и лаборатории, воюющие стороны построили 200 тыс. самолетов, из них Германия – 46 тыс., а Россия – 5500 (с. 515–516). В ходе военных действий погибли 30–

40 тыс. пилотов, еще 12–15 тыс. – погибли во время тренировочных полетов и в результате несчастных случаев (с. 516).

Одна из глав книги посвящена судьбам гражданского населения в годы войны, а также военной промышленности. Автор отмечает, что ни одна из стран – участниц войны не рассчитывала на столь долгий срок военных действий, и поэтому перестройка экономики осуществлялась в соответствии с возникающими потребностями. Во всех странах проводились меры по централизации управления экономикой: до 30–40% производимого национального дохода контролировалось государством (с. 523). Достаточно скоро воюющие страны столкнулись с недостатком средств, нужны были кредиты. Основным кредитором выступали США, предоставлявшие займы не только странам Антанты, но и опосредованно через швейцарские, шведские и голландские банки Германии и ее союзникам.

Обращаясь к проблеме жизни на оккупированных территориях, А. Хвальба анализирует специфику оккупационных режимов различных стран – участниц войны. Первыми оккупированными странами стали Люксембург и Бельгия. Порядки, введенные здесь Германией, отличались суровостью и жестокостью, что признавали сами немцы. Экономика названных стран была разрушена и даже через 10 лет после окончания войны еще не достигла довоенного уровня. В Бельгии немцы всячески поддерживали разделение страны на фламандскую и валлонскую части. В 1917 г. по инициативе Германии была провозглашена независимость Фландрии со столицей в Брюсселе, как государства, дружественного Второму рейху.

В оккупированных российской армией Галиции и Буковине было провозглашено воссоединение этих земель, признанных законно русскими, с Россией. Украинские националисты подвергались преследованиям, многие были высланы в глубь России. Именно такая судьба постигла историка М. Грушевского и грекокатолического епископа А. Шептицкого. Российские власти проводили политику активного и, по мнению автора, достаточно brutalного насаждения православия на оккупированных землях, поощряли пророссийски настроенных русинов. В течение нескольких недель длилась российская оккупация Восточной Пруссии. Вначале российские войска вели себя корректно, не допуская насилия, но уходя из Восточной Пруссии, оставляли за собой, по сути, выжженную землю.

Еще более жесткую политику осуществляла на оккупированных землях Австрия. Сурово преследуя русинов за пророссий-

ские настроения, австрийские власти более 80 тыс. человек заключили в концентрационные лагеря, в том числе в печально известный Таллергоф.

Необычайно суровыми были оккупационные порядки в Сербии и Черногории. Более 150 тыс. сербов оказались в концлагерях и тюрьмах, где погибли более 20 тыс. человек (с. 541). Именно в Сербии и Черногории сформировалось наиболее сильное движение сопротивления, которое в целом в годы Великой войны было достаточно слабым и помимо Сербии и Черногории относительно заметным было лишь в Бельгии и отчасти в Румынии.

Годы войны стали временем возросшей социальной активности, временем забастовок, манифестаций и революций. По сути, протестные движения охватили весь мир. Не затрагивая проблемы революции в России, автор анализирует революционные события в Германии, Австрии, Венгрии. А. Хвальба отмечает, что даже в спокойных Швейцарии и Голландии забастовки и манифестации проходили повсеместно. В Чехии, Хорватии, Словаки, Сербии и Польше хотя и имели место революционные выступления, но они были явно слабее, чем движение за национальную независимость.

Заключительная глава книги посвящена именно «войне народов». А. Хвальба полагает, что, несмотря на лишения и страдания, война «внутренне укрепила народы, принимающие в ней участие» (с. 581).

Автор замечает, что опасения Петербурга, Вены, Стамбула, Бухареста по поводу возможной нелояльности «национально чуждых элементов» оказались безосновательными. Лишь в конце войны, «когда ослабли воюющие страны, ослабла солидарность с “собственной” армией, династией и государством, взяли слово национальные элиты, стремящиеся к созданию собственных национальных государств, в соответствии с провозглашенным Вильсоном правом народов на самоопределение» (с. 583). Автор рассматривает этот процесс применительно к Чехии, Югославии, Польше, Финляндии. Специальный раздел работы посвящен проблеме Миттельеюпфы, концепция которой была представлена Ф. Науманном и начала реализовываться Германией в 1916 г. На территориях, отвоеванных у России, стали создаваться автономные государства, экономически связанные с рейхом. Предполагались достижение связи не только экономической, но и культурной, и цивилизационной, обеспечение возможности эффективного использования потенциала этих территорий для военных нужд Германии. В первую очередь адресатом этой программы были поль-

ские земли. 5 ноября 1916 г. было провозглашено создание на оккупированных территориях Королевства Польского, границы которого так и не были окончательно установлены до конца войны, а король так и не был избран. Государство управлялось Регентским советом, особая роль в котором принадлежала князю З. Любомирскому. В этом государственном образовании помимо польских властей действовали и оккупационные власти, активно использующие польскую экономику для нужд Германии.

Акт от 5 ноября вызвал недовольство многих поляков. Враждебно отнеслись к нему политики, делавшие ставку на Россию, а также сторонники идеи создания Австро-Венгерско-Польского государства. Спорным был вопрос о подчинении польских легионов. Их создатель Ю. Пилсудский видел в легионах зародыш польской армии и отказался присягать кайзеру, за что и оказался в тюрьме Магдебург. Из тюрьмы он вышел 10 ноября 1918 г. как национальный лидер и герой. Пронемецкая ориентация поляков при этом значительно ослабла.

Свои легионы пытались создать и украинцы. Однако Сичевые стрельцы в силу их малочисленности серьезной роли не сыграли. В конце войны украинская дивизия была создана в Австрии, именно в ней служил горячий поборник украинизма ротмистр Вильгельм Габсбург, которого называли Василием Вышиваным.

Австро-венгерские украинцы в ноябре 1918 г. провозгласили Западно-Украинскую народную республику с центром во Львове. Это привело к войне с Польшей, не допускавшей возможности утраты Львова, подавляющее большинство населения которого составляли поляки.

В российской части Украины ситуация была еще более сложной в силу разной политической ориентации населения и отсутствия четко выраженной национальной идентичности. Центральные державы после заключения Брестского мира рассматривали Украину как восточный рубеж Миттelleвропы и рассчитывали на эксплуатацию ее природных богатств и экономического потенциала. Реализовать эти планы на практике им так и не удалось.

На территории Украины действовали и польские вооруженные формирования, воюющие против Германии, в частности корпус Ю. Довбур-Мусницкого и генерала Ю. Галлера. Политически они подчинялись Национальному польскому комитету во главе с Р. Дмовским, фактически исполнявшему роль польского правительства и в качестве такового признанного странами Антанты.

В феврале 1918 г. закончилось двухсотлетнее господство России в Прибалтике. По Брестскому миру предполагалось создание Инфляндского государства на землях Латвии и Эстонии под немецким контролем, которое Германия так и не успела создать до конца войны. Собственное государство пытались создать и литовцы. Литовский проект автор оценивает как наиболее зрелый, активно поддерживаемый литовской диаспорой. Становление литовской государственности происходило на фоне конфликтов с поляками, что было связано с претензиями Литвы на Вильнюс, где литовцы составляли не более 2% населения (с. 600).

А. Хвальба не обошел своим вниманием и проблемы становления национальной государственности на Востоке, затронув не легкие судьбы армян, евреев, арабов.

В заключение А. Хвальба отмечает, что Первая мировая война длилась дольше, чем предполагали ее участники, ввязываясь в конфликт. Надежды сторонников мира не оправдались: за исключением России, граждане всех воюющих стран проявили готовность сражаться и умирать. Экономика этих стран оказалась в состоянии выдержать столь долгое напряжение. Длительность войны объясняется и тем, что между воюющими государствами существовало относительное равновесие сил. Правда, страны Антанты располагали большим экономическим и демографическим потенциалом, но их противники превосходили их в организации труда и развитии коммуникаций. Автор полагает, что без помощи союзников Россия и Франция потерпели бы поражение. Только вступление в войну Америки с ее мощнейшим экономическим потенциалом позволило Антанте добиться успеха. Причем американцы сделали это в наиболее благоприятный для себя момент, что позволило им во многом определить условия послевоенного устройства мира. Это прекрасно осознавали страны Антанты, на стороне которых выступили США. Поэтому в конце войны, когда исход ее уже был ясен, англичане не желали предоставлять американцам суда для транспортировки на континент войск, ибо опасались, что американцы займут их место в послевоенном устройстве мира с точки зрения военной, дипломатической и финансовой. Германии не удалось обеспечить себе статус супердержавы, сплотить вокруг себя союзников, в отличие от Антанты, получившей поддержку 33 государств.

«Война, – отмечает автор, – положила конец эпохе королей» (с. 622). Рухнули монархии Габсбургов, Гогенцоллернов, Романовых, не стало Турецкой империи. Война дала шансы на возвраще-

ние на историческую сцену Польше и некоторым другим народам, но стала огромным разочарованием для венгров, потерявших по Трианонскому договору значительную часть своей территории. Война способствовала активизации национально-освободительного движения, освобождению колоний. В колониальных странах рухнул миф белого сверхчеловека, миф безусловного приоритета и единства Европы.

Война способствовала ускорению процессов демократизации. Улучшилось положение женщин и наемных рабочих, развивалось социальное законодательство. Война произошла на переломе двух эпох. Ею закончился долгий XIX век, начавшийся Французской революцией. Эта война, которую считали последней Великой войной, создала почву для Второй мировой войны.

Первая мировая война привела к многочисленным жертвам, число которых до сих пор точно не установлено, и вряд ли это когда-нибудь станет возможным, хотя наиболее вероятна цифра – 9,5 млн. К 1913 г. Европа достигла максимума в своем развитии. После войны она уже не могла вернуться к прежнему могуществу, преодолевая последствия войны и попав под власть таких идеологий, как коммунизм, фашизм и нацизм. Поэтому Версальская система продержалась лишь два десятилетия.

Л.С. Лыкошина

Пылькин В.А.

**ВОЕННОПЛЕННЫЕ АВСТРО-ВЕНГРИИ, ГЕРМАНИИ
И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ НА РЯЗАНСКОЙ ЗЕМЛЕ
В ГОДЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ. –
М.: ГОРЯЧАЯ ЛИНИЯ – ТЕЛЕКОМ, 2013. – 236 с.
(Реферат)**

В книге канд. ист. наук В.А. Пылькина рассматриваются положение военнопленных солдат и офицеров на территории Рязанской губернии в 1914–1920 гг., а также их численность, национальный состав, содержание и использование в разных сферах экономики, отношения с местным населением. Монография состоит из введения, двух глав («Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и Османской империи в Рязанской губернии в 1914 – начале 1917 г.»; «Военнопленные в Рязанской губернии в условиях революции и Гражданской войны») и заключения.

Автор пишет, что в источниках и литературе встречаются разные оценки численности военнопленных (от 1,9 млн до 2,4 млн человек), находившихся более чем в 400 лагерях. 128 лагерей располагалось в Московском военном округе, в который входила и Рязанская губерния. На 1 января в этом округе содержалось 321 тыс. военнопленных, хотя в литературе приводится и другая цифра – 521 тыс. (с. 7).

Первые военнопленные начали прибывать в Рязанскую губернию в конце 1914 – начале 1915 г. Труд военнопленных широко использовался в различных секторах экономики. Наибольшее их число на работах было отмечено в середине октября – 10 332 человека, из них 6689 – в сельском хозяйстве, 3643 – на работах у частных лиц, в торгово-промышленных предприятиях и на городских работах. Кроме того, на пунктах постоянного размещения находились еще 1664 солдата и 200 офицеров. А всего в

губернии насчитывалось тогда более 12 тыс. военнопленных. По уездам количество военнопленных существенно различалось (больше всего их трудилось в плодородных земледельческих уездах). Все офицеры были расквартированы в городах (в Рязани, Егорьевске и Касимове) и не привлекались к принудительным работам (с. 9). В губернии жили (более 3 тыс. человек) и высланные с Юга России турецкие подданные (с. 22).

Среди военнопленных преобладали солдаты и офицеры Австро-Венгрии, большинство из которых были славянами. Военнопленные в основном были заняты на работах в сельской местности. Их распределением ведали земские управы. Военнопленные предоставлялись сельским хозяевам исключительно для работы за плату, размер которой устанавливался управами. Не менее половины ее должно было выдаваться на руки военнопленному, а остальное – поступать в возмещение расходов по содержанию пленных. Охрана поручалась чинам местной полиции, в помощь которой могли наниматься сторожа. При распределении пленных предпочтение отдавалось частновладельческим хозяйствам. Помимо сельского хозяйства труд пленных применялся в строительстве, в промышленности, на железных дорогах, в городском хозяйстве и др. В немалой степени это было связано с дефицитом рабочей силы.

Рассматривая вопрос о содержании военнопленных, автор пишет, что в отличие от Германии и Австро-Венгрии положение с продовольствием в России, особенно в начальный период войны, было гораздо лучше. Это признавали и сами пленные. И согласно официальным российским документам военнопленные должны были получать питание, соответствующее питанию солдат русской армии. Будучи на работах в различных уездах Рязанской губернии, пленные получали сытную пищу в достаточном количестве. У крестьян они довольствовались вместе с хозяевами.

Но по мере того как в стране повышались цены на продовольствие и ухудшалось снабжение продуктами, власти предпринимали меры по изменению рациона и содержания военнопленных. Приказом по Московскому военному округу была установлена дневная норма довольствия для пленных солдат: хлеба или крупы – 24 золотника, соли – 11 золотников, овощей свежих – 60 золотников, овощей сушеных – 4 золотника, масла или сала – 5 золотников, перца – 1/6 золотника, чая – 2,5 золотника и сахара – 6 золотников. Офицеры получали ежемесячно 50 руб. (с. 64–65).

Военные власти должны были обращать внимание на то, чтобы пленные были обеспечены одеждой и обувью в соответствии с сезоном, чтобы они назначались на работы после медицинского освидетельствования, чтобы к ним не применялись никакие телесные наказания и чтобы охрана всегда соблюдала должное уважение к пленным офицерам. Заболевшие военнопленные обычно направлялись в земские больницы или госпитали. Вообще, в губерниях Центра России, в том числе и Рязанской губернии, военнопленные были достаточно хорошо охвачены медицинской помощью, в отличие от крупных пересыльных лагерей или лагерей в азиатской части страны, в Сибири. Смертность среди военнопленных в Рязанской губернии оставалась на низком уровне. Так, за период с 5 мая по 15 декабря 1915 г. в Рязани не было ни одного случая смерти. В уездах гибель отдельных военнопленных была связана с несчастными случаями.

Положение военнопленных порой зависело и от того, как относились к русским пленным в Германии и в Австро-Венгрии: действовал принцип «око за око» (с. 74). При всем том, «некоторые военнопленные вели в плену достаточно сносную жизнь» (с. 76). Обладая востребованными специальностями, они работали слесарями, шоферами, электриками, фармацевтами и т.д. Бывали случаи, когда военнопленные и гражданские пленные (подданные вражеских государств, застигнутые войной в России) накапливали значительные средства. По сведениям МВД, в некоторых губерниях они занимались скупкой предметов, являющихся памятниками русской старины. Как указывалось в официальном документе, они имели полный досуг и использовали неосведомленность местного населения о ценности предметов искусства и быта отдаленных времен.

Автор рассматривает и вопрос об отправлении религиозного культа в условиях плена. Среди нижних чинов и офицеров были православные, католики, протестанты, униаты, иудеи, мусульмане. Военные власти, пишет автор, по мере возможностей учитывали характер и особенности религий, к которым они принадлежали (с. 77). Так, осенью специальным распоряжением военный министр разрешил освободить от занятий военнопленных иудейского вероисповедания по случаю религиозных праздников.

Довольно мягкий режим содержания и отсутствие надлежащей охраны при увеличении числа пленных на работах в Европейской России способствовали росту числа побегов. Власти пытались бороться с этим. Командующий войсками Московского военного округа в своем циркуляре отмечал недостаточный надзор

за пленными и требовал установить режим строгой дисциплины. Он писал: «Поражает открытое разгуливание в городах и селах одиночных военнопленных, командированных в распоряжение земских управ и розданных этими последними по обывателям. Военнопленные состоят в городах и селах приказчиками в магазинах, ямщиками на земской почте, имеют в своем распоряжении лошадей, исполняют обязанности поваров, готовят пищу для наших раненых нижних чинов, работают в качестве садовников у частных лиц и т.п. В результате замечается крайняя распушенность военнопленных и является полная возможность им свободно скрываться среди обывателей и бежать... военнопленные... как только попадают на сельскохозяйственные и другого рода работы, получают и полную свободу действий, и возможность бесконтрольно распоряжаться заработанными деньгами, а также жить без всякого надзора... пользуются большей свободой, чем наши нижние чины. Пленные далеко не чувствуют тех неизбежных стеснений, которые они должны чувствовать в силу своего положения, как военнопленного...» (с. 87).

Фрейлина О.С. Раевская, гостившая летом в имении своей сестры в Рязанском уезде, писала рязанскому губернатору, что она «была глубоко поражена положением военнопленных рабочих, как в Рязанском уезде, так и по всей губернии»: «Можно себе вообразить, что это желанные гости и покровители России, а отнюдь не наши пленные враги. Работать они отказываются, а крестьяне ничего с ними сделать не могут, так как пленные над ними смеются и грозят русским крестьянам, что пожалуются на них в земскую управу, каковую угрозу они часто приводят в исполнение, причем управа неизменно становится на сторону пленных. Пленные, несмотря на распоряжение имеющееся по этому поводу, не только свободно и без провожатых выходят из крестьянских и господских усадеб, но и даже без разрешения и вопреки запрещению хозяев самовольно уходят гулять даже в рабочие дни, ходят из деревни друг другу в гости, собираются большими партиями, и гуляют где хотят, и возвращаются домой когда хотят... Пленные, не желая работать в полях, самовольно меняют хозяев, берут частные профессии...» (с. 117–118). По словам Раевской, военнопленный – это самый любезный кавалер для девушек и веселый товарищ для молодых парней (с. 118). Она также сообщала, что в селе Матчино один пленный объявил себя гадалщиком и совсем отказался работать. При этом «бабы к нему липли как мухи...» (с. 118).

Но участвовавшие случаи неповиновения пленных, их отказы от работы часто были связаны и с ухудшением условий их существования. Власти были обеспокоены таким «бунтарством», тем более, что оно проявлялось на фоне роста продовольственных волнений и других форм недовольства местного населения. Обычным наказанием пленных во второй половине 1915 – начале 1917 г. за отказ работать становился арест от трех до семи суток.

Среди военнопленных российские власти выделяли менее и более лояльных по национальному признаку. Ко вторым относили пленных славян, несмотря на то, что далеко не все они питали симпатии к России, итальянцев и румын. В отдельную категорию были выделены военнопленные германской армии из Эльзаса и Лотарингии. На эти категории военнопленных была направлена пропаганда, главной целью которой было привлечь их на свою сторону в войне. Значительная часть военнопленных славян, особенно чехов, словаков и сербов, оправдала эти ожидания, вступив в национальные военные формирования. Кроме того, у них было больше возможностей улучшить свое положение в плену. Многие из них пытались сделать это, подавая прошения о принятии в русское гражданство.

Отношения пленных и местного населения Рязанской губернии не оставались неизменными на протяжении всей войны. Постепенно спокойное и даже благожелательное отношение к пленным начало сменяться недовольством из-за слишком свободного режима их содержания. Этому «способствовало формирование образа врага в среде гражданского населения» по мере развертывания пропаганды, а также возрастания тягот военного времени. В то же время значительная часть населения Рязанской губернии постепенно привыкла к присутствию военнопленных, многие из которых показали себя лояльными России (с. 138).

В губернии по-прежнему превалировали военнопленные армии «лоскутной монархии», но в это время среди них уже было много австрийцев и венгров. После Февраля 1917 г. усиливаются меры по привлечению военнопленных в национальные военные формирования при русской армии и в армии союзников, что вело к некоторому сокращению пленных в губернии. Были существенно облегчены и условия их существования. Власть предпринимала меры по более точной регистрации военнопленных в целях их эффективного использования в экономике, а также ввиду их предстоящей эвакуации на родину.

Расширился круг организаций, которые занимались пленными, их использованием в экономике. Труд военнопленных по-прежнему был весьма востребован в сельском хозяйстве. Но крестьянство через различные революционные органы постепенно меняло характер социальных отношений в сельских районах. В центральных губерниях, и в том числе в Рязанской, у многих владельцев экономий снималась часть военнопленных или даже все они для распределения по крестьянским хозяйствам.

Для многих пленных ослабление режима содержания, новации революционного времени принесли улучшение материального положения. В то же время рост цен, высокая инфляция, критическое состояние снабжения и ряд иных неблагоприятных условий вели к деградации положения другой части пленнных. Это касалось в первую очередь тех, кто был размещен в лагерях и не был занят в аграрном секторе или на каких-либо работах (с. 182).

В конце 1917 – начале 1918 г. новый виток революционного процесса (захват власти большевиками, крестьянская общинная революция, солдатские бунты) привел к существенному ухудшению положения военнопленных в Центральной России. И в Рязанской губернии эти события разворачивались на фоне усиления экономического кризиса и обострения продовольственного вопроса, что сильно ударило по военнопленным, многие из которых лишились заработка. Но режим содержания стал гораздо мягче, что проявлялось в облегчении принятия гражданства военнопленными, в снятии ограничений на вступление в брак, в расширении возможностей по трудоустройству. Это было связано и с идеологией большевиков, и с условиями выхода России из войны, и с особенностями революционной эпохи.

После заключения Брестского мира начинается долгий процесс возвращения военнопленных на родину. Большая их часть покинула Рязанскую губернию на протяжении второй половины 1918 – 1920 г. На 1 ноября 1920 г. в губернии насчитывалось 169 военнопленных солдат и три офицера (с. 206). При этом многие из них оставляли лагеря и места работ и двигались на родину самостоятельно, несмотря на официальные запреты. Для некоторой части из них «путь домой пролегал через участие в российской Гражданской войне. Кроме того, были и те, для кого Россия стала новой родиной» (с. 226).

В.М. Шевырин

Л.Н. Жванко¹

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА И БЕЖЕНЦЫ
НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ: НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ,
(конец XX – начало XXI века)
(Аналитический обзор)**

Великая война 1914–1918 гг., как одно из проявлений цивилизационного кризиса, ввергла человечество в невиданную до тех пор гуманитарную катастрофу – беженство². С огромным количеством гражданского населения, снятого с насиженных мест, столкнулись все воюющие стороны. Особый размах это явление получило на Восточном фронте, и в частности в Российской империи. Эта страница истории еще нуждается в более глубоком изучении и осмыслении. В год столетия от начала войны можно подвести некоторые итоги по этой тематике. Цель предложенного обзора – анализ основных тенденций изучения проблематики беженцев на Восточном фронте в современной европейской и российской историографии. Данный обзор не претендует на полноту освещения литературы, поскольку часть зарубежных работ недоступны автору.

Отдельные исследования по истории беженства появились только в последнее десятилетие прошлого века. До этого времени ученых интересовали такие вопросы, как военная история вооруженного конфликта, его экономическая и политическая состав-

¹ В ссылках на публикации Л.Н. Жванко встречаются два варианта инициалов из-за различий в написании ее отчества по-украински и по-русски (*Любов Николаївна Жванко* – *Любовь Николаевна Жванко*). – *Прим. ред.*

² Беженство – это вся реальность, охватывающая круг лиц, которые в годы Первой мировой войны попали в определение термина «беженцы», совокупность всех действий власти в этом направлении, реакция широкой общественности и отношение к окружающему миру самих беженцев. – *Прим. авт.*

ляющие, дипломатические игры основных участников противостояния. Одним из первых европейских историков, который начал исследование проблемы беженцев Первой мировой войны на территории Российской империи, стал профессор Манчестерского университета Питер Гетрелл. В работах этого историка воссоздается картина перемещения гражданского населения из западных прифронтовых в тыловые регионы (11; 12; 67). Его монография «Вся империя в пути: беженцы в России во время Первой мировой войны» выдержала два издания – 1999 и 2005 гг. Автор освещает причины беженства как нового социального явления, царскую политику в отношении этой категории населения, деятельность различных благотворительных комитетов, влияние российской Февральской революции на процесс этнической консолидации беженцев. Историк дает толкование понятия «перемещенные лица» (population displacement), к семантическому кругу которого относит беженцев, депортированных, военнопленных вражеских армий, интернированных из числа граждан вражеских стран (67, с. 4). П. Гетрелл рассматривает гендерные аспекты беженства, указывая на одну закономерность: «Если беженцы были вообще вычеркнуты из истории, то беженцы-женщины были вычеркнуты вдвойне» (67, с. 127).

Историк также исследовал феномен переселения гражданского населения в годы Первой мировой войны, самоидентификацию беженцев, особенности пребывания в тыловых губерниях различных их этнических групп – поляков, латышей, русских, украинцев. П. Гетрелл доказывает, что «беженство подтверждало респектабельность культивирования национального самосознания и придавало жизнеспособность действиям, которые вытекали из национальных особенностей. Беженцы были мобилизованы в “крестовый поход” в поддержку национального возрождения и в конечном счете создания или восстановления национального единства» (11, с. 65).

П. Гетрелл, анализируя проблему этнических беженцев, пишет о психологическом барьере, который приходилось преодолевать беженцам, так называемый «порог» или «граница», в зависимости от ситуации. Те, кто «переступили порог» неизвестности, и те, кто встретил беженцев, были вынуждены сосуществовать вместе. При этом историк обращает внимание на такую дефиницию: «Для многих из беженцев, нерусских по происхождению, не делалось различия между беженцами и коренным населением. Однако не во всех случаях положение тех, кто переступил “порог”, было

одинаковым. Едва ли оно могло быть для евреев таким же, как для поляков или латышей. Российские евреи, в течение многих лет жившие в черте оседлости, действительно пересекали реальную границу. В отличие от беженцев, которые меняли свое место жительства в пределах собственно России, беженцы из Галиции или турецкой Армении действительно пересекали государственную границу... В некоторых случаях граница – чисто территориальное понятие, в некоторых – культурное (между городом и деревней) или религиозное, иногда это понятие включало в себя комплекс культурно-правовых норм» (11, с. 48).

В статье «Беженцы и проблемы пола в России во времена Первой мировой войны» П. Гетрелл проанализировал деятельность Татьянинского комитета по оказанию помощи беженцам, роль в нем Великой княжны Татьяны, участие в работе местных отделений комитета представительниц слабого пола, особенности трудоустройства беженок, борьбы с проституцией (12). «Беженцы, несомненно, несправедливо обойдены вниманием исследователей, поскольку они не поддавались и сейчас не поддаются попыткам “разложить” этих людей на установленные категории... в привычных рамках общественных сил, классов, сословий, национальных этнических групп» (12, с. 112).

Немецкий историк Йорг Баберовски тоже высказал свое мнение относительно понятия «беженец». В книге «Красный террор. История сталинизма», анализируя исторический контекст появления сталинизма как одного из последствий Первой мировой войны, он отметил: «Беженец символизировал распад старого строя, он воплощал беспорядок и нестабильность, чего так боялись царские генералы. И поскольку беженец не был ни рабочим, ни крестьянином, ни дворянином, ни буржуа, он был современным кочевником без корней и связей» (3, с. 24). При этом количество беженцев было столь велико, что историк назвал Россию «страной беженцев» (3, с. 22).

Отдельные упоминания о беженцах представлены в контексте исследования о здравоохранении в Российской империи британского историка Питера Уолдрона. При этом автор без использования архивной базы делает ошибки фактологического характера, в частности при расчетах количества беженцев, прибывших в Екатеринослав (63).

Современные польские историки активно включились в изучение тематики беженства Первой мировой войны, поскольку этот научный аспект долгое время был вне поля зрения исторической

науки коммунистической Польши. С конца прошлого века в Университете им. Марии Кюри-Склодовской в Люблине была сформирована научная школа по изучению проблемы польских беженцев в годы Первой мировой войны. Одним из ведущих исследователей этой школы является профессор Мариуш Кожневский. Его работы в Польше стали первыми исследования, в которых обобщено изучение истории польских беженцев в годы Первой мировой войны (69; 71).

В его книге рассматривается деятельность Центрального обывательского комитета Царства Польского (ЦОК) по оказанию помощи беженцам на белорусских землях в 1915–1918 гг. Нужно отметить, что в географические рамки этого исследования кроме белорусских губерний – Минской, Могилевской, Витебской – включены Смоленская, Орловская и Черниговская губернии. Определяя статус поляков, эвакуированных в тыловые губернии Российской империи, он подчеркивает, что российская власть в официальных бумагах использовала термин «беженец» – «uciekinię» (беглец). В архивных документах часто встречались такие понятия, как «wygnaniec» (выгнанец), «uchodźca» (беженец), «tułacz» (странник), которые, по убеждению историка, подчеркивают статус польского населения, насильственно вывезенного из польских губерний (69, с. 12).

Автор раскрывает структуру одной из самых влиятельных польских общественных организаций, имевшей в каждой губернии Российской империи, куда были эвакуированы польские беженцы, свои отделения. Историк выделяет три фазы функционирования ЦОК: от начала его создания и деятельности на территории оккупированной Польши; от конца 1915 г. до Февральской революции; в послереволюционный период и до конца Первой мировой войны (69, с. 18). Кожневский приводит материал относительно эвакуации гражданского населения польских земель. На ее начальном этапе у простых поляков бытовало убеждение, что «...родные места они покидают на короткое время и уходят не далее чем за реку Буг». В реальности их вывозили в тыловые губернии Российской империи (69, с. 105). Далее автор дает широкую характеристику деятельности отделений ЦОК на белорусских землях – оказание разноплановой помощи беженцам, которая финансировалась, главным образом, из государственной казны. Белорусские отделения ЦОК были одной из частей этого общества на территории России (69, с. 382).

Результатом совместной работы Мариуша Кожневского, Мариуша Мондзика и Дариуша Тарасюка стала монография «Судьба странников. Польские беженцы в Российской империи в

годы Первой мировой войны» (70). Работа польских историков – результат их многолетних научных поисков (о чем свидетельствует обширная библиография) в сфере деятельности общественных комитетов по опеке соотечественников, эвакуированных в тыловые губернии Российской империи. Ее цель – анализ различных аспектов пребывания беженцев из Королевства Польского в годы Первой мировой войны на территории России (8, с. 11). Хронологические рамки исследования охватывают период с середины лета 1915 г., от начала эвакуации значительного количества гражданского населения и до окончания военного конфликта и провозглашения Польшей независимости в ноябре 1918 г. Ключевыми аспектами исследования стали история деятельности польских благотворительных учреждений, их структура, состав, программные принципы деятельности, источники финансирования, статус и место в системе органов помощи беженцам Российской империи, этапы их деятельности и др. Среди важнейших задач ЦОК авторы называют отстаивание перед официальными властями статуса поляков как «беженцев», ставших ими в результате действий российской армии, а отнюдь не по своей воле (70, с. 54).

В первом разделе «Беженцы» авторы передают трагизм начала эвакуации, статистику польских беженцев, их расселение на новых местах, социальную и возрастную структуру. Второй раздел «Организация помощи» посвящен польским общественным институтам, взявшим на себя миссию организации помощи беженцам-соотечественникам. Среди них – ЦОК, Польский комитет в Москве, Польский комитет санитарной помощи, Польский львовский комитет помощи, Польское общество помощи жертвам войны. В третьем разделе «Акции помощи» авторы рассматривают направления помощи изгнанникам – по материальной, юридической, медицинской, образовательной линиям; раскрывают источники финансирования; анализируют издательскую деятельность вышеперечисленных организаций. Историки акцентируют внимание на «религиозной помощи», т.е. обеспечении духовных нужд беженцев. Авторы предполагают, что эта сфера помощи была одной из самых сложных, поскольку вмешивалась в личную жизнь беженцев (70, с. 172). Важной стала задача организации в условиях эвакуации начальных школ для детей беженцев. Более того, местные польские диаспоры заботились о поддержании патриотических настроений среди беженцев (70, с. 179) с тем, чтобы они не утратили польскую идентичность и связь с родиной. Общественно-

политической деятельности польских беженцев посвящен четвертый раздел книги «Общественно-политическая жизнь».

Чрезвычайно сложная проблема возвращения польских беженцев домой раскрыта в пятом разделе «Возвращение на родину». После провозглашения независимости Польши прервала дипломатические отношения с Советской Россией и заботы об опеке над польскими беженцами взяла на себя датская миссия. Развязанная вскоре советско-польская война осложнила возвращение на родину тысяч поляков, находившихся «в российской глубинке» (70, с. 227). Исследователи высказывают мысль, что Польша с большой неохотой принимала поляков из России, боясь, что они могут быть сторонниками социалистических идей. Книга стала заметным шагом вперед в исследовании беженства Первой мировой войны на постимперском пространстве, являясь одной из первых обобщающих работ по этой тематике (26, с. 223).

В еще одной коллективной работе М. Кожневского, М. Мондзика, Д. Тарасюка и К. Лятавца, посвященной истории пребывания поляков на территории Восточной Украины в 1832–1921 гг., в некоторых разделах освещена деятельность польских благотворительных организаций в сфере социальной опеки польских беженцев Первой мировой войны (72). Например, в третьем разделе книги рассматривается деятельность местных отделений ЦОК, Польского общества помощи жертвам войны, Польского львовского комитета. Именно они организовали помощь своим соотечественникам, эвакуированным по распоряжению военного командования Российской империи в тыловые губернии, среди которых особое место занимали две украинские – Екатеринославская и Харьковская (72, с. 130–169). В «Эпilogue (1919–1921)» анализируются политические события на Украине, акцентировано внимание на условиях репатриации бывших беженцев Первой мировой войны в Польшу при новом, большевистском режиме в России. Авторы ставят вопрос об установлении точного числа польских беженцев, которым удалось вернуться на родину (72, с. 212).

Среди других работ польских историков следует выделить работу Александра Ахматовича, посвященную политике Российской империи в решении польского вопроса на начальном этапе Первой мировой войны (66). Автор рассматривает вопросы возникновения беженства и возможности местных польских диаспор организовать им помощь (66, с. 344–345). В статье Алиции Глаз поднимается вопрос эвакуации гражданского населения с террито-

рии Люблинской губернии в глубь Российской империи в условиях отступления российской армии летом 1915 г. (68).

В книге польского профессора Щецинского университета Яна-Марии Пискорского «Изгнанники. Переселения и беженцы в Европе в XX веке» определяется типология миграционных процессов, выделены экономические и политические причины, которые приводят к появлению перманентных мигрантов (73). Автор пишет: «Все мы – потенциальные беженцы» (73, с. 25). Я.М. Пискорский, аргументируя свое мнение относительно семантики понятия «беженство», отмечает, что «поскольку беженство сопровождается человечеством с начала истории, но его формы постоянно меняются, историки должны принять как можно более широкую его дефиницию» (73, с. 24).

Понятие «беженство» ученый принципиально применяет к принудительным мигрантам, независимо от места их пребывания – на родине или за ее пределами (73, с. 24.). Мировая война 1914–1918 гг., по мнению историка, разрушила прежнюю систему мироустройства и привела ко всем последующим трагическим событиям на европейском континенте. Эта война породила массовые «интернирования и депортации иностранцев и этнических меньшинств из стран их проживания» (16, с. 325). В условиях националистической истерии, которая разворачивалась во всех странах – участницах конфликта, беженцев трактовали как потенциальных предателей. Я.-М. Пискорский считает, что беженцев было трудно отличить от насильственно переселенного населения. Чрезвычайно трагическим является осознание того, что во время войны солдаты, погибая на поле боя, могут рассчитывать на какое-то скромное надгробие или хотя бы крест, а «беженцы умирают тихо в придорожных рвах, в переполненных вагонах, в железнодорожных тоннелях, в лагерях для интернированных, одним словом – в пути» (73, с. 20).

Монография Я.-М. Пискорского – квинтэссенция европейской литературы по вопросам беженства, миграций, переселений, этнических чисток; цитирование автором произведений Эриха-Марии Ремарка усиливает трагизм восприятия описываемых событий. Книга написана без использования архивных источников, которые, по нашему убеждению, составляют основу исторического исследования. Предложенная проблематика подается сквозь призму исторического опыта собственной семьи автора, оказавшейся в эпицентре трагических событий, это заставляет отнести книгу к жанру политической эссеистики (16, с. 330).

Латышские историки Т. Бартеле и В. Шалда в статье, посвященной латышским беженцам в России уже в годы Гражданской войны, проанализировали причины появления латышских беженцев, их количество (760 тыс. в 1915 г.), деятельность этнических комитетов по оказанию помощи (7, с. 19).

На постсоветском пространстве качественно новые подходы в изучении проблематики истории Великой войны были выработаны только в последнее десятилетие XX в. Они ознаменовались переосмотром методологических подходов, поиском новых архивных материалов, проведением ряда юбилейных мероприятий. Приоритет в изучении этого направления принадлежит российским ученым. Координирующим центром исследований стала созданная в декабре 1992 г. Российская ассоциация историков Первой мировой войны. У ее истоков стояли ведущие историки Ю. Писарев, П. Волобуев, В. Мальков, К. Шацилло и др. Организация объединила исследователей, специализирующихся на изучении различных аспектов глобального вооруженного конфликта 1914–1918 гг., в том числе – и беженства (56).

В этот же период было снято табу с неудобной для советской исторической науки темы, которой была тематика беженства и проблемы благотворительности на территории Российской империи. В связи с невыгодным сравнением уровня оказания помощи беженцам со стороны царской России с их судьбой после возвращения на родину в 1918–1925 гг., а также с условиями массовой эвакуации в годы Великой отечественной войны проблема беженцев войны 1914–1918 гг. долгое время попросту умалчивалась (38, с. 129).

В юбилейном сборнике «Первая мировая война. Пролог XX века» Российской академии наук отсутствовало исследование, посвященное беженцам (50). Однако уже через год в другом издании – «Россия и Первая мировая война», которое стало результатом проведенного международного colloquium (Санкт-Петербург, июнь 1998 г.), была опубликована статья курского историка А. Курцева «Беженство» (38). Он стал одним из первых, кто в постсоветской историографии начал работу над этой тематикой. Кроме того, он ввел в научный оборот достаточно емкое понятие «беженство», которое определяет весь комплекс проблем, связанных с судьбой беженцев в Российской империи (38, с. 129).

В другой работе А. Курцев на основе анализа архивных документов попытался подсчитать численность беженцев, осевших в тыловых губерниях России, определить их этнический, возрастной, половой состав. Он описал систему центральных и местных

органов власти, призванных обеспечить жизненные потребности беженцев. Не обошел вниманием А. Курцев и проблемы транспортировки беженцев, предоставления им на путях движения и в местах расквартирования медицинской, продовольственной и другой помощи (39). Ученый также попытался исследовать сложную проблему – статистику численности беженцев. Он отметил, что «изучение судьбы беженцев в тяжелые времена Первой мировой войны требует точного определения их численности» (40, с. 127). Проведя значительную поисковую работу в архивах, Курцев нашел ценные документы, проливающие свет на статистику беженцев. Историк пришел к выводу, что в течение войны на территории Российской империи находилось до 5 млн «настоящих беженцев, включая жителей Галиции и Румынии, Турции и Персии, немалая часть которых осела непосредственно в оккупационных зонах наших войск» (40, с. 127).

Проблеме становления высшего государственного органа помощи беженцам – Особого совещания по устройству беженцев – посвящена статья российского юриста А. Ильина (34). Он попытался определить причины того, почему лишь осенью 1915 г. во время наибольшего размаха движения беженцев Российская империя только приступила к формированию системы государственной помощи беженцам (34, с. 49). Ильин утверждает, что отсутствие эффективной поддержки Особого совещания по устройству беженцев со стороны Государственной думы привело к потере ее влияния в этом вопросе. Поскольку именно этой структуре невозможно было взять под свой контроль деятельность местных учреждений МВД, которые руководили организацией помощи пострадавшему от войны населению (34, с. 54).

Одним из направлений современных российских исследований в области Первой мировой войны стало изучение истории благотворительности, и в частности благотворительности царской семьи. Следует назвать работы, посвященные подвижнической деятельности императрицы Александры Федоровны и ее дочерей. Например, в книге «Августейшие сестры милосердия» есть материалы, посвященные Великой княжне Татьяне Николаевне. Она была почетной председательницей одноименного комитета, который одним из первых на уровне империи стал заниматься организацией помощи беженцам (1). Нужная информация по этому вопросу содержится и в книге Г.Н. Ульяновой (62). В работе Н.Л. Матвеевой «Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны» собраны дневниковые записи современников Великой

княжны Татьяны Николаевны, в которых отмечается ее отношение к бремени председательствования в комитете (46, с. 47–49). В книге проанализированы различные благотворительные акции Татьянинского комитета в пользу беженцев (46, с. 116–118). Автор пишет, что комитет «завоевал популярность еще и своим интернациональным подходом к потребностям мирного населения многонациональной Российской империи» (46, с. 149).

Отдельный блок составляют работы, посвященные деятельности двух ведущих общественных организаций – Всероссийского земского союза (ВЗС) и Всероссийского союза городов (ВСГ). В 1992 г. московский историк А. Асташев обратил внимание на недостаточный уровень изучения роли общественно-политических организаций в жизни России времен Первой мировой войны. А. Асташев, отмечая эволюцию этих объединений, указывает: «Начав свою деятельность по оказанию помощи раненым воинам, беженцам, по участию в ликвидации эпидемических заболеваний, по снабжению армии, они затем подключились к решению продовольственного и транспортного вопроса и наконец вплотную подошли к участию в общественно-политической борьбе» (2, с. 169).

С.Г. Нелипович рассматривает вопросы интернирования и депортации населения территории Восточной Пруссии и Галиции, оккупированных российскими войсками в августе 1914 – июле 1915 г. Историк дает такую оценку массовой эвакуации беженцев в середине 1915 г.: «Массовое насильственное перемещение населения летом 1915 г., а затем и спровоцированное “беженство” являлись составной частью планов русского командования по эвакуации и разорению оставляемой территории Галиции и Буковины в ходе широкомасштабного отступления, последовавшего за прорывом австро-венгерских войск под Горлицей» (48, с. 66). В другой работе он раскрывает проблематику депортаций гражданского населения, проводившихся военными властями Российской империи (47).

В монографии А. Бахтуриной исследуется политика Российской империи в Восточной Галиции (8). Отдельные сюжеты книги посвящены проблематике эвакуированного населения. Автор пытается объяснить термины «беженец», «выселенец», «заложник», замечая, что последних было мало, а основной контингент составили «выселенцы» (8, с. 201).

И.Б. Белова в книге «Первая мировая война и российская провинция. 1914 – февраль 1917 г.» нарисовала многоплановую картину жизни двух среднерусских губерний – Калужской и Ор-

ловской. Ее важной составляющей была организация надлежащих условий временного пребывания беженцев (9).

Деятельность отделений ВЗС и ВСГ по оказанию помощи беженцам на Среднем Урале, и в частности в Пермской губернии, исследует К.Е. Баженова (5). В ее статье рассматриваются принципы формирования местных представительств, особенности и трудности деятельности, взаимоотношения местного населения и беженцев и т.д.

Алтай в годы Первой мировой войны также стал местом временного проживания беженцев из западных окраин Российской империи. Это новое социальное явление изучают в своей статье И.А. Еремин и Т.А. Кижасева (15). Авторы отмечают: «Не обошли Алтай стороной и чрезвычайные крупномасштабные миграционные потоки, вызванные мировой войной. Уже в первые месяцы войны в далекой от линии фронта Сибири появились беженцы. Их количество в регионе многократно увеличилось со второй половины 1915 г., когда русская армия под натиском превосходящих сил австро-германской коалиции вынуждена была покидать западные губернии страны» (15, с. 231). Подводя итог, исследователи отмечают, что губернским и местным властям в годы войны удалось не допустить гуманитарной катастрофы и избежать крупных социальных волнений среди беженцев (15, с. 233). Жизнь беженцев на юге Западной Сибири достаточно полно представлена в статье А.С. Щетининой. Автор отразила динамику прибытия контингента беженцев в 1915 г. и их возвращение домой уже в 1920 г. (65).

Жизнь эвакуированных в центральных регионах России анализируется в статье М.С. Кищенко, посвященной беженцам в Ярославской губернии (36). Автор раскрывает проблемы взаимодействия этнических беженцев – поляков, литовцев, латышей – с местными властями и жителями. Он утверждает, что именно «война привела к росту национального самосознания национальных диаспор. Война также способствовала более тесному взаимодействию местного населения и беженских диаспор, что вызвало рост толерантности и взаимопонимания между народами» (36, с. 64–65).

В учебных пособиях Т.И. Трошиной (60), Е. Максимова и В. Тотфалушина (45) представлены сюжеты о беженцах на севере России, в частности в Архангельске, а также на Среднем Поволжье.

Коллективная статья Н.В. Суржиковой, Н.А. Михалева и С.А. Пьянкова посвящена российскому беженству 1914–1922 гг. в контексте новейшей отечественной и зарубежной историографии (59). Авторы подчеркивают, что в их исследовании дана интерпре-

тация промежуточных итогов изучения проблемы российского беженства 1914–1922 гг. Проблема беженства Первой мировой войны находится в поле зрения и белорусских историков. В. Скалабан в статье, посвященной изучению истории белорусских беженцев, отметил, что современный интерес к изучению тематики беженства обусловлен межнациональными конфликтами, локальными войнами, необходимостью решения проблем беженцев (58). В. Саматя рассматривает положение белорусских беженцев в тыловых губерниях Российской империи (53). С. Лапанович проанализировал деятельность государственных и общественных структур в деле помощи беженцам на территории Белоруссии в течение 1914 – октября 1917 г. Автор высказал предположение, что деятельность общественных организаций по оказанию помощи беженцам на местах часто зависела от субъективного отношения к ним со стороны губернатора и военной администрации (42, с. 112).

Современные украинские ученые также активно включились в разработку тематики беженства как одной из гуманитарных проблем Первой мировой войны. Среди новых направлений выделяются те, которые раньше находились вне поля зрения ученых. Один из ведущих исследователей Первой мировой войны профессор А.П. Реент отмечает: «Первая мировая война стала катализатором общественных процессов в Надднепрянской Украине и Западной Украине. Воссоздать общую мозаичную картину всех явлений военно-политического, социально-экономического, этноконфессионального, идеологического плана – чем не задача для историков Львова, Киева, Ужгорода, Донецка?» (52, с. 11). В одной из своих работ историк рассматривает беженство для Украины как двуединую проблему народа, вынужденного воевать по разные стороны фронта, защищая интересы Российской и Австро-Венгерской империй. Этнические украинцы стали беженцами в этих государствах, причем первой эвакуационные мероприятия относительно украинского населения Галиции и Буковины провела австрийская власть (51, с. 96).

В украинской исторической литературе успешно исследовались формирование и деятельность различных благотворительных союзов и этнических комитетов, возникших на волне патриотического подъема широкой общественности в первые месяцы войны. В статьях А.Н. Доника (14) и Н.И. Загребельной (31) положено начало исследованиям процесса становления, структуризации, социальной базы и деятельности ведущих гуманитарных организаций на Украине в период Первой мировой войны. Среди обще-

ственных организаций историки выделили Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов, работа которых благодаря разветвленной сети их местных комитетов «наиболее весомой и осязаемой оказалась на украинских землях» (14, с. 82).

В поле внимания историков также и деятельность местных отделений Татьянинского комитета. Н.И. Загребельная определила роль Татьянинского комитета в сфере социальной защиты беженцев, программные положения и этапы его деятельности на Украине. Она отметила, что «...уже с лета 1915 г. предоставление помощи беженцам было перенесено из плоскости благотворительности в сферу опеки государством обездоленных граждан» (32, с. 89). Подводя итоги, историк заметила: «Татьянинский комитет был одной из самых влиятельных благотворительных организаций, курирующих проблему беженцев во время Первой мировой войны, и в частности на украинских землях Российской империи, исполнял координирующие функции в центре и на местах, привлекая к этому делу представителей широких кругов общественности и различных организаций» (32, с. 91). Отдельные аспекты деятельности Киевского и Подольского отделений Татьянинского комитета проанализировали Н.А. Сейко (55), а Харьковского – Л.Н. Жванко (20).

Одной из первых книг на Украине по истории благотворительности в период Первой мировой войны стала совместная работа Н.И. Загребельной и И.А. Коляды «Великая война: украинство и благотворительность (1914–1917 гг.)» (33). Авторы обобщили материалы, посвященные деятельности общественных организаций в сфере оказания помощи пострадавшему от войны населению. Они рассматривают процесс формирования на украинских землях отделений ВЗС, ВСГ, Татьянинского комитета, Российского комитета Красного Креста и других благотворительных структур, которые, среди прочего, оказывали и помощь беженцам. В выводах отмечается, что «на украинских территориях в годы Первой мировой войны наиболее важными центрами общественной опеки беженцев стали Киев, Харьков и Екатеринослав» (33, с. 191).

В статье А.В. Сердюка «Беженство на Украине во время Первой мировой войны» рассмотрены причины появления беженцев, условия их транспортировки, законодательное регулирование проблемы, а также положение этих людей в новых условиях жизни и др. (57). Исследователь попытался воспроизвести ужасную, по его мнению, картину перемещения беженцев. Он отметил, что «холодная осень заставляла людей распродавать при первой возможности лошадей с повозками и двигаться дальше поездами» (57,

с. 119). А.В. Сердюк отметил способности украинского социума оказывать помощь жертвам войны, и в частности беженцам (57, с. 129). Еще одну попытку обобщить проблематику беженства предприняла Т.И. Лазанская в статье «Положение беженцев на Украине в годы Первой мировой войны». Автор довольно эмоционально описывает процесс эвакуации беженцев, условия их проживания, предоставления продовольственной помощи и др. (41).

Среди публикаций как в украинской, так и в российской историографии преобладают работы региональной направленности, в контексте которой рассматривается жизнь беженцев. Например, вопрос эвакуации беженцев с территории Галиции поднимает в своей статье И. Баран (6). П.В. Клещинский посвятил свою работу принудительной эвакуации населения из прифронтовых Подольской и Волынской губерний. Ценность этой работы заключается в том, что автор впервые анализирует приказы военного командования о выселении гражданского населения (37, с. 154). К проблеме пребывания беженцев на Подолье обращается в своей статье Л. Багас. При этом автор, делая попытку анализа законодательной базы Российской империи, приводит лишь два законодательных акта, от 20 и 30 августа 1915 г., по урегулированию проблем беженцев (4). На самом же деле «Положение об обеспечении нужд беженцев» было утверждено императором Николаем II 30 августа 1915 г. Е.Ю. Джумига, освещая условия жизни детей в Одессе в годы Первой мировой войны, упоминает о положении детей беженцев (13). В.А. Пархоменко в научно-популярной книге по истории города Николаева в годы Первой мировой войны посвящает отдельные моменты новой категории городского населения и функционирования этнических комитетов по оказанию помощи беженцам (49). Общая картина жизни беженцев в Черниговской губернии представлена в статье В. Шевченко (64).

В 2003–2009 гг. опубликован ряд исследований автора данного обзора, посвященных проблемам беженства на территории Екатеринославской (23), Полтавской (17; 27) и Харьковской губерний (28). Исследовались пути решения проблемы беженцев местными властями одного из мощных тыловых регионов империи, каким была Левобережная Украина. В статьях Л.Н. Жванко проанализированы проблемы оказания помощи беженцам со стороны духовенства Полтавской и Харьковской епархий (22), участие монастырей в проведении благотворительных сборов, удовлетворение духовных нужд иностранных и отечественных беженцев (21; 29).

Судьба беженцев различных этнических групп – поляков, латышей, литовцев, евреев – на украинских землях стала темой ряда исследований. Одной из наиболее разработанных стала проблема польских беженцев Первой мировой войны (24; 25). В ряде статей Т. Лихачевой раскрыта широкая панорама жизни беженцев (43; 44). В монографии Н. Сейко, посвященной благотворительной деятельности польской общины в рамках деятельности Киевского учебного округа в XIX – начале XX в., говорится об обучении польских детей-беженцев (54).

Проблематика трудоустройства этой новой категории украинского социума рассмотрена в работах Б. Заброварного и А. Михайлюка, авторов труда «Украинское село в годы Первой мировой войны». Они попытались определить количество беженцев, занятых на сельскохозяйственных работах (30). На страницах двухтомника «История украинского крестьянства: очерки» обращено внимание на использование беженцев в сельском хозяйстве. Как отмечают авторы книги, к сожалению, это была не совсем действенная альтернатива заполнения пустующей ниши, возникшей в результате мобилизации на фронт значительного количества мужчин (35, с. 498). Ф.Г. Турченко и Г.Ф. Турченко проанализировали процессы трудоустройства беженцев в контексте истории южных регионов Украины в условиях военного времени (61). Они отмечают, что труд беженцев не получил широкого использования в сельском хозяйстве региона, поскольку те были больше заняты в промышленности (61, с. 104).

Недавно появились две публикации Л.Н. Жванко, в которых освещаются вопросы беженства как нового социального явления военного социума. Следует упомянуть вышедший в 2009 г. сборник документов «Беженство Первой мировой войны на Украине. Документы и материалы (1914–1918 гг.)» (19). Концептуально новым стал подход к определению хронологии войны и беженства, включая и революционные события на Украине 1917–1918 гг. В сборнике собраны и впервые введены в научный оборот 250 уникальных документов из фондов девяти центральных и областных архивов Украины. Достаточно широко использованы материалы украинских периодических изданий военного времени. В большой вступительной статье «Беженство Первой мировой войны на Украине: проблемы, размышления, комментарии» исследовательница пишет о создании системы государственных органов, оказывавших помощь беженцам в Российской империи. Опыт предыдущих войн, когда беженцев было не так много, привел к

тому, что в начале войны власти Российской империи не считали необходимым создать специальную государственную структуру, которая занималась бы этой проблемой, поскольку для этого был учрежден Татьянинский комитет (19, с. 54–55). Л.Н. Жванко прослеживает деятельность Особого совещания по устройству беженцев также и после Февральской революции.

Еще одним результатом многолетней работы Л.Н. Жванко по данной теме стала монография «Беженцы Первой мировой войны: украинская реальность (1914–1918 гг.)» (18) (см. помещаемый в нашем сборнике отдельный реферат на эту книгу. – *Ред.*). В книге беженцы Первой мировой войны трактуется как одна из ключевых социогуманитарных проблем этой войны. Историографический анализ имеющейся литературы заставляет автора прийти к выводу об отсутствии обобщающей научной работы, в которой давалась бы целостная картина поднятой в монографии тематики. Монография, написанная на материалах девяти украинских архивов и обширной литературы из библиотек трех стран, стала одной из первых в постсоветской и одной из немногих в европейской историографии попыток создания целостной картины беженства как социального явления во время Великой войны 1914–1918 гг.

В год столетия Первой мировой войны появилось первое фундаментальное исследование ведущих украинских историков «Великая война 1914–1918 гг. и Украина» (10). В книге изложены результаты новейших исследований, знакомясь с которыми читатель может почувствовать глубину вооруженных конфликтов, трагичность судьбы народов, вовлеченных в них, необратимые сдвиги в психологии простого обывателя, зачастую вырванного из привычной среды обитания, – беженца, военнопленного, депортированного, выселенца. Масштабность социальных потрясений в книге прослеживается на примере разрушения патриархальных устоев общества, деструктивных процессов в экономической жизни, ухудшения материального положения населения, что привело к системному кризису Российской империи и революционным процессам.

Первый том (второй представлен документальными источниками и готовится к печати) состоит из семи разделов (в структуре которых – отдельные параграфы), посвященных ключевым проблемам Великой войны: «Украинские земли в контексте международных отношений и национальной политики Российской империи», «Военный фактор в событиях 1914–1918 гг.», «Украинский политикум и актуализация “украинского вопроса” в ходе войны», «Функционирование общественных организаций и рели-

гиозная жизнь населения», «Украина на завершающем этапе противостояния враждебных сторон». В разделе «Социально-экономическое положение и повседневная жизнь украинского социума» размещены исследования о жизни беженцев в украинских губерниях. Это – «Проблема беженства в украинских губерниях Российской империи» Т.И. Лазанской (10, с. 481–511) и «Политика украинских национальных правительств относительно беженцев» Л.Н. Жванко (10, с. 511–534).

Данный обзор новых исследований, посвященных проблематики беженства Первой мировой войны на Восточном фронте, позволяет сделать вывод, что эта тематика остается открытой для европейских и российских историков. Ее актуальность подталкивает ученых к новым поискам. Работы российских историков по преимуществу носят описательный характер, это свидетельствует о постепенном накоплении фактического материала, на основе которого должны появиться фундаментальные труды с новыми методологическими подходами, что позволит воссоздать широкую картину беженства в Российской империи периода 1914–1918 гг. Украинские и польские историки уже имеют весомые наработки исследования беженства Первой мировой войны, хронологически охватывающие весь период мирового конфликта.

Список литературы

1. Августейшие сестры милосердия / Сост. Н.К. Зверева. – М.: Вече, 2008. – 464 с.
2. Астаиов А.Б. Союзы земств и городов и помощь раненым в Первую мировую войну // Отечественная история. – М., 1992. – № 6. – С. 169–172.
3. Баберовські Й. Червоний терор. Історія сталінізму. – Київ: К.І. С., 2007. – 248 с.
4. Багас Л.М. Вирішення проблеми біженців у Подільській губернії під час Першої світової війни. – Mode of access: <http://www.nbuv.gov.ua/portal/soc...vurimerry%20problem.pdf>
5. Баженова К.Е. Деятельность организаций Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов Пермской губернии по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны // Вестник Челябинского государственного университета. – Челябинск, 2011. – № 12 (227), Вып. 45. – С. 21–27.
6. Баран І. Галичина на початку Першої світової війни: проблема біженців. – Mode of access: http://www.nbuv.gov.ua/portal/Soc_Gum/NZTNPUist/2009_2/materialy/2009_2/Baran.pdf
7. Бартеле Т., Шалда В. Латышские беженцы в России в годы гражданской войны // Отечественная история. – М., 2000. – № 1. – С. 18–31.
8. Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. – М.: АИРО-XX, 2000. – 264 с.

9. *Белова И.Б.* Первая мировая война и российская провинция, 1914 – февраль 1917 г. – М.: АИРО-XXI, 2011. – 288 с.
10. Велика війна 1914–1918 рр. і Україна: У 2 кн. – Кн. 1: Історичні нариси / Ред. кол.: В.А. Смолій (голова). Київ: ТОВ «Видавництво “КЛІО”», 2014. – 784 с.
11. *Гатрелл П.* Беженцы в России в период Первой мировой войны // Исторические записки. – М.: Наука, 2004. – Т. 4 (122). – С. 46–72.
12. *Гатрелл П.* Беженцы и проблема пола в России во время Первой мировой войны // Россия и Первая мировая война (материалы междунар. colloquium). – СПб., 1999. – С. 112–128.
13. *Джумига Є. Ю.* Умови життя дітей в Одесі під час Першої світової війни, (липень 1914 – лютий 1917 р.): соціально-економічний аспект // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2013. – Вип. 19. – С. 369–379.
14. *Донік О.М.* Громадська благодійність в Україні в роки Першої світової війни // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2005. – Вип. 9. – С. 61–86.
15. *Еремін І.А., Кижаєва Т.А.* Алтай в годы Первой мировой войны, (1914–1918 гг.) // История Алтайского края, XVIII–XX вв. – Барнаул: Б. и., 2004. – С. 225–237.
16. *Жванко Л.* [Рецензія] // Схід – Захід. Історико-культурологічний збірник. Проблеми історичної урбаністики. – Харків: ТОВ «НТМТ», 2011. – Вип. 15. – С. 321–330. Рец. на кн.: *Piskorski J.M.* Wygnańcy. Przesiedlenia i uchodźcy w dwudziestowiecznej Europie. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 2010. – 339 s.
17. *Жванко Л.* Біженці Першої світової війни на Полтавщині, (1915–1916 роках) // П'ята Полтавська наук. конф. з істор. краєзнавства: матеріали доп. і повідом., 3–4 груд. 2003 р. – Полтава: Б. в., 2003. – С. 113–118.
18. *Жванко Л.М.* Біженці Першої світової війни: український вимір (1914–1918 рр.). – Харків: Віровець А.П. «Апостроф», 2012. – 568 с.
19. *Жванко Л.М.* Біженство Першої світової війни в Україні: Документи і матеріали (1914–1918 рр.). – Харків: ХНАМГ, 2009. – 360 с.
20. *Жванко Л.М.* Діяльність Харківського губернського відділення Тетянинського комітету // Історичний журнал. – 2005. – № 4. – С. 104–109.
21. *Жванко Л.* До проблеми задоволення релігійних потреб біженців католиків у Російській імперії, (1914–1918 рр.) // Studia Polonijne. – Lublin: Towarzystwo naukowe KUL Katolicki uniwersytet Lubelski Jana Pawła II, 2009. – Т. 30. – S. 137–147.
22. *Жванко Л.М.* Духовенство Харківщини та організація допомоги біженцям // Історія релігій в Україні: наук. щорічник: В 2 кн. – Львів: Логос, 2005. – Кн. 1. – С. 243–249.
23. *Жванко Л.М.* З історії перебування біженців Першої світової війни в Катеринославській губ. (1915 р.) // Наддніпрянська Україна: історичні процеси, події, постаті: зб. наук. пр. / Відп. ред. С. І. Світленко. – Дніпропетровськ: Вид-во ДНУ, 2006. – Вип. 4. – С. 218–224.
24. *Жванко Л.* Перша світова війна і проблеми польських біженців в Україні, (1914–1918 рр.) // Res Historica. – Lublin, 2010. – Т. 30. – S. 79–108.

25. Жванко Л.М. Проблеми реєвакуації польських біженців за доби Української Народної Республіки та Гетьманату Павла Скоропадського (1917–1918 pp.) // Polska dyplomacja na Wschodzie w XX początkach XXI wieku. Praca zbiorowa pod redakcją H. Strońskiego i G. Seroczyńskiego. – Olsztyn; Charków: LITTERA, 2010. – S. 51–68.
26. Жванко Л.М. [Рецензія] // Український історичний журнал. – 2008. – № 3. – С. 223–227. – Рец. на кн: Korzeniowski M., Mańdzik M., Tarasiuk D. Tułaczy los. Uchodźcy polscy w imperium rosyjskim w latach pierwszej wojny światowej. – Lublin: Wydawnictwo uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2007. – 238 s.
27. Жванко Л.М. Румунські біженці Першої світової війни на Полтавщині // Архіви і документальна спадщина Полтави: минуле, сучасне, перспективи, 1903–2003. – Полтава: АСМІ, 2003. – С. 208–215.
28. Жванко Л.М. Харківська губернія у роки Першої світової війни: становлення системи органів допомоги біженцям // Історія України: Маловідомі імена, події, факти: 36. ст. / Відп. ред. П.Т. Тронько. – Вип. 33. – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2006. – С. 341–361.
29. Жванко Л.Н., Нестуля А.А. Проблема оказания духовно-религиозной помощи беженцам Первой мировой войны (на примере украинских губерний) // Первая мировая война. Взгляд спустя столетие: материалы междунар. науч.-практич. конф. «Первая мировая война и современный мир», 26–27 мая 2010 г. – М.: Издательство МНЭПУ, 2011. – С. 314–328.
30. Заброварний Б.Й., Михайлюк О.Г. Українське село в роки Першої світової війни. – Луцьк: Надстир'я, 2002. – 148 с.
31. Загребельна Н.І. Провідні гуманітарні громадські організації в Україні у період Першої світової війни: створення, структура, соціальна база, джерела фінансування // Проблеми історії України XIX – початок XX ст. – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2003. – Вип. 6. – С. 255–269.
32. Загребельна Н.І. Роль Комітету Її Імператорської високості великої княгині Тетяни Миколаївни в організації надання тимчасової допомоги постраждалим від воєнних дій у роки Першої світової війни // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2005. – Вип. 9. – С. 87–91.
33. Загребельна Н.І., Коляда І.А. Велика війна: українство і благодійність, (1914–1917 pp.). – Київ: Ін-т історії України НАН України: Нац. пед. ун-т ім. М.П. Драгоманова, 2006. – 193 с.
34. Ильин А.В. Об Особом совещании по устройству беженцев, (1915 – февраль 1917 г.) // Известия высших учебных заведений. – 1991. – № 5. – С. 49–55.
35. Історія українського селянства: нариси: В 2 т. / Відп. ред. В.А. Смолій. – Київ: Наукова думка, 2006. – Т. 1. – 631 с.
36. Кищенко М.С. Беженцы Первой мировой войны в Ярославской губернии // Ярославский педагогический вестник. – Ярославль, 2010. – № 2. – С. 61–65.
37. Кліщинський П.В. Примусова евакуація населення й майна з прифронтових зон губерній Правобережної України у червні – жовтні 1915 р. // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2009. – Вип. 16. – С. 151–158.
38. Курцев А.Н. Беженство // Россия и Первая мировая война: (материалы междунар. colloquium). – СПб.: Дм. Буланін, 1999. – С. 129–146.

39. *Курцев А.Н.* Беженцы Первой мировой войны в России, (1914–1917) // Вопросы истории. – М., 1999. – № 8. – С. 98–114.
40. *Курцев А.Н.* Количество беженцев в российских регионах на 1916–1917 гг. // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: сб. науч. тр. IV Междунар. науч. конф. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. – Т. 2. – С. 127–135.
41. *Лазанська Т.І.* Становище біженців в роки Першої світової війни // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2009. – Вип. 16. – С. 196–240.
42. *Лапановіч С.Ф.* Дзейнасць дзяржаўных і грамадскіх арганізацый па аказанні дапамогі у Беларусі ў гады Першай сусветнай вайны, (1914 – кастрычнік 1917 г.). – Мінск: Акад. МУС, 2010. – 127 с.
43. *Лихачова Т.* Польські організації допомоги жертвам війни в системі державної та суспільної опіки над біженцями на Сході, (1914–1921 pp.) // Polska dyplomacja Wschodzie XX – początkach XXI wieku. Praca zbiorowa pod redakcją H. Strońskiego i G. Seroczyńskiego. – Olsztyn; Charków: LITTERA, 2010. – S. 33–51.
44. *Лихачова Т.М.* Культурно-просвітницька робота серед біженців-поляків з Королівства Польського в роки Першої світової війни // Актуальні проблеми вітчизняної і всесвітньої історії: Зб. наук. пр. – Харків: Вид-во ХНПУ ім. Г.С. Сковороди, 2007. – Вип. 10. – С. 86–94.
45. *Максимов Е.К. Тотфалушин В.П.* Саратовское Поволжье в годы Первой мировой войны: учебное пособие к курсу «История Саратовского Поволжья». – Саратов: Научная книга, 2007. – 124 с.
46. *Матвеева Н.Л.* Благотворительность и императорская семья в годы Первой мировой войны. – М.: Изд-во МГОУ, 2004. – 189 с.
47. *Нелипович С.Г.* Депортации в России 1914–1918 гг. // Военно-исторический журнал. – М., 1997. – № 1. – С. 42–53.
48. *Нелипович С.Г.* Население оккупированных территорий рассматривалось как резерв противника // Военно-исторический журнал. – М., 2000. – № 2. – С. 60–69.
49. *Пархоменко В.А.* У войны забытое лицо... Малоизвестные страницы Первой мировой войны. – Николаев: ННУ им. В.А. Сухомлинского, 2011. – 180 с.
50. Первая мировая война. Пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. – М.: Наука, 1998. – 692 с.
51. *Реснт О.* Україна у Першій світовій війні: сучасні науково-методологічні акценти // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: міжвід. зб. наук. пр. / Відп. ред. В.А. Смолій. – Київ.: Ін-т історії України НАН України, 2007. – Вип. 16, Ч. 1. – С. 88–103.
52. *Реснт О.П.* Перша світова війна: історико-теоретичні аспекти вивчення проблеми // Проблеми історії України XIX – початку XX ст. – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2002. – Вип. 6. – С. 5–11.
53. *Саматья В.* Проблема беженцев в Белоруссии в годы Первой мировой войны [Электронный ресурс]. – Mode of access: <http://www.nlr.ru:8101/exib/war1/p39.htm>
54. *Сейко Н.А.* Добровичність поляків у сфері освіти України, (XIX – поч. XX ст.). Київський учбовий округ. – Житомир: «Полісся», 2007. – 320 с.

55. *Сейко Н.А.* Фундація княжни Тетяни Миколаївни як доброчинна організація періоду I світової війни // Вісник Житомирського пед. ун-ту. – Житомир, 2003. – С. 164–167.
56. *Сергеев Е.Ю.* Российская ассоциация историков Первой мировой войны: задачи и перспективы // Великая война, 1914–1918 гг.: Альманах Российской ассоциации историков Первой мировой войны. – М.: Б. и., 2011. – Режим доступа: http://rusasww1.ru/view_news_about.php?id=36
57. *Сердюк О.В.* Біженство в Україні під час Першої світової війни // Проблеми історії України XIX – початок XX ст. – Київ: Ін-т історії України НАН України, 2002. – Вип. 4. – С. 111–132.
58. *Скалан В.* Белорусские беженцы Первой мировой войны: перспективы изучения // Последняя война Российской империи: Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документах российских и зарубежных архивов: Материалы междунар. науч. конф. Москва, 7–8 сентября 2004 г. / Отв. ред. В.П. Козлов. – М., 2006. – С. 66–70.
59. *Суржикова Н.В., Михалев Н.А., Пьянков С.А.* Российское беженство 1914–1922 гг. в контекстах новейших отечественной и зарубежной историографий. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-bezhenstvo-1914-1922-godov-v-kontekstah-noveyshih-otechestvennoy-izarubezhnoy-istoriografii>
60. *Трошина Т.И.* Великая война... Забытая война...: Архангельск в годы Первой мировой войны, (1914–1918): Книга для учителя. – Архангельск: КИРА, 2008. – 169 с.
61. *Турченко Ф.Г., Турченко Г.Ф.* Південна Україна: модернізація, світова війна, революція, (кін. XIX ст. – 1921 р.): Історичні нариси. – Київ: Генеза, 2003. – 303 с.
62. *Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи, XIX – начало XX в. – М.: Наука, 2005. – 403 с.
63. *Уолдрон П.* Государство и общество в России в военное время: здравоохранение и больницы во время Первой мировой войны // Первая мировая война. Взгляд спустя столетие: материалы междунар. науч.-практич. конф. «Первая мировая война и современный мир», 26–27 мая 2010 г. – М.: Издательство МНЭПУ, 2011. – С. 105–123.
64. *Шевченко В.М.* Проблема біженців на Чернігівщині в роки Першої світової війни // Проблеми історичного та географічного краєзнавства Чернігівщини: 36. ст. – Чернігів: Б. в., 1999. – Вип. 4. – С. 54–57.
65. *Щетинина А.С.* Беженцы на юге Западной Сибири, (1915–1920-е гг.) // Миграции и постмиграционные сообщества (Алтай – Казахстан, XIX–XX вв.): Сб. ст. / Под ред. В.Н. Владимирова, И.Г. Силиной. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007. – С. 124–143.
66. *Achmatowicz A.* Polityka Rosji w kwestii polskiej w pierwszym roku Wielkiej Wojny, 1914–1915. – Warszawa: Instytut Historii PAN, 2008. – 403 s.
67. *Gatrell P.* A Whole Empire Walking: Refugees in Russia During World War I. – Bloomington: Indiana univ. press, 2005. – 318 p.
68. *Glaz A.* Ewakuacja ludności cywilnej z Lubelszczyzny latem 1915 r. // Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. – Lublin: Polonia, 2001. – Vol. 56. – S. 113–131.

69. *Korzeniowski M.* Na wygnańczym szlaku... Działalność Centralnego Komitetu Obywatelskiego Królestwa Polskiego na Białorusi w latach 1915–1918. – Lublin: Lubelskie Towarzystwo Naukowe, 2001. – 390 s.
70. *Korzeniowski M., Mąndzik M., Tarasiuk D.* Tułaczylos. Uchodźcy polscy w imperium rosyjskim w latach pierwszej wojny światowej. – Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2007. – 238 s.
71. *Korzeniowski M.* Za Złotą Bramą. Działalność społeczno-kulturalna Polaków w Kijowie w latach 1905–1920. – Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2009. – 621 s.
72. *Mąndzik M., Korzeniowski M., Latawiec K., Tarasiuk D.* Polacy na wschodniej Ukrainie w latach 1832–1921. – Lublin: Wydawnictwo OLECH, 2012. – 230 s.
73. *Piskorski J.M.* Wygnańcy. Przesiedlenia i uchodźcy w dwudziestowiecznej Europie. – Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 2010. – 339 s.

Жванко Л.Н.¹

**БЕЖЕНЦЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: УКРАИНСКАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ, (1914–1918 гг.)
(Реферат)**

Жванко Л.М.

Біженці першої світової війни: український вимір,
(1914–1918 рр.). – Харків: Віровець А.П.
«Апостроф», 2012. – 568 с.

Монография доцента кафедры истории и культурологии Харьковской национальной академии сельского хозяйства, д-р. ист. наук Л.Н. Жванко, написанная на основе неопубликованных архивных материалов (Центральный государственный исторический архив в Киеве, Центральный государственный архив высших органов власти и управления в Киеве, Государственный архив Автономной Республики Крым в Симферополе и др.), периодических изданий и опубликованных документов, воспоминаний и дневников, посвящена малоизученной научной проблеме – беженству Украины времен Первой мировой войны как одной из ее основных социогуманитарных проблем. Книга состоит из вступления, трех глав, выводов, приложений и списка источников и литературы. Во вступлении Л.Н. Жванко пишет, что беженцы всегда находятся «в таком треугольнике, что двумя другими его вершинами выступают власть и общество» (с. 12). Первая мировая война продемонстрировала, какими бывают эти отношения и насколько государство «готово взять

¹ В ссылках на публикации Л.Н. Жванко встречаются два варианта инициалов из-за различий в написании ее отчества по-украински и по-русски (*Любов Николаївна Жванко* – *Любовь Николаевна Жванко*). – Прим. ред.

на себя ответственность за свои стратегические ошибки, ценой которых стало перемещение миллионов людей» (с. 12).

В первой главе рассматривается явление беженства на украинских землях во времена Российской империи, анализируются нормативно-правовые принципы и государственная система регулирования проблемы беженцев, говорится о гражданских структурах помощи беженцам и различных направлениях этой помощи. Уже с первых дней войны власти Российской империи столкнулись с новым общественным явлением – беженством, которое автор называет одной из ключевых морально-психологических проблем того времени (с. 26). Одной из особенностей Первой мировой войны стал насильственный вывоз военными гражданского населения в тыловые районы. Впервые такая акция была проведена в Российской империи.

Беженство не было специфически украинским явлением – его узнали и другие участники войны. Так, например, с ним столкнулась Германия, когда на Западном фронте французы вошли в Эльзас, а на Восточном – русские перешли прусскую границу. В конце осени 1915 г. общая численность беженцев-немцев составляла от 700 тыс. до 1 млн человек (с. 27). В июле-августе 1915 г. начался массовый приток беженцев в окраинные губернии Российской империи с западного театра военных действий. До июня 1915 г. термин «беженец» официально не употреблялся. Вместо него использовалось выражение «население, которое выселяется» (с. 32). Среди переселенцев на особом положении находилось еврейское население. При «очищении» прифронтовой зоны городские евреи в соответствии с распоряжениями российских военных властей сосредоточивались в специальных пунктах, а жители других местностей оставлялись на местах. «Евреев иностранного происхождения, – подчеркивает автор, – запрещалось допускать вглубь России» (с. 35).

Появление беженцев на украинских территориях, подвластных Российской империи, было «обусловлено военными, психологическими и политическими факторами» (с. 37). Главным из них, по мнению Л.Н. Жванко, следует признать факт развязывания войны и появления у рядового обывателя панического страха, который гнал его в безопасное место. Необходимо также отличать выселения подданных Николая II христианского вероисповедания и славянской национальности от депортационных акций, направленных против немцев, австрийцев, венгров, турок и болгар. Так, например, поляки считались царской властью добровольными

беженцами-славянами, которым предоставлялись бесплатный проезд по железной дороге и питание по пути следования в дальние губернии, где они могли найти опеку и работу. А этнические представители враждебного России блока рассматривались как «резерв врага» (с. 39). Они выселялись из прифронтовых зон в административном порядке и попадали под надзор полиции, не имея права пользоваться помощью государства и общества.

Проникновение беженцев-евреев во внутренние губернии Российской империи обратило внимание властей на эту проблему. 13 августа 1915 г. вступил в силу циркуляр М. Щербатова о расширении «черты оседлости», который позволил беженцам-евреям расселяться в тыловых губерниях империи. Аморальная политика депортаций проводилась и другими участниками конфликта. Так, например, немцы выселили из Пруссии десятки тысяч евреев и поляков (с. 41).

Беженцы нуждались в разносторонней помощи, поэтому российские власти еще в начале войны сделали ставку на подвижность членов царской семьи. 14 сентября 1914 г. был создан Комитет Ее Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны (дочери Николая II) для оказания помощи пострадавшим в ходе военных действий. В комитете работали 25 человек, в том числе три женщины – О. Горемыкина, жена премьер-министра империи И. Горемыкина, и две фрейлины императрицы – баронесса С. Буксгевден и О. Бюцова. Финансирование комитета осуществлялось из государственной казны и за счет частных пожертвований. Комитет имел разветвленную сеть своих представительств по всей территории Российской империи, в том числе на украинских землях. А 10 сентября 1915 г. при Министерстве внутренних дел империи был создан Особый совет, который должен был заниматься делами беженцев.

Кроме того, в Российской империи были приняты законы и положения, определившие основы государственной политики в сфере беженства. Так, например, на начальном этапе Первой мировой войны правовая база регулирования проблем беженцев была представлена «Положением о Татьянинском комитете», «Законом об обеспечении потребностей беженцев», указами о деятельности специальных уполномоченных. А 15 сентября 1916 г. Особый совет утвердил «Руководящие положения», которые касались материальной помощи беженцам. Увеличивалась их зарплата, продовольственную и жилищную помощь получали 50% беженцев. Беженцам помогали и общественные организации, например Всероссийский

земский союз помощи больным и раненым воинам и Всероссийский союз городов. Важнейшей стороной помощи им была социальная опека. Средств на их обеспечение не хватало, поэтому для получения необходимых финансов устраивались благотворительные концерты, спектакли, народные гуляния. Так, осенью 1915 г. в Чернигове были проведены два благотворительных концерта, в результате которых для беженцев было собрано 962 руб. В то же время «имперская по своей природе власть, а также война, которая усугубляла экономический и социальный кризис России, негативным образом влияли на деятельность структур по делам беженцев, и, как следствие этого, жизнь беженцев была довольно сложной, трагичной, лишенной стабильности и уверенности в будущем» (с. 240).

Во второй главе показывается, как украинская Центральная рада решала проблемы беженцев Первой мировой войны. Она взяла власть в свои руки в марте 1917 г. На этот момент на украинских территориях находилось значительное количество беженцев. Среди них были поляки, латыши, литовцы и представители других национальностей, бежавших от Октябрьской революции. Другую группу составляли беженцы-украинцы, покинувшие неурожайные российские губернии. А зимой 1917 г. в связи с переходом Румынии на сторону Антанты и оккупацией ее территории немецкими войсками на Украине появились беженцы-румыны. Автор утверждает, что «новая украинская власть, безусловно, должна была стать защитницей интересов беженцев...» (с. 247). Началось создание нормативно-правовой базы и системы соответствующих органов власти. Царские структуры помощи беженцам были ликвидированы. В марте-июне 1917 г. делами беженцев руководил Особый совет при Министерстве внутренних дел Временного правительства России. Однако украинцы стремились создать свой орган, занимающийся беженством, и осенью 1917 г. был юридически оформлен Государственный совет по делам беженцев. В ноябре 1917 г. была провозглашена Украинская Народная Республика (УНР). В ответ большевистское правительство заблокировало в декабре финансирование Украины. Более того, как пишет Л.Н. Жванко, «большевики предприняли попытки уничтожить налаженную систему помощи беженцам, как это было, например, на Харьковщине» (с. 252).

Ключевым моментом в истории беженства Первой мировой войны автор называет переговоры в Брест-Литовске, на которых «украинская делегация впервые подняла на международный уровень эту гуманитарную проблему общеевропейского масштаба» (с. 279). Планировалось создание комиссии, состоящей из предста-

вителей Украины, Австро-Венгрии и Германии, для решения вопроса о реэвакуации беженцев на родину. Однако участники Четвертого союза по-другому относились к этому вопросу, и Украина, подписав мир «без аннексий и контрибуций», осталась один на один с проблемами сотен тысяч беженцев. В аналогичной ситуации оказались и польские структуры, занимавшиеся подготовкой возвращения своих граждан домой. Центральные державы «проигнорировали просьбы польской стороны наладить репатриацию польских беженцев, которые проживали в Советской России» (с. 281).

В период существования УНР положение беженцев было «достаточно драматичным» (с. 285). Им не хватало жилья, продовольствия, одежды, обуви. Помощь беженцам организовывалась по следующим направлениям: продовольственная и материальная помощь, опека детей, медицинская помощь, организация лечения беженцев и т.п.

В апреле 1918 г. Министерство внутренних дел УНР утвердило План реэвакуации беженцев. В документе предлагалось наладить сотрудничество с соседними государствами в целях ускорения возвращения на родину беженцев-иностранцев.

Таким образом в сложных условиях военных действий власти УНР взяли на себя самостоятельную задачу решить проблему беженства. Ключевым документом для них стало «Приложение к плану реэвакуации», в котором предусматривалось проведение серьезной работы по началу реэвакуации с конца марта 1918 г. Несмотря на пассивное противодействие австро-венгерской и германской сторон и хозяйственную разруху в стране, в марте-апреле 1918 г. на Украине «развернулась широкая подготовительная работа по проведению в жизнь плана возвращения домой очередных жертв недальновидной политики императорских военных» (с. 334).

В третьей главе анализируются социальное положение беженцев Первой мировой войны в Украинской державе П. Скоропадского, основы политики в сфере беженства, проблемы реэвакуации беженцев. Одним из важнейших аспектов внутренней политики Украинской державы стало решение комплекса гуманитарных проблем, порожденных войной. В помощи нуждались военнопленные, инвалиды войны, дети-сироты, переселенцы и беженцы. Во времена Украинской державы беженство как социальное явление приобрело международный характер, а Украина, как транзитная территория, стала эпицентром действий по реэвакуации беженцев.

В Украинской державе руководящим органом по проблемам беженцев был Департамент по делам беженцев, находившийся в

Киеве. Летом-осенью 1918 г. над оптимизацией структуры Департамента работала специальная законодательная комиссия Министерства внутренних дел Украинской державы. А Государственный совет по делам беженцев рассматривался как совещательный коллегиальный орган для принятия различных решений по делам беженства, утверждения разработанных Департаментом нормативных актов. Решения Совета вступали в силу после подписания их министром внутренних дел.

Для организации помощи беженцам на местах был расширен институт уполномоченных. В начале мая 1918 г. таковых было четверо (В. Кустовский, А. Васильчук, В. Старовойтенко-Блинов, И. Менжинский), но увеличение объема работы с беженцами потребовало вовлечения новых лиц. Особую группу уполномоченных составляли чиновники, выезжавшие за границу для выполнения поручений Департамента по делам беженцев.

Важной проблемой гетманской власти стало формирование административного аппарата в поветах, присоединенных к Харьковской и Черниговской губерниям. Так, 14 августа 1918 г. в состав Харьковской губернии вошли пять поватов Курской губернии – Белгородский, Грайворонский, Суджацкий и Ново-Оскольский, а также Валуйский повет Воронежской губернии. Налаживание жизни в поветах, находившихся в прифронтовой зоне, сопровождалось большими трудностями. Причиной этого, по мнению автора, «были постоянные вооруженные нападения большевистских отрядов, конфискация зерна и продуктов питания, насилие над местными жителями» (с. 348).

Украинская держава организовала процесс реэвакуации беженцев. Одним из негативных факторов, повлиявших на этот процесс, было возвращение из концентрационных лагерей Австро-Венгрии украинских военнопленных, которые заполнили все поезда. Реэвакуация началась с беженцев-иностранцев, среди которых было большое количество поляков. Главным перевалочным пунктом на пути их следования домой был город Ровно. В неравных условиях с другими беженцами оказались польские евреи, документы которых отправлялись на проверку в Варшаву. Более того, польская сторона была не готова принять большое количество беженцев, что было связано с процессом создания нового Польского государства. А изменение государственного устройства на Украине в декабре 1918 г. «поставило под сомнение возможность дальнейшего планомерного возвращения беженцев в свои жилища», поскольку новые власти не смогли покончить с анархией в стране (с. 429).

В выводах автор пишет, что Первая мировая война была «грандиозным испытанием для человеческой цивилизации, привела к кардинальным переменам в геополитическом и этносоциальном измерениях» (с. 432). Она не только принесла жертвы и разрушения, но и способствовала трансформации системы моральных ориентиров. В тогдашнем обществе была изменена система социальных ролей, и на арену вышли новые группы – беженцы, депортированные, военнопленные. Их появление, как пишет Л. Жванко, – «прямое последствие военного конфликта» (с. 432). Особое место среди беженцев занимало гражданское население, которое вынуждено было покинуть родные места по приказу военных либо из страха за свою жизнь. Наиболее широкий размах беженство приобрело на российско-австро-германском театре военных действий. Пребывание беженцев на украинских землях в годы Первой мировой войны автор делит на три периода в соответствии с теми государствами, в которых им приходилось находиться: 1) август 1914 г. – февраль 1917 г. – Российская империя; 2) март 1917 г. – апрель 1918 г. – власть Украинской Центральной рады и созданная ею Украинская Народная Республика; 3) апрель – декабрь 1918 г. – Украинская держава гетмана Павла Скоропадского (там же).

Украина сыграла значительную роль в возвращении домой беженцев-иностранцев из бывшей Российской империи, поскольку через ее территорию пролегал путь в Польшу и Прибалтику. Важно было также обеспечить всем необходимым беженцев-украинцев. Большая часть населения западных губерний Российской империи от начала эвакуации до возвращения на родину в 1924–1925 гг. имела статус беженцев. Подходы власти к проблеме беженства менялись в зависимости от изменений государственного устройства – Российскую империю сменили Украинская Народная Республика и Украинская держава. Многое зависело «от сути самих политических режимов, в сфере деятельности которых довелось существовать беженцам» (с. 435–436).

В приложениях к книге опубликованы сведения о передвижениях беженцев, об их численности, национальном, половом и возрастном составе и т.п. Кроме того, приведены списки губернских старост, атаманов и консулов Украинской державы. Содержатся также данные о выделении денежных средств для беженцев из государственной казны. Имеется карта реэвакуации беженцев в Украинской державе в апреле – декабре 1918 г.

О.В. Бабенко

Энглунд П.

**ВОСТОРГ И БОЛЬ СРАЖЕНИЯ: ПЕРВАЯ МИРОВАЯ
В 211 ЭПИЗОДАХ / Пер. со шведского Т. Чесноковой. – М.:
Астрель: CORPUS, 2013. – 640 с.
(Реферат)**

Книга Петера Энглунда, ученого с мировым именем, историка, постоянного секретаря Шведской академии наук, председателя жюри Нобелевской премии по литературе, о Первой мировой войне переведена почти на 30 языков. В основу исследования автор положил дневники и воспоминания участников событий Первой мировой. Большинство из них простые люди, как, например, Рафаэль де Ногалист, пылкий латиноамериканец, искатель приключений, от услуг которого отказались все армии, кроме османской; датский пацифист Крестен Андерсен, мобилизованный в немецкую армию; многодетная американка Лаура де Турчинович, бывшая замужем за польским аристократом и проводившая лето в имении в Польше; Флоренс Фармборо, англичанка, сестра милосердия русской армии; Олива Кинг – австралийка, приехавшая на своем грузовике в Сербию, чтобы служить в армии шофером, и многие другие – всего 19 человек, и каждый из них пишет о той войне, которая выпала на его долю. «Меня интересовали не столько факты, сколько люди, – отмечает в разделе “К читателю” Петер Энглунд, – не столько хроника, сколько впечатления, переживания и настроения. Ибо я пытался реконструировать не ход событий, а мир переживаний» (с. 11).

Автор выбрал 211 эпизодов из дневников своих героев, воссоздав таким образом 211 эпизодов четырех лет Первой мировой войны, день за днем, месяц за месяцем одновременно на всех фронтах: на Западном и Восточном, в Альпах, на Балканах, в Восточной Африке и Месопотамии. Он соединяет дневниковые записи

своих героев таким образом, чтобы добиться определенного стереоскопического эффекта, одновременного присутствия на всех фронтах войны. Так, например, события августа-сентября 1914 г. описаны по воспоминаниям сразу нескольких действующих лиц: корнета русского 1-го Сумского гусарского полка Владимира Литтауэра, командующего ротой лейб-гвардии Егерского полка Павла фон Гериха, кавалериста австро-венгерской армии Пала Келемена, немецкой школьницы Эльфриды Кур, немецкого матроса Флота открытого моря Рихарда Штумпфа, военного инженера русской армии князя Андрея Лобанова-Ростовского, американки Лауры де Турчинович, англичанки Флоренс Фармборо, датчанина Крестена Андерсена. Несмотря на различие судеб, статуса, пола, национальности персонажей, «всех их объединяет, – подчеркивает автор, – то, что война чего-то их лишила: юности, иллюзий, надежды, человечности – жизни» (с. 12).

В центре внимания автора – военные будни. Корнет Владимир Литтауэр начинает свои записи 12 августа 1914 г., когда его эскадрон оказывается в Восточной Пруссии. Идет второй год его службы в армии. Он самоуверен, высокомерен, умен, и до сей поры его жизнь текла беспечно. Для него, как и для его товарищей-офицеров, военная служба была не столько призванием, сколько образом жизни (с. 34).

16 августа 1914 г. другой герой Петера Энглунда – Павел фон Герих, командующий ротой лейб-гвардии Егерского полка, – направляется в Псков, в действующую армию. Несмотря на то что фон Герих прослужил в армии почти двадцать лет, он не видел войны и никогда не бывал в бою. «При известии о начале войны, – воспроизводит его дневниковые записи Петер Энглунд, – в офицерском клубе захлопали пробки от шампанского. Только вчера они оставили Петербург, проведя за две недели мобилизацию, – как обычно, под звуки “ура”, благословений и пожеланий... Когда поезд прибыл в Псков, все – и офицеры, и солдаты – высыпали на перрон, запрыгали, загалдели, в общем, вели себя как дети. Никто даже и не вспоминал, что едет на войну и что она может оказаться самой кровавой в мировой истории» (цит. по: с. 39).

25 августа 1914 г. кавалерист австро-венгерской армии венгр Пал Келемен оказался на фронте под Галичем. Ему 20 лет, он родом из Будапешта. Явных признаков войны – грохота пушек и прочего – пока еще не было. «Должно быть, это просто учения. Жаркое синее небо, запах конского навоза, пот, сено» (с. 47). Только когда дивизия достигла Галича, иллюзия о простых манев-

рах разбилась вдребезги. «По дороге навстречу гусарам двигались крестьяне и евреи. В самом городе царили тревога и хаос; где-то совсем рядом, как говорили, были русские». Келемен записывает в своем дневнике: «...На лицах людей – изнеможение, пыль, пот и паника, страшное смятение, боль и страдание... Видны даже военные фургоны посреди потока беженцев, а на поле заметны отступающие солдаты, пехота в панике бежит, взрывается кавалерия. Ни у кого нет оружия. Изможденный людской поток течет через долину...» (с. 48–49). Петер Энглунд замечает, что этот его герой, как и все остальные очевидцы, «имели очень смутное представление о том, что происходило в действительности, и пройдут годы, прежде чем отдельные впечатления сложатся в рассказ, называемый сражением у Лемберга – катастрофическое поражение австро-венгерской армии» (с. 49).

9 сентября 1914 г. эскадрон Владимира Литтауэра собрался у перешейка между озерами, к востоку от города Видминен. Город занят немецкими войсками. Русские знают, что ожидается наступление. Эскадрон Литтауэра стоит в резерве, он с интересом следит за дуэлью между русскими и немецкими пушками. Его гусары спешились и спрятались в укрытие. Даже в этой суматохе, при отсутствии достоверной информации понятно, пишет Петер Энглунд, что русское вторжение в Восточную Пруссию провалилось. На юге армия Самсонова наголову разбита немецкими дивизиями, ее остатки отступили к границе. «И теперь, похоже, немцы бросили свои силы против Ренненкампа на северо-востоке. Соединение Литтауэра вместе с пехотной дивизией каким-то образом должны будут блокировать немецкий прорыв» (с. 56). Внезапно Литтауэр замечает вдали какое-то движение. Это два немецких кавалерийских эскадрона несутся вперед разомкнутым строем. Они не видят спешившихся гусар. Литтауэр и его товарищи выжидают до последнего. А потом стреляют. Расстояние между ними столь ничтожно, что трудно промахнуться. Литтауэр смотрит, как падают всадники и кони. Те, кто уцелел, скачут назад что есть сил.

Вскоре Литтауэр видит длинные немецкие цепи, марширующие прямо на них. Русская артиллерия молчит, выжидая, затем открывает прицельный огонь. Снаряды рвутся сзади, впереди, прямо посреди рядов одетых в серое солдат в остроконечных касках. Цепи закачались в дыму, остановились, повернули назад. Наступления больше не предвиделось. Ночью эскадрон Литтауэра получил приказ об отступлении. Автор приводит еще несколько интересных фрагментов, показывающих, какой же была подлинная

история Первой мировой. Начало января 1915 г. Владимир Литтауэр только что получил новое назначение: командир взвода связи полка. В своем дневнике он записывает следующий эпизод, участником которого был он сам. Вечером три русских и три немецких офицера-кавалериста встречаются на промерзшей ничейной земле. Русские и немцы ведут вежливую беседу. О войне не упоминают, говорят в основном о спорте, особенно о предстоящих этим летом конных состязаниях. У кого-то с собой фотоаппарат. Они фотографируются. Прежде чем разойтись, договариваются о встрече на завтра. Русские принесут закуски, немцы – коньяк. Вечером новый командир дивизии Литтауэра узнал о том, что произошло, и запретил офицерам дальнейшее братание. На следующий день, когда показались немцы, со стороны русских раздались предупредительные выстрелы. Встреч больше не было (с. 113).

Или же совершенно иной эпизод, также из дневника Литтауэра. 2 марта 1915 г. Владимир осматривает поле боя в лесу под Августовом, где девять дней назад шли тяжелые бои, когда немцы окружили и разбили наголову 20-й корпус Булгакова. Колонна всадников движется вперед, и Литтауэр видит какие-то странные поленицы, словно вдоль лесной дороги нагромождены дрова. И все же что-то не сходится. Это явно не дрова, это штабеля человеческих тел... Литтауэр скачет дальше, в ужасе вглядываясь в леденящие кровь застывшие картины. Вот он видит батарею: люди и кони застыли в своих обычных позах, но все они мертвы. Он видит пехотную роту, которая полегла образцовым строем: всю ее скосил пулеметный огонь, все мертвы. Видит полдюжины санитаров, лежащих в ряд с нагруженными носилками, и они все тоже мертвы. Видит лежащих в куче немцев, одетых в серое: они тщетно пытались спрятаться под каменным мостиком, но все они теперь мертвы. Видит обоз русского полка: все кони и все люди были убиты при переправе через мост. Последней в этом ряду оказалась повозка священника. Он тоже погиб, сидя в своей повозке (с. 134–135).

И еще одна запись, датированная Рождеством 1915 г., из дневника Паоло Монелли, когда тот получает боевое крещение на горе Панаротта. Когда Италия объявила войну Австро-Венгрии, студент Болонского университета, изучавший юриспруденцию, как и многие итальянские студенты, записался в добровольцы. Будучи спортсменом-скалолазом, он смог вступить в ряды альпийских стрелков, элиты итальянской пехоты.

Автор воспроизводит содержание записей дневника Паоло Монелли от 23 мая 1916 г. С 15 мая 1916 г. австро-венгерские войска наступают в горах, вокруг плато Азоаго; враг одерживает внушительные победы, особенно в сравнении с бесполезным топтанием итальянской армии на реке Изонцо. И если врага не удастся остановить, он займет равнинную часть страны. Батальон альпийских стрелков, в котором служит и Паоло Монелли, вот уже несколько дней находится на Монте-Чима. Их то и дело обстреливает вражеская артиллерия. Монелли и другие не получают никаких известий. Своя артиллерия становится все слабее. Вчера вечером последние орудия исчезли из их сектора, это была батарея легких горных пушек. Одну батальонную роту уже послали в долину. И этим утром они проснулись на вершине горы в полном одиночестве. Получен приказ: оставаться на месте до наступления темноты. Ведь они – это арьергард, а значит, должны сдерживать врага и дать другим возможность к отступлению. «Что же будет с нами? И что будет с Италией?» Стрелки воочию наблюдают, как с ближайшей к ним горы спускаются австро-венгерские батальоны. А они могут только лицедрезать это, совершенно беспомощные, потому что противник находится на расстоянии выстрела от них, а у альпийских стрелков нет тяжелого оружия. Наступило утро, потом день, и им не оставалось ничего иного, только ждать – они отрезаны от остальных, изолированы, «и горечь ожидания ощущалась еще сильнее от того, что случилась катастрофа» (с. 307–308).

В тот же день пехотинец французской армии Рене Арно и его батальон находятся в деревне Бельваль-ан-Аргонн. Батальон слышит грохот пушек под Верденом. Все нервничают, ожидая, что их скоро пошлют сражаться. Теперь их ждут потери. Большие потери. Рене Арно пишет в дневнике: «Мы топтались на месте, обменивались слухами и спорили. Помню батальонного врача Трюше, он стоял согнувшись, расставив ноги, на лице его было написано беспокойство, он нервно теребил левой рукой свою черную бородку: “Какой позор! Следовало бы прекратить эту бойню! Позволить погибнуть тысячам, чтобы только оборонить все эти устаревшие форты. Как отвратительно! Ну и генералы у нас!”» (цит. по: с. 311).

Записи пехотинца британской армии Ангуса Бьюкенена воспроизводят военные действия в германской колонии в Восточной Африке. К январю 1917 г. большая ее часть находилась в руках союзников. Но победа досталась ценой невероятных страданий и огромных ресурсов. «До конца войны только

британцы завербовали себе миллион черных носильщиков, и каждый пятый из них погиб» (с. 390).

«Командование союзников во главе со Смэтсом никак не могло понять, что их противнику, дерзкому, умному и циничному фон Леттов-Форбеку, собственно говоря, плевать на колонию. Этот ас партизанской войны с самого начала видел свою задачу в том, чтобы оттянуть на себя как можно больше сил противника. Ибо каждый солдат, каждая пушка и каждый патрон, переправленный в Восточную Африку, означал на одного солдата, одну пушку и один патрон меньше на Западном фронте. У Смэтса теперь было в пять раз больше солдат, чем у фон Леттов-Форбека, но британцы так и не смогли одолеть этого немца» (с. 390). Многое из новой военной техники не было приспособлено к африканским условиям и климату. Моторный транспорт часто глох. Тяжелая артиллерия увязала, самолеты не могли обнаружить цель в густых зарослях.

В записях от 29 мая 1917 г. говорится, что войска фон Леттов-Форбека загнаны в юго-восточный угол колонии, но еще не побеждены окончательно. Новый командующий войсками союзников южноафриканский генерал-майор Луис «Джапи» ван Девентер настроен больше на ведение боевых действий, а не на хитроумные, но в основном бесполезные маневры с целью взять противника в «клещи». Извилистые марш-броски через заросли буша и джунглей, разумеется, имели своей целью сократить людские потери и перехитрить противника, но раз за разом это приводило к тому, что рубежи обороны растягивались до предела. Многие из тех, кого подобно Бьюкенену эвакуировали в Южную Африку для реабилитации, имели такой плачевный, истощенный вид, что вызывали всеобщее сострадание (с. 434–435).

Приведенные Петером Энглундом дневниковые записи дают большой материал для исследования антивоенных настроений в воюющих армиях. Так, записи Владимира Литтауэра, датированные 17 марта 1917 г., рассказывают об усмирении бунта в гарнизоне города Режицы. Вместе с приказом о подавлении мятежа до Сумских гусар доходили неясные слухи о беспорядках в Санкт-Петербурге. «В большом здании городского совета заседал Совет солдатских и рабочих депутатов. Что это такое, никто в точности не знал. Командир эскадрона вызвался пойти туда добровольцем на разведку. Через несколько минут из здания повалил народ: "...взбешенные солдаты, испуганные гражданские лица", погоняемые одним-единственным офицером, который стегал их своим стеком» (с. 412). «На протяжении почти четырех часов, – пишет Литтауэр, –

мы арестовали триста человек. Мы заняли два вокзала, почту, здания местных властей и начали патрулировать город» (с. 412).

В один июльский день 1917 г. вновь переплетаются судьбы Владимира Литтауэра и Паоло Монелли. В этот день Монелли видит расстрел двух дезертиров, солдат из их собственного соединения. Оба – бывалые солдаты, на фронте с самого начала войны. Монелли записывает, что солдаты расстрельного взвода отказывались стрелять. Монелли видит, как они потрясены, видит страх и боль на их лицах (с. 455–457). В это же время, пишет Петер Энглунд, Владимир Литтауэр находился на железнодорожном узле Дно, примерно в 100 километрах к востоку от Пскова. В его полку также пытались обуздать дезертирство. Разница состояла в том, замечает Петер Энглунд, что на Восточном фронте это явление приобрело массовый характер, так что было уже невозможно прибегать к расстрелам. Многие солдаты отказывались идти в бой. Немало было и тех, кто вообще не хотел воевать. Нередко случалось, что дезертировали целые воинские части, уезжая с фронта на захваченных поездах.

Французский чиновник Мишель Корде записал в своем дневнике 27 января 1918 г.: «Рабочие на верфи в Клите грозят забастовкой 31 января, “если к этой дате не начнутся переговоры”. Здесь мы видим новый поворот в противостоянии народа и власти: народ хочет знать, почему его заставляют сражаться. Потребовалось четыре года войны, чтобы это законное желание всплыло на поверхность. В России оно уже достигло своей цели. Всё громче звучат голоса в Англии. Требования заключить мир выдвигаются и в Австрии. Мы не знаем, насколько сильно недовольство войной в Германии или во Франции. Но война вступила в новую фазу – фазу борьбы между стадом и его пастырями» (с. 511).

Для в большинстве своем неизвестных героев Петера Энглунда война закончилась по-разному. Один из 19 погиб (военный инженер австралийских частей Уильям Генри Докинз), один пропал без вести (датчанин Крестен Андерсен), двое (итальянец Паоло Монелли и артиллерист британской армии новозеландец Эдуард Мосли) попали в плен, один превратился в живую развалину (британец Ангус Бьюкенен). Многие из них приветствовали начало войны, но затем научились ненавидеть ее; другие же возненавидели войну с самого первого дня. Но для всех них, как и для итальянца Паоло Монелли, Первая мировая стала «нашим злополучным наследством, нашим славным наследством, – во всяком случае, нашим окончательным и бесповоротным наследством, мы навеки прикованы к своей памяти» (с. 591).

И.Е. Эман

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бабенко Оксана Васильевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН.

Беспалов Сергей Валериевич – кандидат исторических наук, доцент факультета государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ.

Богомолов Игорь Константинович – аспирант ИНИОН РАН.

Дунаева Юлия Вячеславовна – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН.

Жванко Любовь Николаевна – доцент кафедры истории и культурологии Харьковской национальной академии сельского хозяйства.

Лыкошина Лариса Семёновна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела Восточной Европы ИНИОН РАН.

Любин Валерий Петрович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН.

Минц Михаил Михайлович – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН.

Некрасова Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник кафедры новой и новейшей истории исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Плувиано Марко – итальянский историк, член Итальянского общества по исследованию современной истории, член французского Коллектива международных исследований Первой мировой войны.

Сазонова Татьяна Константиновна – младший научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН.

Фадеева Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН.

Шевырин Виктор Михайлович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН.

Эман Ирина Евгеньевна – научный сотрудник отдела истории ИНИОН РАН.

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Сборник обзоров и рефератов

Оформление обложки И.А. Михеев
Компьютерная верстка Н.В. Афанасьева
Корректор Н.И. Кузьменко
Технический редактор Л.А. Можаяева

Гигиеническое заключение
№ 77.99.6.953. П. 5008.8.99 от 23.08.1999 г.
Подписано к печати 5/VIII – 2014 г. Формат 60х84/16
Бум. офсетная № 1. Печать офсетная Свободная цена
Усл. печ. л. 14,1 Уч.-изд. л. 13,3
Тираж 300 экз. Заказ № 103

**Институт научной информации по общественным наукам РАН,
Нахимовский проспект, д. 51/21, Москва, В-418, ГСП-7, 117997
Отдел маркетинга и распространения информационных изданий
Тел. / Факс: (499) 120-4514
E-mail: inion@bk.ru**

**E-mail: ani-2000@list.ru
(по вопросам распространения изданий)**

Отпечатано в ИНИОН РАН
Нахимовский проспект, д. 51/21
Москва, В-418, ГСП-7, 117997
042(02)9

